МОЙ
ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ

АГАТА КРИСТИ

Мисс Марпл
Агата Кристи

Аннотация
Untitled
СПЯЩИЙ УБИЙЦА
- Глава 1. ДОМ
- Глава 2. ОБОИ
- Глава 3. «ПРИКРОЙТЕ ЕЙ ЛИЦО...»
- Глава 4. ЭЛЕН?
- Глава 5. УБИЙЦА В РЕТРОСПЕКЦИИ
- Глава 6. УПРАЖНЕНИЕ В РОЗЫСКЕ
- Глава 7. ДОКТОР КЕННЕДИ
- Глава 8. ИЛЛЮЗИИ КЕЛВИНА ХОЛИДЕЯ
- Глава 9. НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР
- Глава 10. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ
- Глава 11. МУЖЧИНЫ В ЕЕ ЖИЗНИ
- Глава 12. ЛИЛИ КИМБЛ
- Глава 13. ВОЛТЕР ФЕЙН
- Глава 14. ЭДИТ ПАЖЕ
- Глава 15. АДРЕС
- Глава 16. МАМЕНЬКИН СЫНОК
- Глава 17. РИЧАРД ЭРСКИН
- Глава 18. ВЬЮНКИ
- Глава 19. МИСТЕР КИМБЛ ЗАГОВОРИЛ

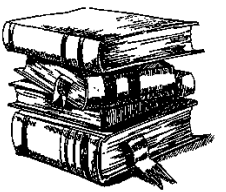
Глава 20. ДЕВУШКА ЭЛЕН
Глава 21. ДЖ.ДЖ.АФФЛИК
Глава 22. ЛИЛИ ИДЕТ НА ВСТРЕЧУ
Глава 23. КОТОРЫЙ ИЗ НИХ?
Глава 24. ОБЕЗЬЯНЬИ ЛАПЫ
Глава 25. ЭПИЛОГ В ТОРКИ
МИСС МАРПЛ РАССКАЗЫВАЕТ. Miss Marple Tells a Story
ДЕЛО СМОТРИТЕЛЬНИЦЫ. The Case of the Caretaker
НЕОБЫЧНАЯ ШУТКА. Strange Jest
МЕРКА СМЕРТИ. Tape-Measure Murder
ДЕЛО ЛУЧШЕЙ ИЗ ГОРНИЧНЫХ. The Case of the Perfect Maid
СВЯТОЕ МЕСТО. Sanctuary
ПРИЧУДА ГРИНШО. Greenshaw's Folly

Аннотация

СОДЕРЖАНИЕ:

СПЯЩИЙ УБИЙЦА. *Перевод И.Турбина*
ПОСЛЕДНИЕ ДЕЛА МИСС МАРПЛ.
Мисс Марпл рассказывает. *Перевод М.Тарасова*
Дело смотрительницы. *Перевод М.Тарасова*
Необычная шутка. *Перевод М.Тарасова*
Мерка смерти. *Перевод М.Тарасова*
Дело лучшей из горничных. *Перевод М.Тарасова*
Святое место. *Перевод М.Тарасова*
Причуда Гриншо. *Перевод А.Шарова, В.Постникова*

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ



9

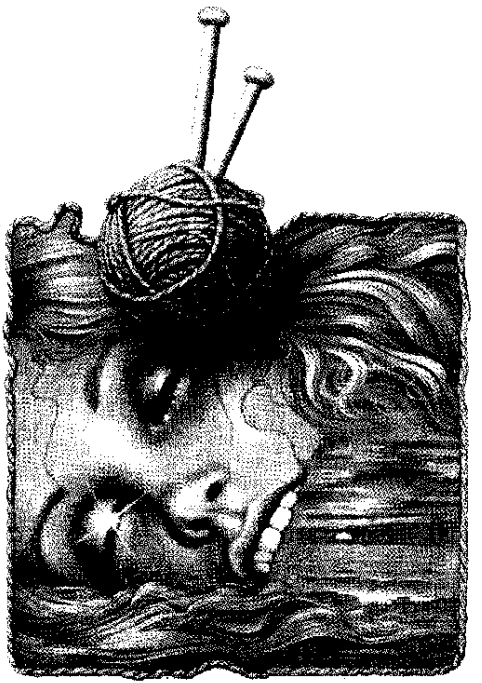
АГАТА КРИСТИ

Agatha Christie

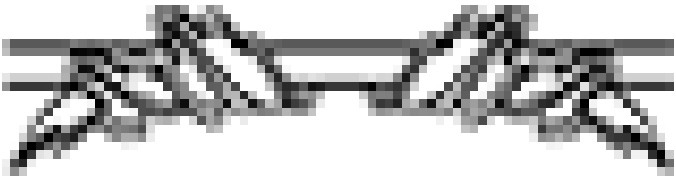
МИСС МАРПЛ

СПЯЩИЙ УБИЙЦА

SLEEPING MURDER



СПЯЩИЙ УБИЙЦА



Глава 1
ДОМ

Гвенда Рид, слегка дрожа, стояла на пристани.

Доки — навесы, где располагалась таможня, — как и все прочее, представшее ее взору, мерно покачивалось вверх-вниз.

И именно в этот момент она приняла решение — решение, которое повлекло за собой множество важных событий.

Она не поедет в Лондон на поезде, расписание которого согласовано с прибытием судна, как намеревалась прежде.

В конце концов, почему она должна на нем ехать? Ее никто там не ждет и тем более не встречает. Она только что сошла с этого качающегося, скрипящего судна (трое суток в Бискайском заливе и Ла-Манше были истинной пыткой). Ей претила сама мысль о тряске и качке в поезде. Она отправится в отель, прочно стоящий на твердой земле. И уснет в кровати, которая не скрипит и не качается. А на следующее утро... да, конечно, это блестящая идея! Она возьмет напрокат автомобиль и будет медленно, не спеша, колесить по

Южной Англии, подыскивая дом — симпатичный дом, — которым они с Джайлзом планировали обзавестись. Да, это была прекрасная идея.

Таким образом она познакомится с Англией — той самой Англией, о которой ей столько рассказывал Джайлз и которую она никогда не видела, хотя, как и многие новозеландцы, считала своей родиной. Сейчас Англия не казалась ей столь уж привлекательной. Был хмурый день с надвигающимся дождем и резким раздражающим ветром. Плимут, думала Гвенда, терпеливо ожидая своей очереди к паспортному и таможенному контролю, наверное, не самое лучшее место в Англии.

Однако на следующее утро от мрачного настроения не осталось и следа. Сияло солнце. Из окна открывался заманчивый вид. И земля уже не качалась под ногами. Она обрела устойчивость. Вот наконец Англия и путешествующая по ней Гвенда, молодая замужняя женщина двадцати одного года от роду. Когда приедет Джайлз, пока не было ясно. Может, через несколько недель, а может, даже через шесть месяцев. Это он предложил, чтобы Гвенда поехала в Англию раньше и присмотрела подходящий дом. Они оба думали, что неплохо бы где-то иметь надежное пристанище. Работа

Джайлза была связана с разъездами. Иногда он брал с собой Гвенду, но порой это оказывалось невозможным по тем или иным причинам. Словом, им хотелось обзавестись собственным домом. К тому же Джайлз недавно получил в наследство от тетки кое-какую мебель, так что мечта о доме представлялась вполне реальной.

Тем более что и Гвенда и Джайлз были людьми более или менее состоятельными.

Гвенда поначалу отказывалась полагаться на свой выбор.

— Это надо сделать вместе, — заявила она.

Но Джайлз ответил, смеясь:

— Я не очень-то разбираюсь в домах. Если понравится *тебе*, то и *мне* понравится. Мне наш будущий дом представляется не очень большим — не то что новомодные монстры — и непременно с садиком. Хорошо бы где-нибудь на южном побережье. Во всяком случае, не очень далеко от моря.

— Ты имеешь в виду какое-то определенное место? — спросила Гвенда.

Но Джайлз ответил:

— Нет.

Он рано остался сиротой (они оба были сироты), и из школы его брали на каникулы разные

родственники, поэтому у него не возникло привязанности ни к какому месту. Это будет дом Гвенды, и зачем ждать, пока они смогут выбрать его вместе, тем более что это может затянуться на целых шесть месяцев. И где Гвенда будет находиться все это время? Обретаться по отелям? Нет, она должна найти дом и обосноваться в нем.

— Так ты хочешь, чтобы я все проделала сама?

Однако ей понравилась идея отыскать дом, обустроить его и создать в нем уют к приезду Джайлза.

Они поженились всего три месяца назад, и она очень его любила.

Заказав завтрак в номер, Гвенда оделась и приступила к осуществлению своего плана. Она потратила день, чтобы осмотреть Плимут, который ей теперь понравился, а на следующий день наняла удобный автомобиль «Даймлер» с шофером и отправилась в путешествие по Англии.

Погода выдалась хорошая, и поездка была ей в радость. Она осмотрела несколько подходящих домов в Девоншире, но ни один из них не показался ей именно таким, о каком она мечтала. Да и спешить было некуда.

Она научилась улавливать скрытый смысл в восторженных речах агентов по недвижимости

и избавила себя от излишней траты времени.

И вот через неделю, вечером во вторник, когда ее автомобиль медленно спускался по извилистой горной дороге к Диллмуту, в окрестностях которого располагался дивный морской курорт, она увидела табличку «Продается». Продавалась скрытая от дороги густыми деревьями небольшая белая вилла в викторианском стиле.

Гвенда сразу же решила, что это именно то, что ей надо. *Это был ее дом!* Она была абсолютно уверена в этом. Сад, высокие окна — да, именно такой дом она и искала.

День уже клонился к вечеру, поэтому она решила переночевать в отеле «Ройял Кларенс», а утром отправиться к агенту по продаже недвижимости, чье имя значилось на табличке.

И вот теперь, вооруженная ордером на осмотр, она стояла в старомодной длинной гостиной со стеклянными дверями от пола до потолка, ведущими на мощенную каменными плитами террасу. С террасы был виден сад с дорожками и цветущим кустарником, который круто спускался к зеленой лужайке. Сквозь деревья виднелось море.

«*Это мой дом,* — подумала Гвенда. — *Здесь я дома.* Мне, кажется, знаком каждый его уголок».

Открылась дверь, и вошла высокая унылая дама. Она была простужена и шмыгала носом.

— Миссис Хенгрейв? У меня ордер от господ Галбрейта и Пендерли. Боюсь, что сейчас очень рано...

Миссис Хенгрейв высморкалась и грустно сказала, что это не имеет никакого значения. И они начали осмотр дома.

Да, это было то, что надо. Дом не слишком велик. Немного старомоден, но они с Джайлзом оборудуют новую ванную комнату или даже две. Кухню можно будет модернизировать. К счастью, туда подведена вода. С новой раковиной и современным оборудованием...

Занятая своими мыслями и планами, Гвенда вполуха слушала, как миссис Хенгрейв бубнила что-то о болезни покойного мужа, майора Хенгрейва. Гвенда машинально издавала звуки, выражающие сочувствие, сострадание и понимание. Все родные миссис Хенгрейв живут в Кенте, и она тоже хочет поселиться там... Майор Хенгрейв очень любил Диллмут, много лет был секретарем гольф-клуба, но она сама...

— Да... конечно... ужасно для вас... совершенно естественно... Да, уход за таким домом... конечно... вы должны...

Но мысли Гвенды были заняты совсем другим: «Здесь будет шкаф для белья, я думаю... Да. Большая комната — прелестный вид на море, Джайлзу это понравится. Вон там маленькая комната. Джайлз сможет использовать ее для переодевания... Ванная, она, наверное, отделана красным деревом. *О, так и есть!* Как хорошо, и стоит посередине комнаты. Я не буду *ее* менять — это же предмет старины!

Какая громадная ванна!

Если на бордюр положить круглые камни, поставить парусные лодки... а в воду напустить ярких уток, то возникнет полная иллюзия пребывания на взморье... Я знаю: мы переделаем ту темную кладовую в две действительно современные ванные комнаты, зеленые, со сверкающими стальными кранами. Трубы пройдут как раз над кухней, их менять не потребуется...»

— Плеврит, — продолжала миссис Хенгрейв, — на третий день перешел в двустороннее воспаление легких...

— Ужасно, — отозвалась Гвенда. — А нет там, в конце прохода, еще одной спальни?

Комната была и оказалась совершенно такой, как она себе ее представляла, — почти круглой, с большим арочным окном. Конечно же, Гвенда

все тут переделает. Комната была в хорошем состоянии, но почему такие люди, как миссис Хенгрейв, любят красить стены в горчично-бисквитные цвета?

Они прошли по коридору. Гвенда добросовестно подсчитывала: «Шесть, нет, семь спальных комнат, считая ту маленькую и мансарду».

Доски слегка поскрипывали у нее под ногами. Ей уже казалось, что здесь живет она, а не миссис Хенгрейв. Эта миссис Хенгрейв была здесь чуждым существом, женщиной, которая предпочитает горчично-бисквитный цвет комнат и обожает бордюры из глициний в гостиной. Гвенда взглянула на напечатанную на машинке бумагу — опись имущества и запрашиваемую цену.

В течение нескольких дней Гвенда ознакомилась с ценами на дома. Запрашиваемая миссис Хенгрейв сумма была не так уж велика — конечно, дом нуждался в некотором обновлении, но даже... Она обратила внимание на слова: «Будут рассмотрены возможные встречные предложения». Миссис Хенгрейв, должно быть, очень хотелось поскорее отправиться в Кент и жить среди «своих людей»...

Они уже спускались по ступеням, когда Гвенду

совершенно неожиданно охватил безрассудный ужас. Это было отвратительное чувство, но оно прошло так же быстро, как возникло. И все-таки Гвенда невольно насторожилась.

— А в доме... нет привидений?

Миссис Хенгрейв, шедшая впереди, достигла в своем повествовании того момента, когда майор Хенгрейв начал быстро угасать, но теперь посмотрела на Гвенду с глубоко оскорбленным видом.

— Ничего не знаю об этом, миссис Рид. А что, вам кто-то говорил что-нибудь в этом роде?

— Вы никогда не чувствовали и не видели ничего подобного? *Никто не умирал здесь?*

Вопрос был, пожалуй, неудачный, тут же подумала она, потому что, вероятно, майор Хенгрейв...

— Мой муж умер в частной клинике Святой Моники, — чопорно произнесла миссис Хенгрейв.

— О, конечно, вы говорили мне.

Миссис Хенгрейв продолжала все тем же ледяным тоном:

— В доме, который, вероятно, построен около ста лет назад, конечно же, умирали люди. Мисс Элворси, у которой мой дорогой муж приобрел этот дом семь лет назад, обладала превосходным здоровьем, она собиралась за границу, чтобы за-

няться миссионерской деятельностью, и ничего не говорила о ком-то недавно скончавшемся в их семье.

Гвенда поспешила успокоить меланхоличную миссис Хенгрейв. Они снова перешли в гостиную. Это была тихая прелестная комната, создающая ту самую атмосферу, которой так жаждала Гвенда. Ее недавний ужас казался ей теперь совершенно непонятным. *Что это с ней произошло?* Ничего плохого в этом доме не было.

Спросив миссис Хенгрейв, можно ли ей взглянуть на сад, Гвенда вышла на террасу.

«Здесь где-то должны быть ступеньки», — думала Гвенда. Но вместо этого увидела разросшиеся кусты форзиции, которые почти полностью заслоняли вид на море.

«Ничего, — подумала Гвенда. — Это все я изменю».

Пройдя по террасе вслед за миссис Хенгрейв, она спустилась по ступеням с другой стороны газона и отметила про себя, что каменные дорожки запущены и заросли травой, а цветущий кустарник требует стрижки. Миссис Хенгрейв извиняющимся тоном пробормотала, что сад основательно запущен. Она может позволить себе приглашать садовника только два раза в неделю.

Но иногда *он* и вовсе не является.

Они осмотрели маленькую, но удобную садовую кухню и вернулись в дом. Гвенда объяснила, что ей предстоит посмотреть еще несколько домов, и, хотя ей понравился «Хиллсайд» (какое банальное название для дома!), она не может немедленно принять решение.

Миссис Хенгрейв проводила ее отчужденным задумчивым взглядом, выразительно шмыгнув носом.

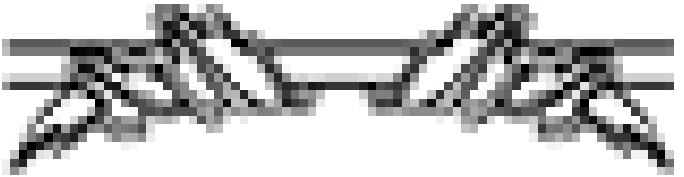
Гвенда возвратилась к агентам, изложила свои условия и остаток утра провела, гуляя по Диллмуту. Это был прелестный старомодный приморский городок. В дальнем, «современном» конце было два новых отеля и несколько недостроенных бунгало, но географическое положение Диллмута на побережье, огороженном холмами, спасало городок от чрезмерного расширения.

После ланча Гвенде позвонили агенты и сообщили, что миссис Хенгрейв устраивают ее условия. С озорной улыбкой на устах Гвенда поспешила на почту и отправила телеграмму Джайлзу:

«Купила дом. Люблю.

Гвенда».

— Это позабавит его, — сказала себе Гвенда. — Он поймет, что *я не из тех,* кто сидит сложа руки.



Глава 2

ОБОИ

I

Прошел месяц, и Гвенда перебралась в «Хилл-сайд». Со склада доставили мебель тетушки Джайлза. Это была добротная старомодная мебель. Один или два слишком больших гардероба Гвенда продала, остальные же вещи идеально разместились в доме. В гостиной она поставила столики из папье-маше, инкрустированные пер-

ламутром, с ярким рисунком на столешницах. Среди них находился изящный столик для рукоделия. Из крупных предметов Гвенда поместила в гостиной бюро розового и стол красного дерева, а также софу.

Так называемые мягкие стулья Гвенда рассредоточила по спальням, купила два глубоких удобных кресла для себя и Джайлза и поставила их по обе стороны от камина, а огромный честерфилдский диван — вдоль окон. Для портьер Гвенда выбрала старомодный ситец бледно-желтого цвета с рисунком в виде строгих ваз с розами и порхающих над ними птиц. Теперь она могла считать, что комната в полном порядке.

Окончательно она еще не перебралась сюда, потому что рабочие не завершили свою работу. Им полагалось бы уже уйти, но Гвенда вполне разумно рассудила, что они будут болтаться здесь, пока не появится хозяйка.

Переделки на кухне были закончены, и работа в новых ванных комнатах тоже близилась к концу. С дальнейшими усовершенствованиями Гвенда решила немного повременить. Она хотела освоиться в новом доме, чтобы безошибочно выбрать цветовую гамму для спален. Дом был полностью приведен в порядок, и не было

никакой необходимости в спешке с его окончательным убранством.

На кухне воцарилась миссис Коккер, чопорная леди, решительно отвергшая сверхдемократическое дружелюбие Гвенды. Но после того, как Гвенда была-таки поставлена на место, кухарка изъявила готовность смягчиться.

В это утро миссис Коккер водрузила поднос с завтраком на колени сидевшей в кровати Гвенды.

— Когда в доме нет джентльмена, — изрекла миссис Коккер, — леди предпочитают завтракать в постели.

И Гвенда восприняла это как должное — как некий элемент английского этикета.

— Сегодня на завтрак яичница-болтунья, — прокомментировала миссис Коккер, имея в виду блюдо из яиц. — Вы говорили что-то о копченой треске, но вряд ли она годится для завтрака в спальне. После нее остается запах. Я подам вам ее на ужин на поджаренном хлебе.

— О, благодарю вас, миссис Коккер.

Миссис Коккер снисходительно улыбнулась и собралась было покинуть спальню.

Гвенда не пользовалась большой супружеской спальней в ожидании Джайлза. Она временно

занимала крайнюю комнату со скругленными стенами и арочным окном. Здесь она чувствовала себя действительно как дома и была счастлива.

Оглядевшись еще раз вокруг, она импульсивно воскликнула:

— Мне на самом деле нравится эта комната!

Миссис Коккер с понимающим видом кивнула:

— Совсем неплохая комнатка, мадам, хотя и маленькая. Судя по решетке на окнах, можно предположить, что когда-то это была детская комната.

— Я и не подумала об этом. Может быть, так и есть.

— Ну да, — заметила миссис Коккер многозначительно и удалилась.

«Если у нас в доме будет джентльмен, — казалось, хотела она сказать, — то как знать? *Детская комната может потребоваться».*

Гвенда покраснела от смущения. Она снова огляделась по сторонам. Детская комната? Да, это была бы прелестная детская комната. Она принялась мысленно обставлять ее. Вот здесь, у стены, — большой кукольный дом. Низкие шкафы с игрушками. В камине весело потрескивает огонь, а вокруг на высоком ограждении сушатся

детские вещи. Но только не эти ужасные стены горчичного цвета! Нет. Здесь будут веселенькие обои. Что-нибудь яркое и радостное. Маленькие букетики маков, перемежающиеся букетиками из васильков... Да, так будет очень мило. Она постарается отыскать именно такие обои. Она уверена, что где-то уже видела что-то подобное.

В комнате не должно быть много мебели. Там уже имелись два встроенных шкафа, но один из них, угловой, оказался заперт, а ключ потерян. Судя по сохранившейся окраске, его не открывали многие годы. Она непременно попросит рабочих открыть его, пока они не ушли. Иначе она не сможет разместить всю свою одежду.

С каждым днем она чувствовала себя в «Хиллсайде» все более уютно. Услышав за окном звуки, будто кто-то тяжело прочищал горло и коротко, сухо откашливался, она поспешила закончить завтрак. Это Фостер, временный садовник, не всегда обязательный в деловом отношении, должен сегодня быть здесь, как обещал.

Гвенда приняла ванну, надела твидовую юбку и свитер и поспешила в сад. Фостер работал как раз там, куда выходило окно гостиной. Гвенде не терпелось проложить дорожку к тому месту. Фостер был упрямым и говорил, что тогда при-

дется убрать отсюда кусты форзиции, вейгелы и сирени, но Гвенда была непреклонна, и теперь он выполнял ее волю без всякого энтузиазма.

Он со вздохом поприветствовал ее:

— Похоже, вы хотите все сделать так, как было когда-то, в старые времена, мисс.

Он упрямо называл ее «мисс».

— В старые времена? Что вы имеете в виду?

Фостер копнул лопатой.

— Я обнаружил след старой дорожки. Видите, она шла как раз так, как вы теперь хотите, а потом здесь посадили кусты, и она заросла.

— И очень глупо сделали, — сказала Гвенда. — Надо, чтобы из окна гостиной открывалась перспектива, вид на газон и на море.

У Фостера было туманное представление о перспективе, но он все-таки осторожно и с неохотой согласился:

— Да, видите, я вовсе не хочу сказать, что так будет хуже... Откроется вид, и кусты не будут затенять гостиную. Хотя я никогда не видел такой могучей форзиции. Не то что сирень, саженцы стоят дорого, а та, что есть, слишком стара, чтобы ее пересаживать.

— О, я знаю. Но сирень намного, намного лучше форзиции.

— Ну, — Фостер поскреб затылок, — может, оно и так.

– *Так будет хорошо,* — уверенно заявила Гвенда. И неожиданно спросила: — Ведь Хенгрейвы жили здесь не так уж долго? А кто жил здесь до них?

— Хенгрейвы жили лет шесть или около того. Недолго. А до них? Сестры Элворси. Очень набожные люди. «Низкая церковь»[1]. Миссии к язычникам. Один раз черный священник останавливался у них. Четыре сестры и брат, который не очень-то часто наведывался к этим женщинам. А до них, дайте-ка вспомнить... Да, здесь жила миссис Файндисон... Из настоящих благородных. Это уж точно. Она жила здесь еще до моего рождения.

— И умерла здесь? — спросила Гвенда.

— Умерла в Египте или еще где-то. Но родственники привезли ее сюда. Похоронили в церковном дворе. Она-то и посадила эти магнолии и лабиурнамы. И вот эти питтоспоры. Очень любила кустарники. С тех пор не строили новых домов здесь на холмах, — продолжал Фостер. — Прямотаки деревня. Даже кино нет. И новых магазинов

---

[1] notes: 1

«Н и з к а я...ц е р к о в ь» — одно из направлений англиканской церкви.

тоже. А вот на набережной такой парад... — в его голосе слышалось неодобрительное отношение ко всяким переменам, свойственное пожилым людям. — Перемены, — сказал он, фыркнув, — ничего, кроме перемен.

— Мне кажется, перемены неизбежны, — возразила Гвенда. — И уже сейчас многое изменилось к лучшему, разве не так?

— Так говорят. А я их что-то не заметил. Перемены!

Он указал жестом на живую изгородь из кустарника макрокарпы слева от них, сквозь которую виднелось какое-то здание.

— Когда-то это была сельская больница. Хорошее место и удобное. Ее построили по тогдашним временам примерно в миле от города. Двадцать минут ходьбы — и вы попадаете к доктору в приемный день или добираетесь туда за три пенса на автобусе.

Он сделал еще один жест в сторону живой изгороди...

— А теперь там школа для девочек. Обосновалась в этом доме десять лет назад. Все время перемены. Теперь люди покупают дома, живут там десять или двенадцать лет, а потом уезжают. Не сидится на месте. Что в этом хорошего? Кто же

станет толком заниматься садом, если не собирается поселиться навсегда?

Гвенда с любовью посмотрела на магнолию.

— Как миссис Файндисон, — сказала она.

— Ах, она была правильная женщина. Приехала сюда невестой, вот так. Вырастила детей, женила их, похоронила мужа, забирала к себе на лето внуков и скончалась, когда ей было под восемьдесят.

В тоне Фостера слышалось одобрение.

Гвенда направилась к дому, улыбаясь каким-то своим мыслям.

Она поговорила с рабочими, а потом прошла в гостиную, села за письменный стол, чтобы написать кое-какие письма. Среди корреспонденции, на которую надо было ответить, были письма от двоюродных сестер Джайлза, живших в Лондоне. Она собиралась как-нибудь съездить к ним, как они просили, и погостить в их родовом доме в Челси.

Реймонд Вест был известный (скорее именно известный, чем популярный) писатель, а его жена Джоан, насколько знала Гвенда, — художница. Вот было бы забавно пожить у них, хотя они, наверное, считают ее ужасной мещанкой. «Впрочем, мы с Джайлзом и впрямь не такие уж

интеллектуалы», — подумала Гвенда.

Из холла донесся громкий звук гонга. Этот обрамленный черным деревом гонг был призом, завоеванным когда-то одной из тетушек Джайлза. Миссис Коккер с явным удовольствием ударяла в него, причем каждый раз в полную силу. Гвенда зажала уши руками и встала.

Она быстро прошла через гостиную к стене, где было окно, и остановилась, досадливо вскрикнув. Уже в третий раз происходит одно и то же. Она в смущении останавливается перед стеной. Такое впечатление, словно она пытается пройти сквозь нее в столовую, которая находится рядом.

Она вернулась назад, вышла в передний холл, обогнула угол гостиной и оказалась в столовой. Это был длинный, обходной путь, и особенно неприятно будет зимой, потому что центральное отопление имеется только в гостиной, столовой и двух спальнях наверху.

«Не понимаю, — подумала Гвенда, усаживаясь за очаровательный, только что купленный шератоновский обеденный стол — разложенный во всю длину массивный квадрат красного дерева, — не понимаю, почему я не могу сделать проход прямо из гостиной в столовую? Надо поговорить об этом с мистером Симсом, когда он

придет во второй половине дня».

Мистер Симс, строитель и декоратор, был рассудительным мужчиной среднего возраста с хриплым голосом. Он всегда держал наготове небольшую записную книжку, чтобы тут же занести туда каждую мысль, которая приходила в голову его клиентам. Мистер Симс понимал собеседника с полуслова.

— Нет ничего проще, миссис Рид, и очень стоящее усовершенствование, если можно так выразиться.

— Это обойдется не слишком дорого? — Гвенда немного засомневалась, видя энтузиазм мистера Симса. Ей не хотелось идти на дополнительные расходы, не внесенные в первоначальный реестр мистера Симса.

— Да это сущий пустяк, — ответил мистер Симс, его хрипловатый голос звучал спокойно и утешительно. Гвенда смотрела на него с большим сомнением, чем обычно. К этим сущим «пустякам» мистера Симса она привыкла относиться с недоверием. Его предварительные оценки стоимости работ всегда казались весьма умеренными. — Вот что, миссис Рид, — успокоительно произнес он, — я пришлю Тейлора, когда он закончит работу в гостиной сегодня к концу дня,

чтобы он посмотрел, и после этого назову вам цену. Она будет зависеть от того, какая там стена.

Гвенда согласилась. Она написала Джоан Вест, поблагодарив за приглашение и выразив сожаление по поводу того, что в настоящий момент не может покинуть Диллмут, потому что надо присмотреть за рабочими. Потом пошла прогуляться по набережной — насладиться легким морским бризом. Когда, вернувшись, она направилась в гостиную, Тейлор, старший рабочий Симса, вышел ей навстречу и с радостной улыбкой сообщил:

— С этим делом трудностей не будет, миссис Рид. На том месте раньше была дверь. Кому-то не понравилось, и ее замуровали.

Гвенда была приятно удивлена. «Просто невероятно, — подумала она, — мне всегда казалось, что именно здесь находится дверь». Она вспомнила, как уверенно она направилась к этому самому месту, когда шла на ланч. И ощутила легкую тревогу. Если вдуматься в это, то все кажется довольно странным... Почему она была так уверена, что когда-то в этом месте находилась дверь? На стене не было никаких признаков. Как она могла догадаться... знать, что дверь находилась именно здесь? Конечно, было весьма целесообразно соединить дверью гостиную со столовой, но по-

чему она каждый раз неотвратимо устремлялась именно к этому месту?

Дверь могла находиться в любом другом месте стены, разделявшей гостиную и столовую, но она всегда инстинктивно и, как правило, думая о чем-то ином, подходила именно к тому месту, где раньше действительно была дверь.

«Надеюсь, — с тревогой подумала Гвенда, — что я не *ясновидящая* или что-то в этом роде...»

Ей никогда не были присущи какие-либо парапсихологические свойства. Они ей абсолютно чужды. А может быть, нет? Эта дорожка, ведущая с террасы на лужайку. Откуда ей было знать, что ее надо прокладывать именно в том месте, где она была раньше? А ведь она настояла на этом!

«Может быть, у *меня* возникли психические отклонения? — с тревогой подумала Гвенда. — Или дело в самом доме?»

И почему тогда она спросила миссис Хенгрейв, нет ли в доме привидений?

В нем не водятся привидения! Это симпатичный дом! Да и миссис Хенгрейв была очень удивлена этим вопросом.

Или в ее поведении все-таки была сдержанность и осторожность?

«Боже правый, какие мысли мне начинают

лезть в голову», — спохватилась Гвенда.

Она с усилием отбросила прочь эти мысли и вернулась к разговору с Тейлором.

— В моей комнате наверху один из стенных шкафов наглухо закрыт. Я хочу, чтобы его открыли.

Рабочий поднялся вместе с ней в комнату и осмотрел дверь шкафа.

— Его уже много раз красили, — сказал он. — Я пришлю завтра человека, и он откроет.

Гвенда молча согласилась. И Тейлор ушел.

Весь вечер Гвенда пребывала в тревожном, возбужденном состоянии. Сидя в гостиной и пытаясь читать, она вздрагивала при малейшем скрипе мебели. Один или два раза она оглядывалась через плечо, и ее бросало в дрожь. Она без конца твердила себе, что нет ничего необычного в истории с дверью и дорожкой. Все это простые совпадения. Всего лишь результат решений, основанных на здравом смысле.

Она не желала себе признаться, но ей было боязно идти спать. Когда она наконец встала, выключила свет и открыла дверь в холл, то почувствовала, что боится подниматься по лестнице. Она почти бегом одолела лестницу, быстро миновала проход и открыла дверь в свою комнату.

В комнате ее страхи сразу же стихли, она успокоилась и с удовлетворением осмотрелась вокруг. Она ощутила себя в безопасности и вполне счастливой. Да, теперь, здесь, она в безопасности. («В безопасности от чего, идиотка?» — спросила она себя.) Она посмотрела на пижаму, разложенную на кровати, и тапочки, стоявшие под нею.

«Да, Гвенда, вот было бы тебе шесть лет. И у тебя были бы мягкие туфельки с нарисованными на них зайчиками».

Она забралась в постель с чувством облегчения и вскоре заснула.

На следующее утро ей предстояло много дел в городке. Вернулась она только к ланчу.

— Стенной шкаф в вашей комнате открыли, мадам, — доложила миссис Коккер, принеся ей жареную камбалу с картофельным пюре и протертой морковью.

— О, хорошо, — ответила Гвенда.

Она была голодна, и ей очень понравился ланч. Потом она выпила кофе в гостиной и поднялась к себе в комнату. Подойдя к стенному шкафу в углу, она открыла его дверцу и испуганно отпрянула прочь.

Внутри шкафа находились обои, которыми была оклеена комната до того, как ее стены

окрасили в желтоватый цвет. Когда-то она была оклеена веселенькими обоями с цветочным орнаментом: букетики алых маков, перемежающиеся букетиками голубых васильков...

II

Гвенда долго смотрела на сохранившиеся в шкафу обои, а потом, вся дрожа, подошла к кровати и присела на краешек.

Вот она в доме, где до этого никогда прежде не бывала, как, впрочем, не бывала и в самой стране. И не далее как пару дней назад она, лежа в кровати, представляла себе, какими обоями она оклеила бы именно эту комнату, — и, как оказалось, именно такие обои когда-то украшали эти стены.

Самые странные объяснения приходили ей на ум. Сам Данн, который мог экспериментировать со временем, смотрел только вперед, а не назад...

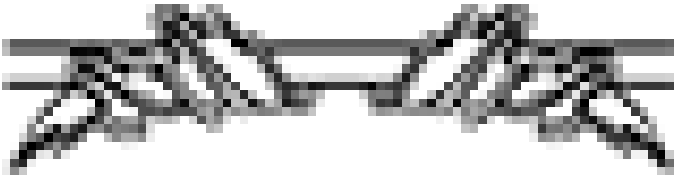
Она могла бы с натяжкой объяснить садовую дорожку и дверь из гостиной в столовую как простое совпадение, но в случае с обоями совпадения быть не могло. Невозможно представить себе обои такого редкого рисунка, а потом обнаружить точно такие же. Нет, этому должно быть какое-то объяснение, но она не находила его, и это по-

вергало ее в ужас. Она снова и снова пытается заглянуть, но не вперед, а назад — возвращается к прежнему состоянию этого дома. И в любой момент может увидеть еще нечто, чего она не желала бы видеть... Дом повергал ее в ужас... Но был ли виной тому сам дом или это было нечто, *заключенное в ней самой?* Она не желала стать одной из тех, кто *видел* все это когда-то...

Она глубоко вздохнула, надела шляпу и пальто и быстро выскользнула из дому. На почте она отправила такую телеграмму:

> «Вест, 19 Аддвей-сквер Челси Лондон. Могу ли я изменить свое решение и приехать к вам завтра?
>
> ***Гвенда».***

Она послала телеграмму с оплаченным ответом.



Глава 3

«ПРИКРОЙТЕ ЕЙ ЛИЦО...»

Реймонд Вест и его супруга делали все возможное, чтобы молодой жене Джайлза понравилось у них. И это не их вина, что Гвенде они показались внутренне напряженными. Реймонд, похожий на ворона, готового в любую минуту броситься на свою жертву, со всклокоченными волосами и невнятной речью, со странными модуляциями голоса, повергал Гвенду в нервозное состояние. Казалось, он и Джоан говорят на каком-то понят-

ном только им языке. Гвенда никогда не попадала в такую снобистскую атмосферу, и практически все происходящее вокруг казалось ей странным.

— Мы собираемся пригласить вас на один или два спектакля, — объявил Реймонд, протягивая ей бокал с джином, хотя с дороги она предпочла бы чашку горячего чая.

Гвенда обрадовалась этому.

— Сегодня вечером балет в «Садлер-Уэллс», завтра — торжество по поводу дня рождения моей удивительной тетушки Джейн, потом спектакль *«Герцогиня Мальфи»* с Гилгудом, а в пятницу вы просто обязаны посмотреть *«Они ходили без ног».* Пьеса переведена с русского — наверняка самая значительная драма за последние двадцать лет. Идет в Малом Витморском театре.

Гвенда выразила благодарность за развлекательную программу. Когда Джайлз приедет, они будут ходить на музыкальные шоу и в театры. Ее немного передернуло от перспективы присутствия на спектакле *«Они ходили без ног»,* но потом она подумала, что, может быть, пьеса ей понравится, хотя похвальные характеристики чаще всего оказываются неоправданными.

— Вы будете в восторге от моей тетушки Джейн, — продолжал Реймонд. — Она — то, что

я назвал бы типичным продуктом золотой поры. Викторианка до мозга костей. У нее все ножки туалетных столиков обернуты ситцем. Она живет в деревне, причем в такой, где никогда ничего не происходит, прямо как в застоявшемся пруду.

— Один раз что-то там случилось, — холодно заметила его жена.

— Не более чем любовная драма, грубая... никакой утонченности.

— Но она вам доставила ужасное удовольствие в то время, — напомнила ему Джоан с легким блеском в глазах.

— Мне иногда нравится играть в деревенский крикет, — с достоинством парировал Реймонд.

— Но так или иначе, тетушка Джейн обрела известность из-за того убийства.

— О! Она не так глупа. Она обожает загадки.

— Загадки? — спросила Гвенда, стараясь понять, в чем дело.

Реймонд махнул рукой:

— Любые. Почему жена лавочника прихватила зонтик, идя на церковное собрание в такой прекрасный вечер? Почему остатки маринованной креветки были найдены в том месте, а не в другом? Что случилось с сутаной викария? Все годится для мельницы моей тетушки Джейн.

Поэтому, если у вас в жизни возникнет какая-нибудь проблема, обратитесь к ней, Гвенда. Она решит ее, — со смехом заключил Реймонд.

Гвенда тоже засмеялась, но весьма сдержанно. Она была представлена тетушке Джейн, иными словами — мисс Марпл, — на следующий день. Мисс Марпл оказалась привлекательной пожилой дамой, высокой и худой, с румяными щеками и немного суетливыми манерами. В ее голубых глазах то и дело вспыхивали насмешливые искорки.

После раннего обеда, за которым выпили за здоровье тетушки Джейн, все отправились в «Театр его величества». На обеде, кроме Вестов и Гвенды, присутствовали еще двое гостей — пожилой художник и молодой барристер — адвокат высшего ранга. Пожилой художник сидел за столом рядом с Гвендой, а молодой барристер — между Джоан и мисс Марпл, чьи замечания доставляли ему огромное удовольствие. Однако в театре Гвенда оказалась между Реймондом и барристером.

Огни погасли, и спектакль начался.

Актерский состав был великолепен, и Гвенде спектакль очень понравился. Ей немного довелось видеть первоклассных театральных постановок.

Спектакль близился к концу и уже достиг своей кульминации, когда на сцене прозвучал мужской голос, исполненный трагизма и отчаяния, граничащего с умопомрачением:

«Прикройте ей лицо. Не могу видеть. Она умерла молодой...»

Гвенда пронзительно вскрикнула.

Она вскочила со своего места, ни на кого не глядя, протиснулась к проходу между кресел и выбежала из зрительного зала. Ни минуты не думая, то бегом, то переходя на шаг, она устремилась в сторону Хеймаркета.

Неподалеку от Пикадилли она остановила свободное такси и назвала адрес в Челси. В неуемном волнении расплатилась с шофером за такси и, поднявшись по лестнице, позвонила в дверь. Открывшая ей горничная была удивлена.

— Вы так рано вернулись, мисс. Вам плохо?

— Я... нет... да... я... я... почувствовала себя неважно.

— Чего-нибудь желаете, мисс? Может быть, немного бренди?

— Нет, ничего. Я сразу же лягу.

Гвенда поспешила наверх, чтобы избежать дальнейших вопросов, и, сбросив с себя одежду прямо на пол, легла в постель. Не в силах унять со-

трясавшую ее дрожь и сердцебиение, она лежала, уставившись неподвижным взглядом в потолок.

Гвенда не слышала, как вернулись вслед за ней из театра ее спутники, но вскоре дверь ее спальни отворилась, и вошла мисс Марпл. Она держала под мышкой пару бутылок с горячей водой, а в руке — чашку.

Гвенда, все так же дрожа, села в кровати.

— О, мисс Марпл, я очень сожалею. Не знаю почему, но мне вдруг стало ужасно страшно. Все, наверное, обиделись на меня?

— Не беспокойтесь, милое дитя. Согрейтесь вот этими бутылками с горячей водой.

— Но мне не нужны бутылки с горячей водой.

— О нет, как раз нужны. Вот так. А теперь выпейте чаю...

Чай был горячий, крепкий и слишком сладкий, но Гвенда послушно выпила его. Дрожь немного утихла.

— А теперь постарайтесь уснуть, — сказала мисс Марпл. — У вас был шок. Мы поговорим об этом утром. Ни о чем не беспокойтесь. Покойной ночи.

Она задернула шторы. Улыбнулась, погладила руку Гвенды и вышла.

Внизу Реймонд с раздражением вопрошал

Джоан:

— Что, черт побери, приключилось с нею? Она заболела? В чем дело?

— Мой дорогой Реймонд, я не знаю, но она так ужасно закричала! Наверное, пьеса оказалась слишком *жуткой* для нее.

— Да, конечно, Вебстер слегка страшноват. Но я никогда не подумал бы... — Он осекся, потому что в комнату вошла мисс Марпл. — Она в порядке?

— Думаю, да. Видите ли, у нее был сильный шок.

— Шок? Вызванный всего лишь якобинской драмой?

— Мне кажется, что здесь кроется что-то большее, — задумчиво произнесла мисс Марпл.

Завтрак отнесли Гвенде в спальню. Она выпила немного кофе и отщипнула кусочек поджаренного хлеба. Когда она спустилась вниз, Джоан уже не было дома — она отправилась в свою студию, Реймонд работал в кабинете, и только поглощенная вязанием мисс Марпл сидела у окна, из которого открывался вид на реку.

Она ласково улыбнулась Гвенде, когда та вошла в комнату.

— Доброе утро, дорогая. Надеюсь, вы чувствуете себя лучше?

— О да. Я в полном порядке. Не понимаю, как я могла повести себя так *по-идиотски* вчера вечером. А они... сердятся на меня?

— О нет, моя дорогая, они все понимают.

— Что понимают?

Мисс Марпл взглянула на нее поверх своего вязанья.

— Что у вас прошлым вечером был нервный срыв. — И мягко добавила: — Почему бы вам не рассказать мне о его причине?

Гвенда беспокойно прошлась по комнате.

— Думаю, мне лучше обратиться к психиатру или еще кому-то.

— В Лондоне, разумеется, есть прекрасные специалисты по психическим расстройствам. Но вы уверены, что это вам так уж необходимо?

— Ну... я думаю, что схожу с ума... Я *непременно* сойду с ума.

В комнату вошла пожилая горничная с подносом, на котором была телеграмма для Гвенды.

— Посыльный спрашивает, будет ли ответ, мадам?

Гвенда вскрыла телеграмму. Она была переслана из Диллмута. Гвенда смотрела на нее несколько мгновений, а потом смяла в комок.

— Ответа не будет, — не раздумывая бросила

она.

Горничная вышла из комнаты.

— Надеюсь, дорогая, в телеграмме не содержится ничего неприятного?

— Она от Джайлза, моего мужа. Он приезжает сюда через неделю.

У Гвенды был смущенный и жалкий вид. Мисс Марпл чуть кашлянула.

— Ну, это же очень хорошо, не так ли?

— В самом деле? Когда я не знаю наверняка, то ли действительно сошла с ума, то ли нет? Если я сумасшедшая, то мне не следовало выходить замуж за Джайлза. К тому же этот дом и все прочее. Я не могу вернуться туда. О, я просто не знаю, что мне делать!

Мисс Марпл похлопала ладонью по софе, приглашая ее сесть.

— Ну а теперь, дорогая, садитесь рядом и рассказывайте все по порядку.

Гвенда приняла приглашение с чувством облегчения. Она выложила всю историю, начав с первого визита в «Хиллсайд» и кончая событиями, которые поначалу озадачили, а потом не на шутку напугали ее.

— И я ужасно испугалась, — закончила она свой рассказ. — Подумала, что если уеду в Лондон, то

избавлюсь от всего этого. Только, как вы видите, я ошиблась. Все мои страхи последовали за мной. Прошлым вечером... — Она закрыла глаза и сглотнула.

— Прошлым вечером... — напомнила ей мисс Марпл.

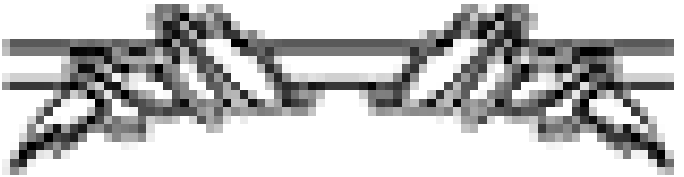
— Вы наверняка не поверите этому, — торопливо ответила Гвенда. — Вы можете подумать, что я истеричка, притворщица или еще что-то. Мне так нравился спектакль. Я ни разу даже не вспомнила о своем доме. Но потом вдруг, когда он произнес эти слова, я ни с того ни с сего подумала о доме. — И она повторила тихим дрожащим голосом: — *«Прикройте ей лицо. Не могу видеть. Она умерла молодой...»* И я словно оказалась вдруг там, на лестнице, стояла и смотрела вниз, в холл через стойки перил, и увидела ее, распростертую там на полу... мертвую. У нее были золотистые волосы, а лицо — совершенно синее. *Синее!* Она была мертва, задушена, и кто-то произнес таким же зловещим голосом те же самые слова. И я видела его руки — серые, морщинистые... не руки... а обезьяньи лапы... Это было ужасно, скажу я вам. Она была мертва...

Мисс Марпл мягко спросила:

— Кто была она, мертвая?

Ответ последовал быстро, без малейшего промедления:

— Элен...



Глава 4

ЭЛЕН?

Какое-то мгновение Гвенда смотрела на мисс Марпл, а потом откинула волосы со лба.

— Почему я это сказала? — спросила она. — Почему я назвала ее Элен? Я не знаю никакой Элен!

Ее руки безвольно упали на колени.

— Вы же видите, — сказала она. — Я сумасшедшая! У меня видения! Мне мерещатся вещи, которые в действительности не существуют! Сначала это были только обои, а теперь уже мертвые

тела. Выходит, мне становится хуже.

— Не спешите делать выводы, моя дорогая...

– *И этот дом.* Он населен призраками, заколдован или еще что-то в этом роде... Я вижу события, которые там происходили... или, наоборот, события, которые только предстоят, а это уже совсем невыносимо. Может быть, женщине по имени Элен только предстоит быть там убитой... Только я одного не понимаю: допустим, *дом* действительно населен привидениями, но почему мне являются такие ужасные видения, когда я нахожусь вне его? Поэтому я думаю, что-то неладное происходит со мной. И лучше мне обратиться к психиатру. *Немедленно,* этим же утром.

— Ну конечно, Гвенда, дорогая, вы можете поступать, как считаете лучше, но я всегда предпочитаю сначала попытаться найти логическое объяснение происходящему. Позвольте мне выяснить некоторые факты. Три вполне определенных события произвели на вас сильное впечатление. Дорожка в саду, которую засадили кустами, но вы почувствовали, что она находится именно в этом месте; дверь, которая была заложена кирпичом, и обои, рисунок которых вы угадали совершенно точно, хотя никогда прежде не видели. Я правильно вас поняла?

— Да.

— Ну, тогда самое простое и естественное объяснение состоит в том, что вы на *самом деле* видели все это прежде.

— В другой жизни, хотите сказать?

— Вовсе нет, дорогая. *В этой жизни.* Я хочу сказать, что это могли быть действительные *воспоминания.*

— Но я никогда не бывала в Англии, впервые приехала сюда месяц назад.

— Вы абсолютно уверены в этом, дорогая?

— Конечно, я уверена. Я прожила всю жизнь под Крайстчерчем в Новой Зеландии.

— Вы там родились?

— Нет, я родилась в Индии. Мой отец был офицером британской армии. Мать умерла через год или два после моего рождения, и отец отослал меня в Новую Зеландию к родственникам, где я и воспитывалась. Потом, несколько лет спустя, он тоже умер.

— Вы не помните, как ехали из Индии в Новую Зеландию?

— Нет, совершенно не помню. Лишь очень смутно припоминаю корабль. Круглые окна — иллюминаторы, по-видимому. И мужчина в белой форме с красным лицом и голубыми глазами, с

отметиной на подбородке, наверное, шрамом. Он любил подбрасывать меня в воздух, и я помню, что это и пугало и радовало меня. Но это всего лишь отрывочные воспоминания.

— А вы помните няню или служанку из местных жителей?

— Не служанку, а Нанни. Я помню Нанни, потому что она находилась при мне, пока мне не исполнилось пять лет. Вырезала, бывало, мне уточек из бумаги. Да, она тоже была на корабле и бранила меня за то, что я плакала, когда капитан целовал меня, а его борода царапала мне лицо.

— А вот это уже интересно, моя дорогая. Потому что у вас в памяти сместились два разных путешествия. В одном случае у капитана была борода, а в другом — у него было красное лицо и шрам на подбородке.

— Да, — согласилась Гвенда, — такое вполне могло быть.

— И мне это представляется возможным, — сказала мисс Марпл. — Когда ваша мать умерла, отец взял вас сначала с собой в *Англию,* и вы действительно жили в том самом «Хиллсайде». Вы же сказали, что почувствовали себя как дома, едва войдя в него. И та комната, в которой вы устроили временную спальню, возможно, была

вашей детской...

– *Это, несомненно, была детская комната.* Там решетки на окнах.

— Вот видите! И на стенах были те самые веселенькие обои с васильками и маками. Дети навсегда запоминают рисунок на стенах своих детских. Я до сих пор помню розовато-лиловые ирисы на обоях в моей детской, хотя их сменили, когда мне было всего три года.

— Так вот почему я сразу подумала об игрушках, кукольном домике и шкафе для игрушек?

— Да. И ванная комната. Ванна там отделана красным деревом. Вы сказали, что подумали об утках, как только увидели ее.

Гвенда задумчиво продолжала:

— Верно и то, что я сразу же вспомнила, где что располагалось, — и кухня, и шкаф для белья. И где находилась дверь, ведущая из гостиной в столовую. Но ведь совершенно не поддается объяснению, почему я приехала в Англию и купила дом, в котором жила много лет назад.

— Этому *есть объяснение,* дорогая. В данном случае имело место удивительное совпадение. Ваш муж изъявил желание поселиться на южном побережье. Именно там вы стали искать подходящий дом, и в ваше поле зрения попал дом,

который пробудил память и понравился вам. Он подошел вам по цене и отвечал вашему вкусу, вот вы и купили его. Так что ничего экстраординарного тут нет. Если бы в доме были привидения (что в принципе возможно), думаю, вы сразу же почувствовали бы это. Но ведь вы никогда не испытывали чувства страха или отвращения, если не считать единственного случая, когда вы, спускаясь по лестнице, посмотрели вниз, в холл.

В глазах Гвенды снова появился страх.

— Вы хотите сказать... что... Элен... Это *тоже* было на самом деле?

— Да, дорогая, я так считаю, — мягко заметила мисс Марпл. — Я полагаю, нам следует исходить из предположения, что если вы помните другие вещи, то и *это* тоже должны помнить...

— Так, выходит, я и на самом деле видела кого-то убитого... задушенного... лежащего там... мертвого?

— Я не думаю, что вы поняли тогда, что женщина была задушена, к такому выводу вы пришли под влиянием вчерашней пьесы, чему в немалой степени способствовало воспоминание о синем, искаженном конвульсией лице. Мне кажется, что даже очень маленький ребенок способен в подобной ситуации понять, что случилось наси-

лие, смерть, зло, и соотнести это с определенным набором слов. Поэтому я не сомневаюсь, что убийца действительно *произнес* те самые слова. Это явилось глубоким потрясением для вас. Дети — очень странные существа. Если они страшно чем-то испуганы, особенно тем, чего не могут понять, то никогда не говорят об этом. Таят в себе. Со стороны кажется, они сразу же все забывают. Но это не так, страшные события прочно укореняются в их памяти.

Гвенда тяжело вздохнула.

— Вы считаете, что со мной тоже произошло нечто такое? Но почему я вспомнила все это только *теперь?*

— На этот вопрос трудно ответить. И когда человек пытается это сделать, память нередко противится этому. Но, как мне кажется, одна-две детали свидетельствуют о правильности моего предположения. Например, когда вчера вечером вы рассказывали мне о своих переживаниях в театре, вы сказали, что смотрели *«сквозь стойки перил»,* хотя обычно человек смотрит не *сквозь* стойки перил, а *поверх* перил. Только ребенок мог бы смотреть *«сквозь стойки».*

— Это вы очень тонко заметили, — живо отозвалась Гвенда.

— Подобные «мелочи» порой имеют большое значение.

— Но кем могла быть эта Элен? — с беспокойством спросила Гвенда.

— Скажите, дорогая, вы по-прежнему уверены, что ее звали Элен?

— Да... это ужасно странно, потому что я не знаю, кто она такая... эта Элен... но в то же время я знаю... что там лежала именно Элен... Что я еще могла бы узнать?

— Хорошо, я считаю, что прежде всего необходимо выяснить, бывали ли вы или могли ли быть в Англии ребенком. Ваши родственники...

— Тетушка Элисон. Она наверняка знает! Я уверена! — с готовностью воскликнула Гвенда.

— Тогда вам следует послать ей письмо авиапочтой. Изложите ей существо дела, в связи с чем вам необходимо знать, были ли вы когда-нибудь раньше в Англии. Вы сможете получить ответ по авиапочте до приезда вашего мужа.

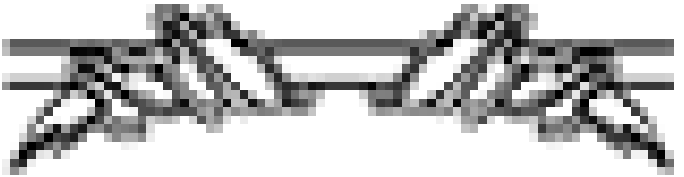
— О, благодарю вас, мисс Марпл! Вы необычайно добры. И я искренне надеюсь, что ваши предположения оправдаются. А это будет означать, что все в порядке. Я имею в виду, что ничего сверхъестественного не происходит.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Надеюсь, все получится так, как мы думаем. Послезавтра я еду навестить старых друзей в Северной Англии. На обратном пути, дней через десять примерно, я буду в Лондоне. Если вы и ваш муж будете здесь или вы получите ответ на ваше письмо, мне было бы очень любопытно узнать результат.

– *Ну конечно же,* мисс Марпл! В любом случае я хочу, чтобы вы познакомились с Джайлзом. Он отличный парень. И мы как следует обсудим все это дело.

Настроение Гвенды теперь совершенно исправилось. Мисс Марпл, напротив, казалась задумчивой.



Глава 5

УБИЙЦА В РЕТРОСПЕКЦИИ

I

Прошло дней десять, и мисс Марпл появилась в небольшом отеле в Мейфэре, где ее восторженно встретили молодые мистер и миссис Рид.

— Это мой муж, мисс Марпл. Джайлз, я просто не могу выразить словами, как мисс Марпл была добра ко мне.

— Очень приятно познакомиться, мисс Марпл.

Слышал, Гвенда находилась в таком отчаянии, что чуть не угодила в психиатрическую клинику.

Мисс Марпл окинула Джайлза Рида ласковым взглядом голубых глаз. Весьма привлекательный молодой человек, высокий, белокурый, с обезоруживающей привычкой время от времени часто моргать, что, однако, не было признаком врожденной застенчивости. Она отметила его волевой подбородок и четко очерченные скулы.

— Давайте выпьем чаю в маленькой гостиной, где царит полумрак, — предложила Гвенда. — Туда никто никогда не заглядывает. Там мы сможем показать мисс Марпл письмо от тетушки Элисон... Да, — добавила она, поймав на себе проницательный взгляд мисс Марпл. — Ваши предположения полностью подтвердились.

После чая письмо, пришедшее от мисс Данби, было извлечено из сумочки и вручено мисс Марпл.

«Дорогая Гвенда!

Я была ужасно встревожена возникшими у тебя неприятностями. По правде говоря, я совсем запамятовала, что, будучи совсем маленьким ребенком, ты

провела некоторое время в Англии.

Твоя мать, а моя сестра Меган, познакомилась с твоим отцом, майором Холлидеем, в Индии, где она гостила у наших общих друзей. Они поженились, и ты родилась там. Примерно через два года после твоего рождения Меган умерла. Ее смерть потрясла нас, мы написали твоему отцу, с которым состояли в переписке, но которого никогда не видели, и просили его доверить тебя нашим заботам, поскольку для военного человека маленький ребенок мог стать большой обузой. Твой отец, однако, ответил отказом, объяснив это тем, что вскоре намерен выйти в отставку и вернется с тобой в Англию. Он надеялся, что тогда мы сможем приехать навестить вас там.

Как я поняла, по пути домой твой отец встретил молодую женщину, обручился с ней, и они поженились, как только приехали в Англию. Этот брак, судя по всему, оказался несчастливым, и они через год расстались. Вот почему твой отец написал нам, спрашивая, готовы ли мы, как и прежде, приютить тебя. Я

не могу передать словами, дорогая, как счастливы мы были. Тебя привезла к нам няня-англичанка. Одновременно отец отписал тебе значительную часть своего состояния и предложил, чтобы в дальнейшем ты носила нашу фамилию. Надо сказать, что мы были слегка удивлены таким предложением, но посчитали, что это сделано из добрых побуждений, чтобы ты легче адаптировалась к нашей семье. Мы с радостью приняли тебя, но его предложение отвергли. Примерно год спустя твой отец умер в клинике для тяжелобольных. Я подозреваю, что он уже знал о своем плохом здоровье, когда посылал тебя к нам.

К сожалению, я не знаю, где вы жили с отцом после возвращения в Англию. Конечно, на его письмах значился обратный адрес, но минуло восемнадцать лет с тех пор, и никто уже его не помнит. Я знаю точно, что жили вы где-то в Южной Англии, но не уверена, что это был Диллмут. Мне на ум приходит почему-то Дартмут, но оба названия очень похожи. Думаю, твоя приемная мать снова вышла

замуж, но я не могу вспомнить ее имя и даже ее девичью фамилию, хотя твой отец упоминал его в письме, извещавшем о его второй женитьбе. Мы, помнится, осуждали его за столь поспешный второй брак, хотя понимали, что длительное пребывание на борту судна располагает к сближению, а может быть, он полагал, что так будет лучше для тебя.

Странно, что я никогда не говорила тебе о том, что ты действительно жила в Англии, хотя сама ты и не помнишь этого, но, повторюсь, все тогдашние события как-то стушевались в моей памяти. Ведь смерть твоей матери в Индии и твой переезд к нам были важными событиями в жизни нашей семьи.

Надеюсь, что теперь тебе все ясно?

Уверена, что Джайлз скоро воссоединится с тобой. Вам обоим трудно пребывать так долго в разлуке.

О себе напишу более подробно в следующем письме, потому что спешу отправить ответ на твою телеграмму.

Твоя любящая тетушка

Элисон Данби.

P.S. Ты так и не сообщила, что именно тебя так встревожило».

— Вот видите, — сказала Гвенда, — ваши предположения полностью оправдались.

Мисс Марпл разгладила тонкий листок.

— Да, да, действительно. Объяснение вполне логичное. Мои умозаключения часто оказываются правильными.

— Я бесконечно признателен вам, мисс Марпл! — сказал Джайлз. — Бедная Гвенда была так потрясена, да и я тоже, надо сказать, ужасно беспокоился, что она оказалась ясновидящей или психически больной. Или еще что-то в этом роде.

— Это и впрямь способно обеспокоить мужа, — вставила Гвенда. — Тем более что у нас всегда все было безупречно.

— Это действительно так, — подтвердил Джайлз.

— А что с домом? Что вы решили? — спросила мисс Марпл.

— О, все в порядке. Мы едем туда завтра утром.

Джайлзу не терпится увидеть его.

— Не знаю, согласитесь ли вы со мной, мисс Марпл, — сказал Джайлз, — но мне кажется, что у нас в руках страшная тайна. Связанная с убийством. Прямо на пороге дома, точнее — в холле.

— Я *уже* думала об этом, — медленно проговорила мисс Марпл.

— Просто Джайлз любит детективные истории, — добавила Гвенда.

— Да, я полагаю, речь идет именно о детективной истории. Труп красивой женщины, задушенной в холле. О ней ничего не известно, кроме ее христианского имени. Это случилось почти двадцать лет назад. За давностью происшествия уже не найти никаких улик, но все же можно сделать какие-то умозаключения и попытаться нащупать какие-то нити. О! Осмелюсь предположить, что никому уже не удастся разгадать эту тайну, — с сожалением сказал Джайлз.

— Я думаю, что вы смогли бы, — возразила мисс Марпл. — Даже невзирая на то, что это произошло восемнадцать лет назад. Да, я думаю, что вы смогли бы.

— Так или иначе, такая попытка не причинит никому вреда? — Лицо Джайлза озарила улыбка.

Мисс Марпл вдруг внутренне напряглась.

— Нет, это может причинить вам большой вред. Я посоветовала бы вам обоим... о да, я вполне серьезно советую вам оставить это дело.

— Оставить? Принадлежащую нам тайну убийства, если только убийство действительно имело место?

— Думаю, речь идет именно об убийстве. И именно поэтому я не стану этим заниматься. Убийство — не тот случай, чтобы безоглядно ввязаться в его расследование.

— Но, мисс Марпл, если каждый будет так относиться... — начал было Джайлз, но она перебила его:

— О, я знаю, бывают случаи, когда ты просто *обязан* заниматься расследованием... например, когда обвиняют невиновного... когда подозреваются различные люди... а опасный преступник разгуливает на свободе и может снова причинить зло. Но вы должны помнить, что это убийство совершено в *далеком прошлом.* Возможно, факт убийства не был зафиксирован, но все же, если оно имело место, вы непременно узнали бы об этом от вашего старого садовника или еще от кого-нибудь: убийство, пусть даже очень давнее, всегда свежая новость. Должно быть, в данном случае тело удалось каким-то образом спрятать,

так что ни у кого даже не возникло подозрения о случившемся. Вы уверены... вы в самом деле уверены, что рискнете раскапывать это дело?

— Мисс Марпл, — вскричала Гвенда, — вы действительно обеспокоены нашей затеей?

— Да, обеспокоена, моя дорогая. Вы оба — милые, очаровательные молодые люди. Вы недавно поженились и счастливы вместе. Не надо, прошу вас, затрагивать вещи, которые могут... которые могут... как бы это лучше сказать... которые могут *расстроить* вас и причинить вам *горе.*

Гвенда с удивлением посмотрела на нее.

— Вы говорите о чем-то определенном или только намекаете на что-то?

— Не намекаю, дорогая. Только советую забыть об этом, потому что я много лет прожила на свете и знаю, как ранима человеческая душа. *Вот вам мой совет: оставьте это дело в покое.*

— Но его нельзя оставить так просто! — В голосе Джайлза послышались непривычные для него твердые нотки. — «Хиллсайд» — наш дом, Гвенды и мой. И кто-то был убит в этом доме, по крайней мере, мы так думаем. Я не хочу мириться с убийством в своем доме, даже если оно произошло восемнадцать лет назад!

Мисс Марпл вздохнула.

— Весьма сожалею, — сказала она. — Я думаю, что большинство молодых порядочных людей поступили бы именно так. Я разделяю ваши чувства и почти восхищаюсь вами. Но я хочу... о, как я хочу, чтобы вы не занимались этим...

II

На следующий день по деревне Сент-Мэри-Мид разнесся слух, что мисс Марпл снова дома. Ее видели на Хай-стрит в одиннадцать часов. Она заходила в дом викария без десяти минут двенадцать. После полудня три наиболее осведомленные жительницы деревни ощутили потребность узнать ее впечатления о веселой столице и, отдавая дань вежливости, сами погрузились в детали надвигающегося сражения за место, где будут размещаться киоск с вышивками и чайная палатка на приближающемся ежегодном празднике.

Позже, вечером, мисс Марпл можно было увидеть, как всегда, в саду, но на сей раз она предпочитала борьбу с сорняками контактам с соседями. За скромным, как обычно, ужином она была *рассеянна* и, казалось, совсем не слушала бойкой болтовни своей юной горничной Эвелин о событиях, связанных с местным аптекарем. И

на следующий день она тоже казалась *рассеянной,* что отметили один или два жителя деревни, в том числе и супруга викария. Этим вечером мисс Марпл сказалась слегка нездоровой и рано легла в постель. На следующее утро она послала за доктором Хейдоком.

Доктор Хейдок был личным врачом мисс Марпл, ее другом и верным союзником в течение многих лет. Она изложила свои суждения о симптомах, после чего доктор осмотрел ее и, достав стетоскоп, принялся прослушивать легкие.

— Для дамы вашего возраста, — изрек он, — и несмотря на ваш болезненный вид, вы абсолютно здоровы.

— Я не сомневаюсь, что мое общее состояние удовлетворительно, — ответила мисс Марпл. — Признаюсь, я слегка переутомилась и чувствую себя неважно.

— Просто вы немного кокетничаете. Эти поздние вечера в Лондоне...

— Да, конечно. Я нашла Лондон несколько утомительным. Да и воздух — такой тяжелый. Не то что свежий морской.

— Воздух здесь, в Сент-Мэри-Мид, чистый и свежий.

— Но часто бывает и удушливый. И все же, как

вы знаете, *бодрящий.*

Доктор Хейдок взглянул на нее с некоторым любопытством.

— Я пришлю вам тонизирующий бальзам.

— Благодарю вас, доктор. Эликсир Истона всегда полезен.

— Я способен назначить лечение без вашей помощи, мадам.

— Я думаю, что, может быть, перемена воздуха?..

Мисс Марпл обратила на него свой проницательный взгляд.

— Вы отсутствовали целых три недели.

— Я знаю. Сначала я была в Лондоне, который, как вы заметили, плохо отражается на здоровье. А потом на севере, в промышленном районе, где уж и совсем не бодрящий воздух.

Доктор Хейдок закрыл свой саквояж. Потом обернулся, улыбаясь.

— А теперь давайте уточним, зачем вы посылали за мной, — сказал он. — Чтобы вы сами назначили себе лечение, а я вторил вашим словам? Вы хотели, чтобы я подтвердил: единственное, что вам требуется, — это морской воздух...

— Я знала, что вы правильно меня поймете, — с благодарностью сказала мисс Марпл.

— Прекрасная вещь этот морской воздух. Вам надо немедленно поехать в Истборн, иначе ваше здоровье серьезно пошатнется.

— В Истборне, я думаю, немного холодновато. Особенно на закате, вы же знаете.

— Тогда в Борнмут или на остров Уайт.

Мисс Марпл лукаво взглянула на него.

— Мне всегда казалось, что маленькие городки куда приятнее.

Доктор Хейдок снова сел.

— Мое любопытство возрастает. Какой маленький приморский городок вы имеете в виду?

— Ну, я *думала* о Диллмуте.

— Отличное местечко. Немного, правда, скучноватое. А почему вы выбрали именно Диллмут?

Несколько мгновений мисс Марпл хранила молчание. Потом сказала:

— Предположим, однажды, случайно, вы узнали, что много лет назад, девятнадцать или двадцать, было совершено убийство. Этот факт известен только вам одному, официально об этом не сообщалось, и никто о случившемся даже не подозревает. Как бы вы поступили?

— Убийство действительно произошло давно?

— Именно так.

Хейдок немного подумал.

— И это не судебная ошибка? Никто не понес наказания?

— Насколько можно судить, никто.

— Хм. Убийство в ретроспекции. Нераскрытое убийство. Ну хорошо, я скажу вам. Я бы не стал ворошить прошлое. Вот так бы я поступил. Связываться с убийством всегда опасно. Это может оказаться *очень* опасным.

— Я тоже так считаю.

— Бытует мнение, — продолжал доктор, — что убийца никогда не останавливается на одном преступлении. Но это неверно. Есть среди них и такие, кто, совершив убийство, всячески старается скрыть его и не хочет снова рисковать. Не думаю, что после этого они живут счастливо, я не верю, что это возможно, существует много видов возмездия. Но по крайней мере внешне все идет хорошо. Возможно, так было в случае с Маделин Смит или с Лиззи Борден. И неважно, что Маделин Смит и Лиззи были оправданы, — многие люди сочли этих женщин виноватыми. Я мог бы назвать вам и других. Они никогда не повторяли преступлений — одно преступление дало им то, чего они хотели, и они были удовлетворены этим. Но представьте, что им угрожает какая-то опасность? Я имею в виду нашего убийцу, кто

бы он ни был, мужчина или женщина. Он совершил преступление и вышел сухим из воды, находится вне подозрений. Но вдруг появляется некто, начинает раскапывать дело и в конечном счете преуспевает в раскрытии преступления. Как поведет себя в такой ситуации наш убийца? Будет стоять, улыбаясь, и ожидать, когда кольцо вокруг него сомкнется? Нет, если это не имеет для вас принципиальной важности, то я скажу вам: не вмешивайтесь в эту историю. — И снова повторил: — Не ворошите прошлого, — после чего твердо добавил: — Вот вам мое предписание. *Оставьте эту затею.*

— Но это касается не только меня, а еще двоих очаровательных молодых людей. Позвольте мне рассказать вам!

Она рассказала ему всю историю, и Хейдок внимательно ее выслушал.

— Невероятно, — согласился он, когда она закончила свой рассказ. — Невероятное совпадение. И дело весьма необычное. Я полагаю, вы понимаете, что значит впутаться в эту историю?

— О, разумеется. Но я думаю, что пока *им* это не приходит в голову.

— Затеваемое дело чревато множеством бед для них, они будут горько сожалеть, что затеяли это

расследование. Семейные тайны должны строго храниться. Хотя, знаете, я вполне понимаю молодого Джайлза. Окажись я на его месте, возможно, и я повел бы себя точно так же. И даже сейчас мне интересно... — Он умолк на полуслове и в упор посмотрел на мисс Марпл. — Так вы затеяли историю с нездоровьем, чтобы оправдать свою поездку в Диллмут? Хотите вмешаться в дело, которое вас совершенно не касается?

— Вовсе нет, доктор Хейдок. Но я беспокоюсь о знакомой супружеской паре. Они молоды, неопытны, слишком доверчивы и легковерны. Я чувствую, что должна быть там, чтобы присмотреть за ними.

— Так вот зачем вы едете. Присмотреть за ними! А сможете ли вы остаться в стороне и не вмешиваться в расследование, мадам? Хотя речь идет об убийстве, совершенном очень давно.

Мисс Марпл чуть заметно улыбнулась:

— Но вы же считаете, что несколько недель в Диллмуте благотворно скажутся на моем здоровье, разве не так?

— Скорее всего, эта поездка закончится плачевно для вас, — сказал доктор Хейдок. — Но вы же не слушаете меня!

III

По пути к друзьям, полковнику и миссис Бантри, мисс Марпл встретила самого полковника Бантри с ружьем, шагавшего ей навстречу в сопровождении спаниеля. Полковник сердечно приветствовал пожилую леди:

— Рад видеть вас снова. Как Лондон?

Мисс Марпл ответила, что Лондон в полном порядке. Племянница сводила ее на несколько спектаклей.

— Заумных, наверное. А я предпочитаю музыкальные комедии.

Мисс Марпл сказала, что была на спектакле по пьесе русского автора, весьма интересном, хотя, возможно, излишне затянутом.

— Русского автора? — возмутился полковник Бантри. Ему как-то довелось, находясь в госпитале, прочитать роман Достоевского.

Полковник сообщил, что мисс Марпл сможет найти Долли в саду.

Миссис Бантри большую часть времени проводила в саду. Сад был ее страстью, а излюбленным чтением — каталоги о цветах, и все ее разговоры сводились к примулам, луковицам, цветущим кустарникам и новым сортам альпийских цветов.

И первое, что увидела мисс Марпл, был ее внушительный зад, обтянутый полинявшим твидом.

Заслышав приближающиеся шаги, миссис Бантри, кряхтя и морщась, с трудом приняла вертикальное положение: ревматизм — вот цена ее хобби. Она терла вспотевший лоб измазанной в земле рукой и радушно приветствовала подругу:

— Слышала, что вы вернулись, Джейн. Как вам мой дельфиниум? А вы видели мои новые горечавки? У меня с ними было много хлопот, но думаю, что теперь они прижились. Что нам сейчас требуется, так это дождь. Было все время ужасно сухо... Эстер сказала мне, что вы больны и лежите в постели. — Так звали кухарку миссис Бантри и ее «офицера по связи с деревней». — Рада убедиться, что это не так.

— Я немного переутомилась, — объяснила мисс Марпл. — Доктор Хейдок считает, что мне необходим морской воздух. И он прав.

— О, но вы не можете уехать сейчас, — возразила миссис Бантри. — Сейчас самое время заняться садом. Ваши кусты в живой изгороди вот-вот зацветут.

— Доктор Хейдок находит отдых весьма целесообразным.

— Да, доктор Хейдок не так глуп, как другие

доктора, — нехотя призналась миссис Бантри.

— Я все думаю, Долли, о той вашей кухарке.

— Какой кухарке? Вам нужна кухарка? Вы, конечно же, не имеете в виду ту женщину, которая пьет, не так ли?

— Нет, нет, нет. Я имею в виду ту, которая печет такие вкусные пироги. У которой муж был буфетчиком.

— О, вы говорите о Мок Тартл! — воскликнула миссис Бантри, сразу поняв, в чем дело. — Женщина с таким надтреснутым голосом, когда она говорит, вам кажется, что она вот-вот заплачет. *Она отлично готовит.* Муж у нее жирный, похоже, большой лентяй. Артур говорит, что он всегда разбавляет виски. Вполне возможно. Жаль, что один в чете всегда хуже другого. Они получили наследство от своего бывшего хозяина, поселились в меблированных комнатах с полным пансионом на южном берегу.

— Вот ее-то я и имела в виду. А где именно они поселились? Не в Диллмуте ли?

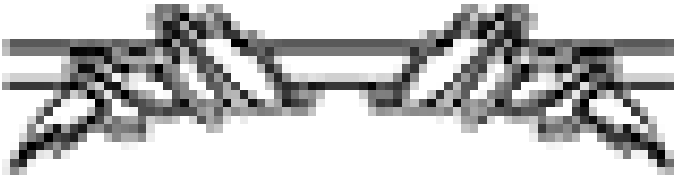
— Именно там. Диллмут, улица Си-Перейд, 14.

— Я подумала, коль скоро доктор Хейдок рекомендует мне южное взморье, то не поехать ли мне к ним, их фамилия Сандерс?

— Да, это блестящая идея, Джейн. Вы не могли

придумать ничего лучше. Миссис Сандерс будет ухаживать за вами, а так как сейчас не сезон, они будут рады принять вас и не возьмут слишком много. При хорошем питании и морском воздухе вы скоро поправитесь.

— Благодарю вас. Надеюсь, что поправлюсь.



Глава 6

УПРАЖНЕНИЕ В РОЗЫСКЕ

I

— Где, по-твоему, лежало тело? Вот здесь? — спросил Джайлз.

Они с Гвендой стояли в холле «Хиллсайда». Они приехали сюда прошлой ночью, и Джайлз находился в крайнем возбуждении. Он радовался, словно ребенок новой игрушке.

— Вот здесь, — ответила Гвенда. Она поднялась

на несколько ступенек вверх и внимательно посмотрела оттуда вниз. — Да. Я думаю, примерно здесь.

— Пригнись, — попросил жену Джайлз. — Тебе было всего три года.

Гвенда послушно присела.

— Ты действительно не могла видеть мужчину, который произнес те самые слова?

— Не помню, чтобы я его видела. Он должен был находиться где-то сзади, да, вон там. Я могла видеть только его лапы.

– *Лапы?* — нахмурился Джайлз.

— Это *были* именно лапы. Серые лапы, не похожие на человеческие руки.

— Но послушай, Гвенда, ты не путаешь с убийством на улице Морг? У человека не может быть лап.

— Ну а у *него* были лапы.

Джайлз с сомнением посмотрел на нее.

— Это ты домыслила уже потом.

— Уж не думаешь ли ты, — стараясь сохранить хладнокровие, возразила Гвенда, — что я выдумала и все остальное? Знаешь, Джайлз, я много думала. Иногда мне казалось, что это был всего лишь *сон.* Это было похоже на детские сны, которые так пугают детей и запоминаются надолго.

Тебе не кажется, что это подходящее объяснение? Потому что никто в Диллмуте не имеет ни малейшего представления о том, что здесь произошло убийство, или внезапная смерть, или еще *что-то* странное.

Теперь Джайлз был похож уже на ребенка, у которого отбирают любимую игрушку.

— Может быть, все это тебе привиделось в ночном кошмаре? — нехотя предположил он. Но тут же отбросил эту мысль. — Нет, — решительно сказал он. — Я не верю в это. Тебе могли присниться обезьяньи лапы и мертвое тело, но будь я проклят, если тебе приснилась эта реплика из *«Герцогини Мальфи»*.

— Я могла слышать эту реплику наяву, а потом кто-то произнес ее в увиденном мною сне.

— Не думаю, что такое могло произойти с ребенком. Если только ты не услышала это в состоянии сильного стресса, — а если это так, то мы снова возвращаемся к исходной точке. Итак, тебе приснились *лапы.* Ты видела труп и слышала те самые злополучные слова. Это зрелище повергло тебя в ужас, тебе стали сниться кошмары, в которых были и обезьяньи лапы... а может, ты боялась обезьян?

Гвенда вдруг задумалась и медленно прого-

ворила:

— Полагаю, что так *могло* быть...

— Мне хочется, чтобы ты вспомнила чуть больше... Спустись сюда, в холл. Закрой глаза. Подумай... Ничего больше не можешь припомнить?

— Нет, Джайлз... Чем больше я думаю, тем дальше все это отодвигается. Теперь я, кажется, вообще начинаю сомневаться, что видела все это наяву. Может быть, в тот вечер, в театре, у меня был приступ безумия.

— Нет. Что-то *произошло* в реальности. Мисс Марпл тоже так считает. А что насчет Элен? Ты *что-нибудь* помнишь о ней?

— Я вообще ничего не помню. Ничего, кроме *имени.*

— Это даже могло оказаться ненастоящее ее имя.

– *Да, но имя убитой было точно Элен,* — уверенно и твердо заявила Гвенда.

— Если ты уверена, что это была Элен, то должна хоть что-то знать о ней, — продолжал Джайлз. — Ты ее хорошо помнишь? Она здесь жила? Или только гостила?

— Я же сказала тебе, *не знаю.* — Гвенда раздражалась все больше и больше.

Джайлз переменил тактику:

— А кого еще ты можешь припомнить? Отца?

— Нет. Понимаешь, в доме тетушки Элисон висела его фотография, и она постоянно говорила: «Это твой отец». Я не помню, чтобы видела его *здесь*, в этом доме...

— И слуг, нянек тоже не помнишь?

— Нет, нет. Чем сильнее я стараюсь вспомнить, тем стремительней все это ускользает от меня. Все мои «открытия» происходили на уровне подсознания... я машинально подходила к тому месту, где раньше была дверь. Я *не помню*, что там была дверь. Возможно, если бы ты не растормошил меня так сильно, Джайлз, я что-нибудь и вспомнила бы. Но пытаться вспомнить сейчас — безнадежно. Это было так давно!

— Я не думаю, что это так уж безнадежно, и мисс Марпл так считает.

— Но она не поделилась с нами своими мыслями на этот счет, — сказала Гвенда. — А судя по блеску ее глаз, они у нее есть. Мне хотелось бы знать, как бы *она* поступила на нашем месте.

— Не думаю, что она может придумать нечто такое, до чего мы сами не способны додуматься, — решительно прервал ее Джайлз. — Пора кончать разглагольствования и начинать системно заниматься делом. Для начала я просмотрел

приходские книги, в которых регистрируются все отошедшие в мир иной. Никакой Элен соответствующего возраста за тот период там не значится, если не считать Элен Пагг, скончавшейся в возрасте девяноста четырех лет. Теперь мы должны предпринять следующий шаг. Если твой отец и, возможно, приемная мать жили в этом доме, то они должны были либо купить его, либо взять в аренду.

— Судя по словам садовника Фостера, до Хенгрейвов дом принадлежал неким Элворси, а до них владелицей его была миссис Файндисон. И все.

— Твой отец мог купить его и жить в нем очень недолго, а потом продать. Но мне кажется более вероятным, что он арендовал его, может быть, даже меблированным. Если так, то нам лучше всего обратиться в агентство по недвижимости.

Посещение агентства не было обременительным и не потребовало много времени. В Диллмуте было всего два таких агентства. Господа Вилкинсоны открыли свою контору всего одиннадцать лет назад и занимались в основном маленькими бунгало и новыми домами на окраине городка. Другая контора — Галбрейта и Пендерли, та самая, через которую Гвенда осуществила покупку дома.

Придя в контору, Джайлз пустился в длинные рассуждения о том, как ему и его жене нравится Диллмут и «Хиллсайд». Потом сообщил, что, как оказалось, миссис Рид жила в Диллмуте, когда была маленьким ребенком. У нее сохранились смутные воспоминания о той поре и возникла мысль, что «Хиллсайд» и есть тот самый дом, в котором прошло ее раннее детство, но она не совсем уверена в этом. Нет ли у них каких-нибудь сведений о том, что дом сдавался внаем майору Холлидею? Это могло быть восемнадцать или девятнадцать лет назад...

Мистер Пендерли только развел руками:

— Боюсь, это невозможно установить, мистер Рид. Наши записи ограничены довольно коротким периодом времени. Очень сожалею, что не смогу помочь вам. Вот если бы наш старый клерк был жив — он умер прошлой зимой, — он мог бы помочь вам. У него была замечательная память, просто редкостная. Он служил в нашей фирме почти тридцать лет.

— И нет больше ни одного человека, который мог бы это знать?

— Все наши сотрудники относительно молоды. Правда, жив еще старый мистер Галбрейт. Он оставил службу несколько лет назад.

— Нельзя ли побеседовать с ним? — спросила Гвенда.

— Ну, трудно сказать... — Мистер Пендерли колебался. — У него случился удар в прошлом году. У него, к сожалению, с головой не все в порядке. Знаете ли, ему уже за восемьдесят.

— Он живет в Диллмуте?

— О да. «Калькутта-Лодж». Очень милый домик на Ситон-роуд. Но я действительно думаю...

II

— Пожалуй, на этот визит мало надежды, — сказал Джайлз Гвенде. — Но кто знает! Думаю, нам не следует затевать переписку. Давай лучше отправимся туда вместе прямо сейчас.

Перед домом «Калькутта-Лодж» была хорошо ухоженная лужайка, и гостиная, куда их провели, тоже оказалась аккуратненькой, хотя и довольно тесной. Там пахло пчелиным воском. Медный стол был начищен до блеска. На окнах — тяжелые портьеры.

Вскоре появилась худощавая женщина средних лет и подозрительно воззрилась на визитеров.

Джайлз быстро объяснил ей цель их визита, и выражение лица, с которым люди обычно выслушивают очередного коммивояжера, навя-

зывающего им пылесос или какой-нибудь другой товар, исчезло с лица мисс Галбрейт.

— Мне очень жаль, но я на самом деле думаю, что не смогу помочь вам, — сказала она. — Ведь все это было очень давно, не правда ли?

— Иногда человек прекрасно помнит давнишние события, — сказала Гвенда.

— Конечно, но сама-то я ничего не могу знать об этом. Я никогда не вникала в дела отца. Майор Холлидей, говорите? Нет, не помню, чтобы носитель этой фамилии когда-либо появлялся в Диллмуте.

— Может быть, ваш отец все-таки сможет вспомнить? — продолжала Гвенда.

— Отец? — Мисс Галбрейт покачала головой. — Он сейчас полностью погружен в себя, да и память у него совсем ненадежная.

Гвенда внимательно рассматривала бенаресский бронзовый столик, а потом перевела взгляд на процессию слоников из черного дерева на каминной полке.

— Я думаю, он сможет вспомнить, — предположила она, — потому что мой отец тоже приехал сюда из Индии. Ваш дом называется «Калькутта-Лодж»?

И она умолкла в ожидании ответа.

— Да, — ответила мисс Галбрейт. — Отец некоторое время находился в Калькутте. По делам. Когда в 1920 году началась война, он вернулся и стал работать в конторе, но часто говорил, что хотел бы снова вернуться в Индию. Однако моя мать не очень любила чужие страны, и, конечно, нельзя сказать, что там был здоровый климат. Не знаю... может, вы хотите видеть моего отца? Правда, сегодняшний день для него не из лучших...

Она провела их в маленький черный кабинет. Там в потертом кожаном кресле восседал пожилой джентльмен с белыми моржовыми усами. И пока его дочь представляла визитеров, он, чуть склонив голову набок, рассматривал Гвенду с явной симпатией.

— Память часто подводит меня, — сказал он не очень внятным голосом. — Холлидей, вы сказали? Нет, я не помню этого имени. Знал я мальчика в йоркширской школе, но это было более семидесяти лет назад.

— Мы полагаем, что он арендовал «Хиллсайд», — напомнил ему Джайлз.

— «Хиллсайд»? Что такое «Хиллсайд»? — Одно веко мистера Галбрейта прикрылось и снова открылось. — Там жила Файндисон. Замечательная женщина.

— Мой отец мог арендовать этот дом с мебелью... он тогда только что вернулся из Индии.

— Из Индии? Из Индии, вы сказали? Вспоминаю мужчину, военного. Знал этого старого мошенника Мохаммеда Хассана, который надул меня с коврами. У военного была молодая жена и ребенок — маленькая девочка.

— Это была я, — твердо заявила Гвенда.

— В самом деле, что вы говорите? Да, да, время быстро летит. Так как же было его имя? Хотя обставленный дом... да... миссис Файндисон была отослана в Египет или еще куда-то на зиму... словом, ради ерунды какой-то. Как же все-таки было его имя?

— Холлидей, — подсказала Гвенда.

— Верно, моя дорогая, Холлидей. Майор Холлидей. Славный парень. Очень хорошенькая жена, совсем молоденькая, блондинка, хотела жить поближе к родным или что-то вроде этого. Да, очень хорошенькая.

— А кто были эти ее родные?

— Понятия не имею. Ни малейшего представления об этом. А вы не похожи на нее.

Гвенда чуть было не сказала: «Она была моей приемной матерью», но вовремя остановилась, потому что это могло внести путаницу, и только

спросила:

— А как она выглядела?

И вдруг услышала в ответ:

— Выглядела встревоженной — вот как она выглядела. Встревоженной. А майор этот — очень славный парень. С интересом слушал мои рассказы о Калькутте. Не то что эти молодые люди, которые никогда не покидали Англию. Ограниченные люди — вот они кто. *Но я-то повидал мир.* Так как его звали, того армейского парня, который хотел снять меблированный дом?

Он напоминал очень старый граммофон с вконец заезженной пластинкой.

— «Сент-Катрин». Да, верно. Снял дом «Сент-Катрин» — шесть гиней в неделю, пока миссис Файндисон была в Египте. Там и умерла, несчастная душа. Дом выставили на аукцион, кто купил его? Сестры Элворси, целая компания женщин. Сменили название дома, посчитали, что «Сент-Катрин» звучит очень уж папистски. Испытывали большую неприязнь ко всему, что связано с папой, и старались всячески внушить ее другим. Просто одержимы были своими идеями... Проявляли большое участие к неграм — посылали им штаны и Библию. Неустанно занимались обращением дикарей в христианскую веру.

Вдруг он вздохнул и откинулся назад.

— Как давно это было, — произнес он. — Не могу вспомнить имена. Парень из Индии, славный парень... Я устал, Глэдис, дай мне чаю.

Джайлз и Гвенда поблагодарили его, и дочь удалилась.

— Так, значит, подтвердилось, — сказала Гвенда. — Мы с отцом жили в «Хиллсайде». Что дальше будем делать?

— Я — сущий идиот! — воскликнул Джайлз. — «Сомерсет-Хаус»!

— А что такое «Сомерсет-Хаус»?

— Это контора, где регистрируются браки. Я иду туда, чтобы отыскать запись о женитьбе твоего отца. Судя по письму тетушки Элисон, твой отец женился во второй раз немедленно по приезде в Англию. Но понимаешь, Гвенда, он мог жениться где-то в другом месте, до приезда сюда. И вполне возможно, что Элен — имя какой-то родственницы твоей приемной матери, ее младшей сестры, например. Но так или иначе, коль скоро нам известно ее имя, мы можем попытаться отыскать кого-нибудь, кто знает что-нибудь о событиях, произошедших в «Хиллсайде». Помнишь, старик сказал, что они хотели поселиться в Диллмуте, поближе к родственникам миссис Холлидей.

Если эти родственники и сейчас живут здесь, возможно, нам удастся что-нибудь разузнать.

— Джайлз, — воскликнула Гвенда, — ты просто гений!

III

Джайлз в конце концов счел необязательным для себя отправляться в Лондон. Хотя его энергичная натура всегда влекла его куда-то, побуждая к немедленным действиям, на сей раз он решил, что можно ограничиться письменным запросом.

И вот ответ наконец поступил.

— Пришел ответ на наш запрос! — с энтузиазмом воскликнул Джайлз.

Он извлек из конверта заверенную копию брачного свидетельства.

— Вот, пожалуйста, Гвенда. Пятница. Август. 7-й Регистрационный офис Кенсингтона. Келвин Джеймс Холлидей сочетается браком с Элен Спенлав Кеннеди.

Гвенда громко воскликнула:

– Элен?!

Они посмотрели друг на друга.

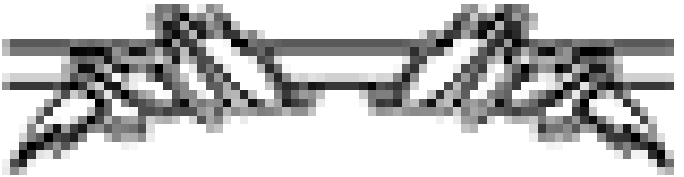
Джайлз медленно сказал:

— Но... но это не может быть *она.* Я думаю, они разошлись, она снова вышла замуж, а потом...

— Мы не знаем, — возразила Гвенда, — что она ушла...

Она снова посмотрела на отчетливо написанное имя:

Элен Спенлав Кеннеди.
Элен...



Глава 7

ДОКТОР КЕННЕДИ

I

Несколько дней спустя в прохладный день с резким порывистым ветром Гвенда, проходя по Эспланаде, вдруг остановилась около одного из застекленных укрытий, которые заботливая Корпорация устроила для удобства своих посетителей.

— Мисс Марпл! — не веря своим глазам, вос-

кликнула Гвенда.

Это действительно была мисс Марпл в толстом ворсистом пальто, к тому же укутанная поверх него шарфами.

— Я уверена, что вы никак не ожидали увидеть меня здесь, — быстро сказала мисс Марпл. — Но мой доктор рекомендовал мне поехать к морю, а вы так красочно живописали Диллмут, что я решила поехать сюда. К тому же кухарка и буфетчик моей подруги держат здесь меблированные комнаты.

— Но почему вы не зайдете проведать нас? — требовательно спросила Гвенда.

— Старые люди бывают докучливы, моя дорогая. Молодоженам не полагается мешать. — Она улыбнулась в ответ на протест Гвенды. — Я не сомневаюсь, что вы приняли бы меня радушно. А как у вас дела? Продвинулись ли вы в разгадке вашей тайны?

— Мы пока не вышли на след, — сказала Гвенда, садясь рядом с мисс Марпл.

Она рассказала в деталях обо всем, что им удалось узнать за время пребывания здесь.

— А теперь, — в заключение сказала она, — мы поместили объявления во многих газетах, начиная с местных и кончая *«Таймс»* и другими

крупными ежедневными изданиями. Мы обратились ко всем, кому что-нибудь известно об Элен Спенлав, урожденной Кеннеди, с просьбой связаться с нами, и так далее. Думаю, нам удастся получить хоть *какие-нибудь* сведения. А вы как считаете?

— Я хотела бы надеяться, что так и будет, моя дорогая... да, я хотела бы надеяться.

Мисс Марпл говорила, как всегда, спокойно, но в ее глазах сквозила тревога. Она бросила быстрый оценивающий взгляд на сидящую рядом молодую женщину, оптимистический тон которой показался ей не вполне искренним. Гвенда, подумала мисс Марпл, выглядит явно встревоженной. То, что доктор Хейдок назвал «переутомлением», наверное, начала ощущать и она. Да, но теперь слишком поздно отступать...

Мисс Марпл сказала мягким, извиняющимся тоном:

— Мне и на самом деле все это очень интересно. В моей жизни, как вы знаете, так *мало* волнующих событий. Надеюсь, вы не сочтете меня *чересчур* любопытной, если я попрошу держать меня в курсе ваших дел.

— Конечно, мы все будем вам сообщать, — живо отозвалась Гвенда. — Вы будете в курсе всего

происходящего. Скажите мне ваш здешний адрес, и вы непременно должны прийти к нам на чай, я имею в виду выпить чаю с нами и взглянуть на дом. Должны же вы увидеть место преступления, не так ли?

Она рассмеялась, но в ее смехе отчетливо звучали нервные нотки.

Когда Гвенда отошла, мисс Марпл нахмурилась, чуть заметно покачивая головой.

II

Джайлз и Гвенда каждый день с нетерпением ждали почту, но поначалу их надежды оказывались тщетными. Пришло всего два письма от частных сыскных агентств, которые предлагали провести профессиональное расследование от их лица.

— Пока в этом нет необходимости, — сказал Джайлз. — Но если мы решим обратиться в сыскное агентство, это будет первоклассное агентство — уж ни в коем случае не из тех, что предлагают свои услуги по почте. Однако я действительно не вижу, что они могут сделать такое, чего не можем сделать мы сами.

Его оптимизм (или самонадеянность) оправдался через несколько дней. Пришло письмо, написанное характерным — отчетливым и в то же время неразборчивым — почерком, присущим профессионалам.

«Галлс-Хилл
Вудли-Болтон

Уважаемый сэр!

В ответ на ваше объявление в «Таймс» сообщаю, что Элен Спенлав Кеннеди – моя сестра. Много лет назад я потерял связь с ней и теперь был бы рад узнать что-нибудь о ней.

С совершенным почтением,

Джеймс Кеннеди,
доктор медицины».

— Вудли-Болтон, — сказал Джайлз. — Это не так далеко отсюда. В Вудли-Кемп обычно ездят на пикники. Это вересковая пустошь, примерно в тридцати милях отсюда. Мы напишем доктору Кеннеди и спросим, можно ли нам приехать к нему или он предпочтет сам приехать к нам.

В полученном ответе говорилось, что доктор Кеннеди готов принять их в следующую среду. В назначенный день супруги Рид отправились

к нему.

Вудли-Болтон — деревня с домами, беспорядочно разбросанными по склонам холма Галлс-Хилл, — оказался на самой вершине холма, и оттуда открывался вид на Вудли-Кемп и на заболоченные равнины, поросшие вереском, за которыми простиралось море.

— Довольно мрачное место, — заметил Джайлз, поеживаясь.

И сам дом был тоже мрачным — видно, доктор Кеннеди презирал новшества вроде центрального отопления.

Дверь открыла хмурая и весьма непривлекательная особа. Она проводила их в кабинет доктора Кеннеди, который при их появлении поднялся с кресла. Кабинет представлял собой длинную комнату с довольно высоким потолком, уставленную по стенам шкафами с книгами.

Доктор Кеннеди оказался седым пожилым мужчиной с хитрыми глазками, выглядывающими из-под кустистых бровей. Его острый взгляд быстро перебегал с одного визитера на другого.

— Мистер и миссис Рид? Присаживайтесь, миссис Рид, вот это, наверное, самое удобное кресло. Ну и в чем же все-таки дело?

Джайлз кратко изложил заранее подготовлен-

ную историю.

Они с женой недавно поженились в Новой Зеландии и приехали в Англию, где его жена жила короткое время в раннем детстве, сейчас она занята выявлением старых друзей семьи и их связей.

Доктор Кеннеди оставался безучастным и замкнутым. Он был вежлив, но явно раздражен их колониальной сентиментальностью и приверженностью к семейным узам.

— И вы полагаете, что моя сестра, моя единокровная сестра, возможно, ваша родственница? — спросил он Гвенду вежливо, но слегка враждебно.

— Она — моя мачеха, — сказала Гвенда. — Вторая жена моего отца. Я, конечно, не помню ее как следует. Была тогда слишком маленькой. Моя девичья фамилия — Холлидей.

Он посмотрел на нее, и вдруг улыбка озарила его лицо. Теперь это был совсем другой человек, от отчужденности не осталось и следа.

— Бог мой! Только не говорите мне, что вы и есть Гвенни!

Гвенда широко улыбнулась. Давно забытое уменьшительное имя звучало в ее ушах как благостная музыка.

— Да, я — Гвенни.

— Да благословит бог мою душу! Выросла и вышла замуж. Как летит время! Это было... пятнадцать лет... нет, конечно, гораздо больше лет назад. Вы, естественно, не помните меня?

Гвенда отрицательно покачала головой.

— Я даже своего отца не помню. Я хочу сказать, что прошлое видится мне словно в тумане.

— Конечно... Первая жена Холлидея была из Новой Зеландии... Помнится, он рассказывал мне об этом. Прекрасная страна, как я понял.

— Это самая чудная страна во всем мире, но мне и Англия тоже очень нравится.

— Вы приехали на время или хотите поселиться здесь? — Он позвонил в колокольчик. — Мы должны выпить чаю.

Когда вошла высокая женщина, он попросил:

— Чаю, пожалуйста... и тостов с маслом... или... или кекса, или еще чего-нибудь.

Респектабельная экономка выглядела отнюдь не дружелюбной, но тем не менее ответила:

— Слушаюсь, сэр. — И вышла.

— Обычно я не пью чая, — заметил доктор Кеннеди, словно желая загладить неловкость, — но ради такого приятного случая...

— Спасибо, вы очень любезны, — поблагода-

рила Гвенда и продолжала: — Мы купили здесь дом. — И после короткой паузы добавила: — «Хиллсайд».

— О да. В Диллмуте. Вы указали на конверте свой адрес.

— Какое удивительное совпадение, правда?! — воскликнула Гвенда, обращаясь к Джайлзу.

— И правда! — согласился Джайлз. — Просто ошеломляющее совпадение.

— Понимаете, он как раз продавался, — сказала Гвенда и добавила: — Это тот самый дом, в котором мы жили много лет назад.

Доктор Кеннеди нахмурился.

— «Хиллсайд»? Ну, конечно, я слышал, что они назвали его по-другому. Прежде он назывался в честь какого-то святого. Думаю, это тот самый дом, на Лихемптон-роуд, ведущей к центру города, по правой стороне?

— Да.

— Это он и есть. Забавно, как выветриваются из памяти названия. Подождите минутку. «Сент-Катрин» — вот как он назывался прежде.

— И я там жила, верно? — уточнила Гвенда.

— Да, конечно, вы там жили. — Он удивленно на нее посмотрел. — А почему вы решили снова там поселиться? Уж наверняка не из ностальги-

ческих побуждений.

— Нет. Но почему-то, едва ступив на его порог, я почувствовала себя как дома.

— Почувствовала себя как дома, — повторил доктор. Сказано это было невыразительным, безразличным тоном, но Джайлзу было бы интересно узнать, о чем доктор думал при этом.

— Видите ли, — продолжала Гвенда, — я так надеялась, что вы о многом расскажете мне... о моем отце, и Элен, и... — добавила она, запинаясь, — обо всем...

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Полагаю, вашим родственникам в Новой Зеландии мало что было известно о том, что происходит здесь, в Англии. Да и мне известно не так уж много. Элен, моя сестра, возвращалась из Индии на одном пароходе с вашим отцом. Он был вдовец с маленькой дочерью. Элен пожалела его или влюбилась в него. А он был одинок или тоже влюбился в нее. Трудно сказать, как все это произошло. Они поженились в Лондоне, по прибытии, и приехали в Диллмут, ко мне. Тогда у меня там была практика. Келвин Холлидей казался хорошим парнем, хотя был довольно раздражительным и порой впадал в депрессию... но тем не менее они казались счастливой па-

рой... тогда. — Он немного помолчал, прежде чем сказать: — И все-таки менее чем через год она сбежала куда-то с другим. Вы, может быть, знаете об этом?

— А с кем она сбежала? — спросила Гвенда.

— Она не сказала мне. Я не пользовался ее доверием. Я видел... просто не мог не видеть, что между ней и Келвином возникли трения. Я не знал почему. Я всегда был пуританином в вопросах морали и верил в супружескую верность. Элен не желала посвящать меня в свои семейные дела. До меня доходили слухи, но без упоминания каких-то конкретных лиц. У них постоянно гостил кто-нибудь из Лондона или из других частей Англии. Думаю, она сбежала с кем-нибудь из них.

— Они были уже в разводе?

— Элен не хотела развода. Так мне сказал Келвин. Вот почему я предположил, возможно ошибочно, что мужчина был женат. И к тому же на католичке.

— А мой отец?

— Он тоже не хотел развода.

Доктор Кеннеди отвечал довольно сдержанно.

— Расскажите о моем отце, — попросила Гвенда. — Почему он внезапно решил отправить меня в Новую Зеландию?

Кеннеди ненадолго задумался, прежде чем ответить.

— Мне кажется, что на этом настаивали ваши родственники. После крушения брака с Элен он, наверное, решил, что так будет лучше для всех.

— Почему он не отвез меня туда сам?

Доктор Кеннеди оглядел каминную полку в поисках ершика для трубки.

— О, я не знаю... У него резко ухудшилось здоровье.

— А что такое с ним было? От чего он умер?

Открылась дверь, и появилась суровая экономка с подносом, на котором были тосты с маслом и варенье, но никаких кексов. Рассеянным жестом доктор Кеннеди предложил Гвенде разливать чай. Когда чашки были наполнены и розданы, а Гвенда взяла кусочек тоста, доктор Кеннеди с напускной живостью осведомился:

— Ну и как вы обустроили свой дом? Наверное, я и не узнаю его после проведенных вами усовершенствований.

— Мы очень гордимся своими ванными, — ответил Джайлз.

Гвенда, глядя на доктора в упор, повторила свой вопрос:

— От чего же умер мой отец?

— Затрудняюсь вам сказать, дорогая. Как я уже говорил, у него возникли сложности со здоровьем, и в конце концов он отправился в клинику где-то на восточном побережье. Спустя два года он умер.

— А где точно находилась эта клиника?

— Мне очень жаль, но теперь я не могу вспомнить. Как я уже сказал, мне кажется, она находилась где-то на восточном побережье.

Доктор Кеннеди явно уклонялся от прямого ответа. Джайлз и Гвенда обменялись короткими взглядами.

— По крайней мере, сэр, вы можете сказать, где он похоронен? — спросил Джайлз. — Гвенда, естественно, очень хотела бы посетить его могилу.

Доктор Кеннеди придвинулся к камину и принялся чистить чубук трубки перочинным ножом.

— Знаете, — сказал он как-то невнятно, — не думаю, что я должен так много говорить о прошлом. Все это почитание предков — глупость. Важно только будущее. Вот вы двое, молодые, полные сил, перед вами открыт весь мир. Думайте о будущем. Какой смысл возлагать цветы на могилу того, кого вы практически и не знали?

Гвенда упрямо повторила:

— Я хотела бы видеть могилу отца.

— Боюсь, что я не смогу вам помочь. — Тон доктора Кеннеди был учтивым, но холодным. — Это произошло так давно, и я уже не помню. Я утратил связь с вашим отцом после его отъезда из Диллмута. Кажется, он написал мне из клиники, и потому у меня отложилось в памяти, что он находился где-то на восточном побережье... но на самом деле я не уверен даже в этом. И я не имею ни малейшего представления о том, где ваш отец похоронен.

— Это очень странно, — заметил Джайлз.

— Отнюдь. Как вы понимаете, нас связывала Элен. Я всегда очень гордился ею. Она моя единокровная сестра и намного моложе меня, но я старался всячески заботиться о ней. Хорошие школы и все такое. Но нельзя отрицать и того, что Элен всегда отличалась неуравновешенным характером. Будучи совсем юной, она влюбилась в весьма сомнительного молодого человека. Мне удалось благополучно вытащить ее из этой истории. Тогда она решила уехать в Индию и выйти замуж за Волтера Фейна. Ну, я не возражал, хороший парень, сын адвоката из Диллмута, но если говорить откровенно, тупой, как бревно. Он всегда обожал ее, но она даже не смотрела в

его сторону. А тут вдруг решает ехать в Индию, чтобы выйти за него замуж. Но когда приехала туда, то сразу же передумала, телеграфировала мне с просьбой прислать денег, чтобы вернуться домой. Я послал. По пути домой она встретила Келвина. Они поженились, я об этом узнал постфактум. Я, скажем так, обиделся на нее за это. Вот почему я не поддерживал отношений с Келвином после ее побега. — И он вдруг спросил: — А где теперь Элен? Можете вы сказать мне? Я хотел бы связаться с ней.

— Но мы ничего не знаем, — ответила Гвенда. — Совсем ничего.

— О! Из вашего объявления я понял... — Он посмотрел на них с внезапным любопытством. — Скажите, зачем тогда вы давали объявление?

— Мы хотели связаться... — начала было Гвенда и умолкла на полуслове.

— И не можете вспомнить, с кем именно? — Доктор Кеннеди выглядел озадаченным.

Гвенда поспешно ответила:

— Я думала... если я смогу связаться с ней... она расскажет мне... о моем отце.

— Да... да... я понимаю. Жаль, что не могу ничем помочь вам. Память изменяет мне. Это было так давно.

— Но по крайней мере, — спросил Джайлз, — вы знаете, какая это была клиника? Туберкулезная?

Лицо доктора Кеннеди снова стало непроницаемым.

— Да, да, скорее всего, так и есть.

— Ну, тогда нам *не составит труда* все выяснить, — заявил Джайлз. — Весьма признательны вам, сэр, за все, что вы нам рассказали.

Они поднялись.

— Благодарю вас, — сказала Гвенда. — Непременно приезжайте к нам в «Хиллсайд».

Прежде чем выйти из комнаты, Гвенда обернулась. Доктор Кеннеди стоял у камина, обеспокоенный, машинально теребя свой ус.

— Он знает что-то, чего никогда нам не скажет, — сказала Гвенда, когда они садились в автомобиль. — *Что-то такое...* о, Джайлз! И зачем только мы занялись всем этим...

Они переглянулись, и у каждого из них, независимо от другого, возник тот же самый страх.

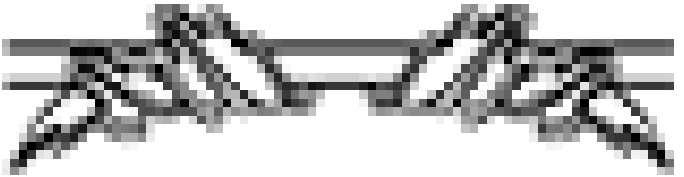
— Мисс Марпл была права, — продолжала Гвенда. — Нам не следовало делать этого.

— Но нас никто не принуждает продолжать, — неуверенно заметил Джайлз. — Я думаю, Гвенда, дорогая, нам лучше остановиться на этом.

Гвенда покачала головой:

— Нет, Джайлз, теперь мы не можем остановиться. Мы будем постоянно думать об этом и строить всевозможные предположения. Нет, мы должны продолжать... Доктор Кеннеди не сказал нам, потому что хотел быть добрым... но такой подход к делу нехорош. Мы должны продолжать и выяснить, что случилось на самом деле. Даже если... даже если... это был мой отец, тот, кто...

Но она не смогла продолжать.



Глава 8

ИЛЛЮЗИИ КЕЛВИНА ХОЛИДЕЯ

Следующим утром, когда Джайлз с Гвендой беседовали в саду со старым Фостером, миссис Коккер сообщила, что звонит некий доктор Кеннеди.

Оставив Гвенду с садовником, Джайлз поспешил в дом.

— Джайлз Рид слушает.

— Это доктор Кеннеди. Я все обдумываю наш вчерашний разговор, мистер Рид. Есть некоторые

факты, которые, как я думаю, вы и ваша жена должны были бы знать. Застану ли я вас дома, если заеду к вам во второй половине дня?

— Конечно. Мы будем дома. В какое время?

— В три часа.

— Прекрасно.

А старик Фостер тем временем осведомился у Гвенды:

— Это тот самый доктор Кеннеди, который жил здесь в «Вест-Клифф»?

— Думаю, да. Вы знали его?

— Я всегда считал его лучшим доктором здесь, не в пример доктору Лазенби. Но доктор Лазенби пользовался всеобщей симпатией, потому что всегда умел подбодрить человека, а доктор Кеннеди мил, сдержан и немного суховат, но зато знал свое дело.

— Когда он прекратил здесь практику?

— Уже давно. Может быть, лет пятнадцать назад или около того. Говорили, что у него пошатнулось здоровье.

Джайлз вскоре вернулся и в ответ на вопросительный взгляд Гвенды сообщил:

— Он будет здесь сегодня во второй половине дня.

— Вот как! — И Гвенда продолжила прерван-

ный разговор с Фостером: — А вы знали сестру доктора Кеннеди?

— Сестру? Можно сказать, нет. Она была тогда совсем девчонкой. Ее отправили в школу, а потом за границу, хотя я слышал, будто она вернулась сюда сразу же после того, как вышла замуж. Но, кажется, вскоре удрала с каким-то парнем, говорили, что она всегда была сумасбродная. По-моему, я и не видел ее никогда. В то время я работал в Плимуте.

Прогуливаясь потом по саду вдвоем с мужем, Гвенда спросила Джайлза:

— Зачем он приезжает?

— Мы узнаем об этом в три часа.

Доктор Кеннеди прибыл точно в назначенное время. Оглядывая гостиную, он признался:

— Как странно снова оказаться здесь. — Потом без всяких предисловий перешел к делу: — Как я понял, вы намерены отыскать клинику, где умер Келвин Холлидей, и выяснить все подробности о его болезни и смерти?

— Совершенно верно, — ответила Гвенда.

— Разумеется, вы вполне можете осуществить свое намерение. Поэтому я решил облегчить вашу задачу и сообщить все, что мне известно. Я сожалею, что вынужден поведать вам об этом;

то, что вы узнаете, не способно принести кому бы то ни было ничего хорошего и, скорее всего, причинит *вам*, Гвенда, боль. Так вот. У вашего отца не было туберкулеза, и находился он не в туберкулезной, а в психиатрической клинике.

— В психиатрической клинике? Что же, он сошел с ума?

Гвенда сделалась мертвенно-бледной.

— Врачи не считали его невменяемым. И по моему мнению, он не был сумасшедшим в общепринятом смысле этого слова. Он пережил сильное нервное потрясение и страдал навязчивой идеей. Он оказался в клинике по своей собственной воле и мог, разумеется, покинуть ее в любой момент. Однако лечение не принесло желаемых результатов, и в конце концов он там умер.

— Навязчивая идея? — спросил Джайлз. — Какая навязчивая идея?

— Он вообразил, будто задушил свою жену.

Гвенда исторгла сдавленный крик. Джайлз нежно сжал в ладонях ее холодную руку и, снова обратившись к доктору Кеннеди, продолжал:

— И... и он действительно это сделал?

— Нет, конечно, он этого не делал. В этом нет сомнений.

— Но... но откуда вы знаете? — послышался неуверенный голос Гвенды.

— Мое дорогое дитя. Об этом не может быть и речи. Элен бросила его ради другого мужчины. В течение некоторого времени он пребывал в очень неустойчивом состоянии — кошмарные сновидения, болезненные фантазии. Бегство Элен окончательно добило его. Я не психиатр. Но у специалистов есть объяснения подобных случаев. Если мужчина предпочитает видеть свою жену мертвой, нежели неверной, он может заставить себя представить ее мертвой — и даже внушить себе, что сам же ее убил.

Джайлз и Гвенда незаметно обменялись предостерегающими взглядами, и Джайлз с невозмутимым видом продолжал:

— Значит, вы абсолютно уверены в том, что он не совершал того, в чем сам себя признавал виновным?

— Да, абсолютно уверен. Я получил два письма от Элен. Первое — из Франции, через неделю после ее побега, и другое — спустя шесть месяцев. Так что все это не что иное, как плод больного воображения.

Гвенда тяжело вздохнула.

— Умоляю, доктор Кеннеди, расскажите мне

все.

— Я расскажу вам все, что мне известно, дорогая. Начну с того, что Келвин в течение некоторого времени находился в своеобразном невротическом состоянии. Он обратился ко мне по этому поводу, жаловался, что его мучают кошмары. Каждую ночь он видит один и тот же сон, завершающийся тем, что он душит Элен. Я пытался докопаться до причины этого наваждения — она могла корениться в каком-то событии, имевшем место в раннем детстве. Его отец и мать, очевидно, не были счастливы в браке... Ну, я не стану углубляться в проблемы, интересные только специалисту. Я посоветовал Келвину обратиться к психотерапевту, назвав несколько первоклассных специалистов, но он не послушал меня, посчитав все это ерундой.

Мне показалось, что у них с Элен не все ладится, но он никогда не говорил об этом. А я не считал себя вправе задавать вопросы деликатного свойства. Но однажды вечером он пришел ко мне, помню, это была пятница. Я только что вернулся из больницы и застал его в приемной, где он ждал меня уже с четверть часа. Как только я вошел, он поднялся с кресла и заявил: *«Я убил Элен».* Я слегка оторопел, не зная, что думать. Он

был абсолютно хладнокровен и невозмутим. «Вы хотите сказать, что вам привиделся очередной кошмар?» — естественно, осведомился я. И услышал в ответ: «На сей раз это не сон, а явь. Ее труп там, в доме. Это я ее задушил».

Потом он сказал таким же спокойным, вразумительным тоном: «Пойдемте со мной. Из моего дома вы сможете по телефону вызвать полицию». Я не знал, что и думать. Усадил его в свой автомобиль, и мы поехали. В доме было тихо и темно. Мы поднялись в спальню...

Гвенда перебила его:

– В спальню? — В ее голосе слышалось явное удивление.

Доктор Кеннеди был тоже слегка удивлен:

— Да. Да, именно там это якобы произошло. Но когда мы поднялись в спальню, никакого трупа, лежащего поперек кровати, естественно, не обнаружили. Равно как не обнаружили и никакого беспорядка, смятого покрывала и всякого прочего, что могло бы свидетельствовать о случившейся трагедии.

— Но что сказал отец?

— О, он, разумеется, настаивал на своем. Он и на самом деле верил в это. Я дал ему успокоительное и уложил на кровать в гардеробной

комнате. Потом тщательно осмотрел дом. В корзине для ненужных бумаг в гостиной я нашел смятую записку от Элен. И все стало ясно. В ней было сказано примерно следующее: «Прощай. Я сожалею, но наш брак был ошибкой. Я ухожу с единственным мужчиной, которого когда-либо любила. Прости меня, если сможешь. Элен». Очевидно, Келвин, прочитав ее записку, в состоянии сильнейшего эмоционального потрясения поспешил в спальню и, не обнаружив ее там, пережил приступ безумия, в результате которого уверовал в то, что убил Элен.

Когда вернулась горничная (у нее в тот день был выходной), я позвал ее в комнату Элен и попросил осмотреть шкаф с одеждой сестры. Теперь никаких сомнений в побеге Элен не осталось. Я осмотрел дом и нигде не обнаружил следов чего-то необычного, не говоря уже о трупе задушенной женщины.

Утром у меня состоялся очень трудный разговор с Келвином, в ходе которого он внял или только сделал вид, что внял, моим доводам и согласился отправиться в клинику для лечения.

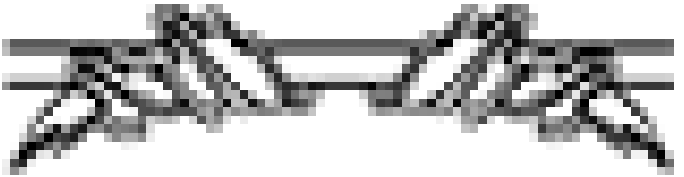
Неделей позже, как я уже сказал, я получил письмо от Элен. Оно было отправлено из Биаррица, но она писала, что собирается в Испанию. Я

должен был сказать Келвину, что она не требует развода, что ему лучше забыть ее, и как можно скорее. Я показал письмо Келвину. Он никак не прокомментировал его, но занялся решением практических вопросов. Прежде всего послал телеграмму родственникам первой жены в Новую Зеландию с просьбой забрать его ребенка. Потом уладил все прочие дела и лег в очень хорошую частную психиатрическую клинику. Однако лечение не принесло никаких результатов, и через два года он умер. Я могу сообщить вам адрес этой клиники в Норфолке. Теперешний главный врач был в то время рядовым врачом и, скорее всего, может дать вам исчерпывающую информацию о вашем отце.

— А потом вы получили еще одно письмо от сестры? — спросила Гвенда.

— О да. Примерно спустя шесть месяцев. Она писала из Флоренции и указала обратный адрес «до востребования, мисс Кеннеди». Писала, что, может быть, несправедливо не давать развода Келвину, хотя ей самой он не нужен. Если он хочет развода и я сообщу ей об этом, она пошлет ему необходимые бумаги. Я показал письмо Келвину. Он сразу же сказал, что не настаивает на разводе, о чем я и сообщил ей. С тех пор от нее

не было никаких вестей. Не знаю, где она сейчас живет, да и вообще жива ли она еще... Вот я и откликнулся на ваше объявление в надежде что-нибудь узнать о ней, — заключил он, а потом уже более мягким тоном добавил: — Я очень сожалею, Гвенни. Но вы должны были это узнать. Я только хотел бы, чтобы вы поставили точку на этом и не терзали себя...



Глава 9

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР

I

Когда Джайлз проводил доктора Кеннеди и вернулся, он увидел Гвенду сидящей на том же месте, где ее оставил. Ее щеки пылали, а в глазах был лихорадочный блеск.

— Что это за пустая фраза! — гневно воскликнула Гвенда. — Смерть или сумасшествие? Так что же это было — смерть или сумасшествие?

— Гвенда, дорогая. — Джайлз обнял ее за плечи, ощутив, как она напряжена.

— Зачем мы все это затеяли? Почему мы вовремя не остановились? Ведь это мой собственный отец ее задушил. И это мой собственный отец произнес те самые слова. Неудивительно, что все это аукнулось мне и что я так испугалась. Ведь это мой отец.

— Подожди, Гвенда, подожди. Мы же ведь не знаем...

— Да нет, все ясно! Он же сам сказал доктору Кеннеди, что задушил жену, разве не так?

— Но Кеннеди совершенно уверен, что твой отец не убивал ее...

— Потому что он не обнаружил тела. Но тело *было*... и я *видела* его.

— Но ты видела его в холле, а не в спальне.

— А какая разница?

— Да, но это странно, не так ли? Почему Холлидей сказал, что он задушил жену в спальне, если на самом деле это произошло в холле?

— О, этого я не знаю. И вообще это совершенно несущественно.

— Я вовсе не уверен в этом. Возьми себя в руки, дорогая. Во всей этой истории много странного. Допустим, если ты так уж хочешь, что твой отец

действительно задушил Элен. В холле. Что произошло потом?

— Он поехал к доктору Кеннеди.

— И сказал ему, что задушил жену в спальне, привез его к себе, и здесь оказалось, что тела нет — ни в холле, ни в спальне. Но ты же знаешь, не может быть убийства, *если нет трупа.* Куда в таком случае он его дел?

— А может быть, труп был, доктор Кеннеди помог отцу избавиться от него. Нам же, естественно, он не мог об этом сказать.

Джайлз покачал головой:

— Нет, Гвенда, я не думаю, что доктор Кеннеди мог так поступить. Он практичный, хитрый шотландец, лишенный эмоций. Ты полагаешь, он стал бы впутываться в эту историю, рискуя оказаться соучастником преступления? Я даже не допускаю мысли об этом. Единственное, что он сделал для Холлидея, так это засвидетельствовал его психическое состояние. Но чего ради он стал бы совать свою шею в петлю? Келвин Холлидей — не родственник ему и даже не близкий друг. А убита была его собственная сестра, которую он явно любил, хотя, может, и выказывал некоторое викторианское неодобрение ее образу жизни. Да и *ты* тоже не дочь его сестры. Нет, доктор Кен-

неди не стал бы попустительствовать сокрытию убийства. В противном случае ему не оставалось бы ничего иного, как констатировать смерть, наступившую от сердечной недостаточности или еще от чего-то. Я полагаю, что он вполне *мог бы* сделать это, но мы определенно знаем, что он этого *не сделал.* Потому что в приходских книгах нет записи о ее смерти, а кроме того, если исходить из твоего предположения, он наверняка сказал бы нам, что его сестра умерла. Теперь, с учетом сказанного мною, скажи, куда делся труп Элен?

— Возможно, отец захоронил его где-нибудь, например в саду?

— И *потом* пошел к Кеннеди и сообщил ему, что задушил жену? Зачем? Почему бы ему не придерживаться версии о ее бегстве?

Гвенда откинула волосы со лба. Она немного расслабилась, и щеки уже не пылали, как прежде.

— Не знаю, — призналась она. — Твое объяснение выглядит очень логично. Думаешь, доктор Кеннеди сказал нам правду?

— О да, я абсолютно уверен в этом. С его точки зрения, все совершенно ясно. Сны, галлюцинации и, наконец... главная галлюцинация. Он убежден, что это была галлюцинация, потому что, как

мы только что признали, если нет трупа, то не может быть речи и об убийстве. Вот почему мы никак не можем согласиться с ним. В отличие от него мы знаем, что труп был. — Он немного помолчал и продолжал: — С его точки зрения, все подтверждает его версию. Исчезнувшая одежда и чемодан, прощальная записка. И потом, два полученных им от сестры письма.

Гвенда оживилась:

— А эти письма? Как мы их объясним?

— Это трудно объяснить, но надо попытаться. Если исходить из того, что Кеннеди говорит правду (а я полностью в этом уверен), то нам придется объяснить, откуда взялись эти письма.

— Я полагаю, они и в самом деле были написаны почерком его сестры? Он узнал его?

— Послушай, Гвенда, я не думаю, что он задавался этим вопросом. Это же не подпись на банковском чеке. Если те письма были написаны почерком, достаточно похожим на почерк его сестры, то могло и не возникнуть сомнений. У него уже была определенная версия случившегося. И письма только укрепляли его в убеждении, что она сбежала от мужа. В такой ситуации вряд ли письма могли вызвать у него подозрения. И тем не менее письма эти вызывают подозрения,

по крайней мере у меня. Они все-таки в значительной степени анонимны. Вместо адреса — номер почтового отделения и «до востребования». Никакого упоминания о ее спутнике. По всему чувствуется желание прервать связь с единственным братом. Я думаю, подобные письма мог сочинить *убийца,* чтобы усыпить бдительность ее родственников. Это известная уловка. Организовать же отправку писем из-за границы совсем нетрудно.

— Ты думаешь, что мой отец...

– *Нет, как раз так я не думаю.* Представь себе человека, который вознамерился избавиться от жены. Он распространяет слухи о ее возможной неверности. Он обставляет ее отъезд — оставленная записка, исчезнувшая одежда и чемодан. От нее приходят письма с тщательно выверенными интервалами откуда-то из-за границы. А на самом деле он убил ее и спрятал труп, ну, скажем, под полом подвала. Это обычный прием убийц, и он общеизвестен. Но такой убийца никогда не бросится сразу же к ее единокровному брату, чтобы признаться в совершенном преступлении и просить вызвать полицию. С другой стороны, если твой отец относился к эмоциональному типу убийц, безумно любил жену и задушил ее

в припадке дикой ревности, на манер Отелло (а это совпадает со словами, которые ты слышала), он наверняка не стал бы припрятывать ее вещи и сочинять прощальное письмо прежде, чем броситься сообщать о своем преступлении человеку, который по складу своего характера не смог бы утаить это от полиции. В этом нет логики, Гвенда. Абсолютно нет логики.

— И что же теперь ты думаешь делать, Джайлз?

— Не знаю... Судя по всему, в этой истории есть еще одно действующее лицо. Назовем его Икс. Некто, пока не появившийся на сцене, но его присутствие уже явственно ощущается.

— Икс?! — удивленно воскликнула Гвенда и с укоризной взглянула на мужа. — Ты все выдумал, Джайлз, чтобы успокоить меня.

— Клянусь, это не выдумка. Разве ты не видишь, что ни одна версия не оправдывается, все время возникают те или иные неувязки. Нам доподлинно известно, что Элен Холлидей была задушена, потому что ты это видела собственными глазами... — Он помолчал, потом заговорил снова: — О боже! Какой же я дурак! Теперь я это понял. Это же все объясняет. Ты права. И Кеннеди тоже прав. Слушай, Гвенда. Элен готовилась бежать с

любовником... а кто это был, мы не знаем.

— Икс?

Джайлз нетерпеливым жестом прервал ее и с горячностью продолжал:

— Она как раз писала прощальную записку, когда вошел муж, прочитал, что она написала, и вспылил. Он скомкал записку, швырнул ее в корзину для бумаг и набросился на Элен. Она в ужасе выскочила в холл, он схватил ее, начал душить, она обмякла, и он отпустил ее. И тогда, глядя на ее безжизненное тело, он процитировал злополучные слова из *«Герцогини Мальфи»,* как раз в тот момент, когда ребенок наверху подошел к перилам и посмотрел вниз.

— И что потом?

— А все дело в том, *что она не была мертва.* Он мог думать, что убил ее, но она, возможно, только потеряла сознание. Обезумевший муж бросился к доктору Кеннеди, а тем временем явился за ней ее любовник, а может, она сама пришла в чувство и проворно покинула дом. Тогда все сходится. Келвин был уверен, что убил ее. Исчезнувшая одежда была упакована и отправлена еще утром. *И последующие письма являются абсолютно подлинными.* Вот, пожалуйста, это объясняет все.

— Но, Джайлз, почему Келвин сказал, что заду-

шил ее в спальне?

— Он был в шоковом состоянии и не мог точно помнить, где это произошло.

— Мне хотелось, очень хотелось бы поверить тебе... Но я уверена, совершенно уверена, что, когда я смотрела сверху, она была мертва, мертва.

— Но как ты могла быть в этом уверена? Тебе только едва исполнилось три года.

Она как-то странно посмотрела на него.

— Думаю, что ребенок способен лучше понять такое, чем старшие. Как собаки, они чувствуют смерть, задирают вверх морду и начинают выть. Думаю, что дети тоже чувствуют смерть...

— Это чепуха, фантастика.

В этот момент кто-то позвонил в дверь, и Джайлз кинулся открывать, бросив на ходу:

— Кто это может быть, хотел бы я знать.

— Я совсем забыла, — спохватилась Гвенда. — Это мисс Марпл. Я пригласила ее на чай. Не будем обсуждать с ней все это.

II

Гвенда опасалась, что визит мисс Марпл окажется трудным для нее, но мисс Марпл, к счастью, словно не замечала, что хозяйка дома говорит чуть быстрее обычного, слишком лихорадочно и

что ее веселье слегка нарочито. Мисс Марпл как ни в чем не бывало рассказывала о себе — она наслаждается пребыванием в Диллмуте, друзья ее друзей написали своим здешним друзьям, и последние окружили ее заботой и любезным вниманием.

— Люди ощущают потребность в новых знакомых, вы понимаете, что я имею в виду, моя дорогая, если они много лет общаются с одними и теми же людьми. Например, я была приглашена на чай к миссис Фейн, она вдова старшего партнера лучшей здешней адвокатской фирмы. Совсем старомодная фамильная фирма. Теперь ее возглавляет его сын.

Тихим, доверительным тоном она продолжала повествовать о своем пребывании в Диллмуте, о том, как добра к ней ее хозяйка.

— И кухня поистине восхитительна. Моя хозяйка много лет служила у моей давнишней подруги, миссис Бантри. Она родом совсем не из здешних мест, но часто приезжала сюда с мужем к тетке, прожившей много лет в Диллмуте, а потому знает множество местных слухов. Кстати, вы довольны своим садовником? Слышала, что в этих местах он слывет *лодырем,* больше говорит, чем делает.

— Ему бы только чаи гонять да разглагольство-

вать, — с улыбкой заметил Джайлз. — Выпивает по пять чашек в день. Но когда мы где-нибудь поблизости, работает отлично.

— Давайте мы покажем вам сад, — предложила Гвенда.

Мисс Марпл внимательно оглядела и дом и сад, высказав по ходу дела комментарии. И если Гвенда опасалась, что та сделает какие-то замечания или заметит упущения, то эти опасения были напрасны: мисс Марпл была сама любезность, и все ей понравилось.

Тем более странным выглядело совершенно непредсказуемое поведение Гвенды: она вдруг перебила на полуслове мисс Марпл, рассказывавшую анекдот о ребенке и морской раковине, и прерывающимся от волнения голосом сказала Джайлзу:

— Мне это неинтересно, я хочу все ей рассказать...

Мисс Марпл настороженно взглянула на Гвенду. Джайлз начал было что-то говорить, но потом умолк и после небольшой паузы упавшим голосом сказал:

— Поступай как знаешь, Гвенда.

И Гвенда выложила все. О том, как они отправились к доктору Кеннеди и как он нанес им

ответный визит и о чем поведал.

— Это именно то, на что вы намекали в Лондоне, убеждая нас не заниматься расследованием? Вы опасались, что... что здесь может быть замешан мой отец?

— Да, я допускала такую возможность. Элен вполне могла быть молодой мачехой... и в случае... э-э... удушения... часто именно мужья оказываются виновными.

Мисс Марпл говорила размеренным тоном, без каких-либо эмоций, как человек, сообщающий очередной прогноз погоды...

— Теперь я понимаю, почему вы убеждали меня не заниматься расследованием, — сказала Гвенда. — О, как я жалею, что не послушалась вас! Но теперь нельзя повернуть вспять.

— Почему же? — возразила мисс Марпл. — Еще не поздно сделать это сейчас.

— А вы лучше послушайте Джайлза. У него есть соображения на этот счет.

— Я лишь считаю, что во всей этой истории концы не сходятся с концами, — сказал Джайлз и начал четко излагать то, что до прихода мисс Марпл объяснял Гвенде. Это была единственно правильная, по его мнению, версия. — Если бы только вы могли убедить Гвенду в моей право-

те! — сказал он в заключение, с мольбой глядя в глаза мисс Марпл.

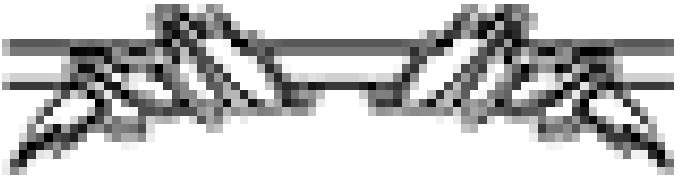
Мисс Марпл перевела взгляд с него на Гвенду и обратно.

— Ваша гипотеза весьма убедительна, — резюмировала она. — Но как вы сами только что заметили, мистер Рид, есть вероятность присутствия в деле Икса.

— Икс! — воскликнула Гвенда.

— Неизвестная личность, — сказала мисс Марпл. — Некто, скажем так, кто пока не обнаружил себя, но чье присутствие, судя по очевидным фактам, можно предположить.

— Мы собираемся съездить в лечебницу в Норфолке, где умер мой отец, — сказала Гвенда. — Может быть, там удастся что-нибудь узнать.



Глава 10
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

I

Клиника «Солтмарш-Хаус» находилась в живописном месте примерно в шести милях от взморья. А в пяти милях от клиники был город Саут-Бенхэм, откуда ходил поезд в Лондон.

Джайлза и Гвенду провели в просторную гостиную с изящными креслами, обитыми кретоном. Вскоре там появилась весьма импозантная се-

довласая дама и, кивнув им, прошествовала к камину. В руках у нее был стакан с молоком. Несколько минут дама сидела молча, потом задумчиво посмотрела на Гвенду и вдруг, подавшись вперед, тихо, вкрадчивым голосом заговорила:

– *Это ваше несчастное дитя, моя дорогая?*

Гвенда слегка растерялась.

— Нет... нет. Не мое.

— Ах, я подумала было...

Пожилая дама кивнула и отпила из стакана несколько глотков. Потом, словно развивая известную Гвенде тему, добавила:

— Сейчас половина одиннадцатого — то самое время. Это всегда происходит в половине одиннадцатого. Просто удивительно. — Она понизила голос и снова подалась корпусом к Гвенде. — Там, за камином, — таинственно прошептала она. — Только не говорите, что это я вам сказала.

В этот момент в дверях гостиной появилась девушка в белом форменном платье и пригласила Джайлза и Гвенду следовать за ней.

Их провели в кабинет доктора Пенроуза, и тот встал, приветствуя их. Он выглядел еще более сумасшедшим, чем та приятная пожилая дама в гостиной, но, наверное, все психиатры кажутся

немного сумасшедшими.

— Я получил письма от вас и от доктора Кеннеди, — сказал Пенроуз. — И просмотрел историю болезни вашего отца, миссис Рид. Я, разумеется, отлично помню этого пациента, но мне захотелось освежить свою память, чтобы быть в состоянии ответить на все вопросы, которые у вас могут возникнуть. Как я понимаю, вы только недавно узнали обо всем?

Гвенда объяснила, что ее маленькой забрали в Новую Зеландию родственники по материнской линии, и единственное, что она знает об отце, это то, что он умер в лечебнице.

Доктор Пенроуз кивнул:

— Совершенно верно. Болезнь вашего отца, миссис Рид, не укладывалась в обычные, хрестоматийные рамки.

— А именно? — спросила Гвенда.

— Ну, навязчивые идеи или галлюцинации были очень сильны. Майор Холлидей даже в состоянии сильного возбуждения настойчиво и категорично утверждал, что задушил свою вторую жену в приступе ревности. Большое число обычных симптомов подобной болезни в данном случае не наблюдалось, и я скажу вам откровенно, миссис Рид, если бы не заверения доктора

Кеннеди, что миссис Холлидей в действительности жива, я в то время готов был принять слова вашего отца за чистую монету.

— У вас сложилось впечатление, что он и в самом деле убил ее? — спросил Джайлз.

— Я сказал «в то время». Позже мне представился случай пересмотреть свое мнение, потому что я лучше узнал и характер майора Холлидея, и его душевное состояние. Ваш отец, миссис Рид, вполне определенно *не был похож на параноика.* Он не страдал манией преследования, у него не было приступов ярости. Это был добрый, кроткий человек, хорошо владеющий собой. И никак не подходил под категорию тех, кого принято называть сумасшедшими, не говоря уже о том, что он не представлял какой-либо опасности для окружающих. Но у него была эта навязчивая идея об удушении миссис Холлидей, и, чтобы докопаться до ее истоков, нам требовалось подробно исследовать его жизнь: возможно, предполагал я, причина кроется в каких-то его детских переживаниях. Должен признать, что все методы такого исследования не дали должных результатов. Сломать сопротивление пациента к исследованиям подчас бывает очень трудным делом. На это могло уйти несколько лет. В случае с вашим от-

цом времени было недостаточно. — Он немного помолчал, а потом, глядя в глаза Гвенде, сказал: — Знаете, я считаю, что майор Холлидей совершил самоубийство.

– *О нет!* — вскричала Гвенда.

— Я сожалею, миссис Рид. Я думал, вы знаете об этом. Вы, видимо, вправе отчасти винить в случившемся нас. Я допускаю, что надлежащий надзор мог предотвратить все это. Но, откровенно говоря, у майора Холлидея не было симптомов, характерных для категории пациентов суицидного типа. У него не было склонности ни к меланхолии, ни к задумчивости или подавленности. Он жаловался на бессонницу, и мои коллеги назначили ему снотворное. Но он его не принимал и, когда накопил достаточное количество таблеток...

— Отец был так ужасно несчастлив?

— Нет, я так не думаю. Это было нечто большее, насколько я могу судить, — комплекс вины, и он искал для себя наказания. Поначалу, как вы знаете, он требовал, чтобы вызвали полицию, утверждал, что совершил преступление, и упорно отвергал все попытки разубедить его в этом. Но мы повторяли это вновь и вновь, и в конце концов он был вынужден признать, что не может

вспомнить, как именно он совершил акт убийства. — Доктор Пенроуз поворошил лежащие перед ним бумаги. — Его рассказ о том вечере ни разу не претерпел каких-либо изменений за все время пребывания в клинике. Он пришел домой, по его словам, когда стемнело. Слуг уже не было. Он, как всегда, зашел в столовую, налил себе виски, выпил, а потом прошел через дверь, соединяющую две комнаты, в гостиную. И после этого он ничего не помнит, совсем ничего, до того момента, когда обнаружил себя стоящим в спальне возле жены, которая была мертва — задушена. Он знал, что это сделал он...

Джайлз прервал рассказ доктора:

— Извините меня, доктор Пенроуз, но *почему* он решил, что это сделал он?

— У него на этот счет не было сомнений. Однако спустя несколько месяцев у него зародились дикие подозрения. Он сказал мне, например, что жена давала ему наркотики. Думаю, это связано с его пребыванием в Индии. В тамошних судах часто разбирали иски к женам, которые изводили мужей, отравляя их дурманом. У него часто бывали галлюцинации, в которых смещались время и место. Он категорически отрицал, что подозревал свою жену в неверности, но я думаю,

что это была главная мотивация его поступка. Похоже, в действительности все выглядело так: он вошел в гостиную, прочитал оставленную женой записку, где было сказано, что она покидает его, и, чтобы не допустить этого, он предпочел ее «убить». А дальше пошла галлюцинация.

— Вы хотите сказать, что он ее очень любил? — спросил Джайлз.

— Безусловно, мистер Рид.

— И он никогда не сознавал, что это была галлюцинация?

— Он был вынужден признать, что она *должна* была быть, но его внутренняя убежденность оставалась непоколебленной. Навязчивая идея оказалась слишком сильной, чтобы так просто выяснить ее причину. Вот если бы мы могли узнать скрытые детские комплексы...

Гвенда перебила его. Ее не интересовали детские комплексы.

– Но вы говорите, что абсолютно уверены... что он не делал этого?

— О, если это беспокоит вас, миссис Рид, то можете выбросить это из головы. Келвин Холлидей, как бы он ни ревновал свою жену, решительно не мог стать убийцей.

Доктор Пенроуз кашлянул и взял маленькую

потрепанную черную книжку.

— Если не возражаете, миссис Рид, именно вам можно это передать. Здесь содержатся некоторые краткие записи, которые делал ваш отец, пока находился у нас. Когда мы передавали его вещи душеприказчику — адвокатской фирме, — доктор МакГвайр, тогдашний управляющий, решил приобщить эту книгу к истории болезни. Случай с вашим отцом описан в книге МакГвайра — разумеется, только под инициалами — майор К.Х. Если хотите взять этот дневник...

Гвенда с готовностью протянула руку.

— Благодарю вас, — сказала она. — Я очень хотела бы его взять.

II

В поезде на обратном пути в Лондон Гвенда вытащила потрепанную черную книжицу и начала читать. Она открыла ее наугад. Келвин Холлидей писал:

> «Полагаю, что эти парни-доктора знают свое дело... Все это звучит как пустая болтовня. Любила ли меня моя мать? Ненавидел ли я отца? Не верю ни одному слову об этом... Я не могу отделаться от

мысли, что все это – сугубо полицейский случай, дело для криминального суда, а вовсе не повод запрятать меня в желтый дом. И еще, некоторые люди здесь – совершенно естественные и разумные, как все остальные, пока дело вдруг не дойдет до их вывертов. Очень хорошо, но кажется, что и у меня тоже есть выверт...

Я писал Джеймсу... умолял его связаться с Элен... Пусть бы она приехала и увидела меня во плоти, если только она жива... Он сказал, что не знает, где она теперь... а все потому, что он знает, что она мертва и что это я убил ее... он хороший человек, но меня ему не обмануть... Элен мертва.

Когда я начал подозревать ее? Очень давно... Вскоре после того, как мы приехали в Диллмут. Она очень изменилась... Постоянно что-то скрывала. Я стал следить за ней... Да и она тоже начала следить за мной...

Добавляла ли она наркотики в мою еду? Эти странные, ужасные ночные кошмары... Необычные сны... Страшные кошмары... Я понимаю, что это были наркотики... Только она могла сделать это...

Но зачем?.. Значит, был другой мужчина... Другой мужчина, которого она боялась...

Но буду честным. Я подозревал, что у нее есть любовник, не так ли? Она так много рассказывала мне еще на пароходе... Кто-то, кого она любила, но не могла выйти за него замуж... Но это все равно для нас обоих...

...Я не мог забыть Меган... Как похожа иногда бывает на нее маленькая Гвенда... Элен мило играла с маленькой Гвенни на пароходе... Элен... Ты так красива, Элен.

Жива ли Элен? Или я стиснул ей горло и лишил ее жизни? Я прошел через дверь в столовой и увидел записку у себя на письменном столе... и потом... все померкло... только темнота. Но в этом нет сомнений... Я убил ее... Слава богу, что Гвенни в Новой Зеландии. Они полюбят дочь Меган. Меган, Меган, как бы я хотел, чтобы ты оказалась здесь...

Это лучший выход... Никаких скандалов... Лучший выход для ребенка... Я не могу больше жить. Год за годом. Я должен найти самый короткий путь, чтобы уйти отсюда. Гвенни никогда ничего не узнает.

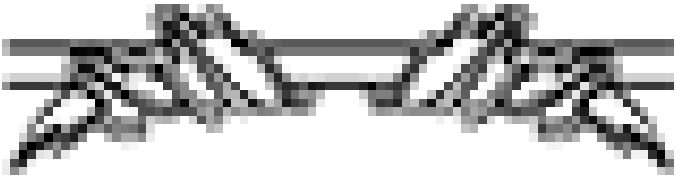
Она никогда не узнает, что ее отец был убийцей...»

Слезы застилали глаза Гвенды. Она посмотрела на Джайлза, сидевшего напротив. Но взгляд Джайлза был устремлен в противоположный угол.

Почувствовав на себе испытующий взгляд Гвенды, он чуть заметно кивнул в сторону их попутчика, читавшего газету. На странице, обращенной к ним, крупным шрифтом был напечатан интригующий заголовок: *«Кем были мужчины в ее жизни?»*

Гвенда скользнула взглядом по заголовку и, никак не отреагировав, снова углубилась в чтение дневника.

«Кто-то был – я знаю, что кто-то был...»



Глава 11

МУЖЧИНЫ В ЕЕ ЖИЗНИ

I

Мисс Марпл пересекла улицу Си-Перейд и пошла по Фор-стрит, обходя холм у Аркады. Здесь было множество старомодных магазинчиков, где продавались кондитерские изделия, шерстяные и вышитые вещи, дамская одежда, словно вернувшаяся из Викторианской эпохи, галантерея и прочие товары под стать одежде.

Мисс Марпл заглянула в витрину магазина художественных вышивок. Две молодые продавщицы обслуживали покупателей, а пожилая женщина в глубине магазина была свободна.

Мисс Марпл открыла дверь и вошла. Она присела у прилавка, и продавщица, пожилая седовласая женщина, спросила:

— Что вам угодно, мадам?

Мисс Марпл хотела купить светло-голубую шерстяную пряжу на детскую кофточку. Пряжа выбиралась тщательно и неторопливо, применительно к образцам фасонов в детских журналах. При этом мисс Марпл рассказывала о своих внучатых племянниках и племянницах. Ни она, ни продавщица не выказывали признаков нетерпения. Продавщица обслуживала таких покупателей, как мисс Марпл, уже много лет. Она предпочитала этих достойных, разговорчивых, праздных пожилых дам нетерпеливым, невежливым молодым мамашам, которые сами не знают, чего хотят, — главное, чтобы вещь была дешевой и броской.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Думаю, что остановлю свой выбор вот на этом. Я всегда считала товар фирмы «Сторклег» лучшим. Эта пряжа совершенно не садится. Наверное, мне следует

взять две унции про запас.

Продавщица, заворачивая покупку, заметила, что сегодня очень холодный ветер.

— Да, в самом деле, я почувствовала это, когда шла по набережной. Диллмут сильно переменился. Я не была здесь, дайте вспомнить, девятнадцать лет.

— В самом деле, мадам? В таком случае вы обнаружите много перемен. Тогда, как я думаю, универмаг еще не был выстроен, да и отель «Саутвью» тоже.

— Тогда это был совсем маленький городок. Я останавливалась у своих друзей... Дом назывался «Сент-Катрин», может быть, вы знаете его? На Лихемптонской дороге.

Но, как оказалось, продавщица жила в Диллмуте всего около десяти лет.

Мисс Марпл поблагодарила ее, взяла свой сверток и зашла в соседний магазин, где продавались ткани. И здесь она снова облюбовала продавщицу постарше. Разговор происходил по тому же сценарию, но на сей раз речь шла о выборе тканей для летних распашонок. Эта продавщица отреагировала на вопрос немедленно:

— Вы, наверное, имеете в виду дом миссис Файндисон.

— Да-да. От своих друзей я слышала, что его сдали в аренду. Майору Холлидею с женой и ребенком, девочкой.

— О да, мадам. Они жили там около года, я думаю.

— Да. Он вернулся из Индии. У них была очень хорошая кухарка, она дала мне чудесный рецепт пудинга с печеными яблоками... и еще, как я помню, имбирного хлеба. Я часто ее вспоминаю.

— Вы, наверное, имеете в виду Эдит Паже, мадам. Она все еще в Диллмуте. Служит в доме «Виндраш-Лодж».

— И здесь был еще кто-то — семья Фейн. Он, по-моему, был адвокатом!

— Старый мистер Фейн умер несколько лет назад, а молодой мистер Фейн — Волтер Фейн — живет со своей матерью. Мистер Волтер Фейн никогда не был женат. Он теперь глава фирмы.

— В самом деле? А мне казалось, что мистер Волтер Фейн уехал в Индию разводить чайную плантацию или еще что-то.

— Я думаю, так и было, мадам. Когда он был молодым. Но примерно через год или два он вернулся домой, в свою фирму. Они делают здесь много добрых дел, и их здесь все уважают. Очень приятный, степенный джентльмен, мистер Вол-

тер Фейн. Он всем нравится.

— Да, вот что! — воскликнула мисс Марпл. — Он был помолвлен с мисс Кеннеди, не так ли? А она разорвала помолвку и вышла замуж за майора Холлидея.

— Это верно, мадам. Она уехала в Индию, чтобы выйти замуж за мистера Фейна, но передумала и вместо этого вышла совсем за другого джентльмена.

В голосе продавщицы послышалась нотка неодобрения.

Мисс Марпл придвинулась поближе и понизила голос:

— Мне так жаль бедного майора Холлидея (я знавала его мать) и его маленькую девочку. Я так понимаю, что вторая жена бросила его. Убежала с кем-то. Взбалмошная особа, судя по всему.

— Настоящая вертихвостка. А вот ее брат, доктор, очень приятный человек. Отлично вылечил мое колено от ревматизма.

— С кем она убежала? Я никогда не слышала.

— Вот этого я не могу сказать вам, мадам. Говорили, что это один из отдыхающих. Но я знаю, что майор Холлидей был совершенно убит. Он уехал отсюда, и его здоровье совсем расстроилось... Ваша сдача, мадам.

Мисс Марпл взяла сдачу и свою покупку.

— Премного вам благодарна, — сказала она. — Думаю, у Эдит Паже сохранился рецепт имбирного хлеба? Я потеряла его, или его куда-то подевала моя горничная... а я так люблю хороший имбирный хлеб.

— Могу себе представить, мадам. Кстати, ее сестра живет здесь рядом, в соседнем доме. Она замужем за мистером Маунтфордом, кондитером. Эдит постоянно наведывается сюда по выходным, и я уверена, что миссис Маунтфорд передаст ей вашу просьбу.

— Великолепная идея! *Весьма признательна* вам за любезное внимание и простите за доставленное беспокойство.

— О, ваш визит доставил мне огромное удовольствие, уверяю вас...

Мисс Марпл вышла на улицу.

— Приятная старомодная фирма, — сказала она себе. — И распашонки будут просто прелесть, так что я не выбросила деньги на ветер.

Она взглянула на часики с бледно-голубым эмалевым циферблатом, которые носила как подвеску на платье. «Всего пять минут осталось до встречи с этой молодой парой в кафе «Джинджер Кэт». Надеюсь, они не узнали в той лечебнице

чего-то ужасного».

II

Джайлз и Гвенда сидели за угловым столиком кафе «Джинджер Кэт». Перед ними на столике лежала небольшая черная книжечка.

Мисс Марпл вошла с улицы и присоединилась к ним.

— Что вы будете пить, мисс Марпл? Кофе?

— Да, благодарю вас... нет, кекса не надо, только булочку и масло.

Джайлз сделал заказ, а Гвенда подвинула маленькую черную книжечку к мисс Марпл.

— Сначала прочтите вот это, — сказала она, — а потом мы поговорим. Вот что писал мой отец, когда находился в клинике. О, но прежде, Джайлз, перескажи мисс Марпл все, о чем поведал нам доктор Пенроуз.

Джайлз так и сделал. Потом мисс Марпл стала читать указанную Гвендой страницу, а официантка тем временем принесла три чашки слабого кофе, булочку с маслом и тарелку с кексами. Джайлз и Гвенда сидели молча, пока мисс Марпл читала.

Наконец она закончила чтение и закрыла книжечку. Выражение ее лица было трудно понять.

Гвенде показалось, что оно было гневным. Она крепко стиснула зубы, а в ее глазах появился блеск, редкостный для человека ее возраста.

— Да, действительно, — проговорила она, — действительно!

— Вы однажды нам посоветовали, помните, не влезать в это дело, — сказала Гвенда. — Я понимаю теперь почему. Но мы не послушали вас и получили то, что имеем. Сейчас мы оказались в ситуации, когда при желании можно остановиться... Вы считаете, что нам надо остановиться? Или нет?

Мисс Марпл медленно покачала головой. Она выглядела встревоженной и растерянной.

— Не знаю, — ответила она. — Я действительно не знаю. Возможно, так и надо поступить, это было бы лучшим решением. Прошло очень много времени, и вы не в состоянии что-либо сделать — что-либо, я имею в виду, в конструктивном плане.

— Вы имеете в виду, что по прошествии стольких лет мы не сможем ничего узнать? — спросил Джайлз.

— О нет, — возразила мисс Марпл. — *Я вовсе не это имела в виду.* Девятнадцать лет — не такой уж большой период времени. Еще есть люди,

которые помнят, что тогда происходило, и которые могут ответить на ваши вопросы, — и таких людей много. Например, слуги. В доме должно было быть по меньшей мере *двое слуг и няня,* а возможно, и садовник. Потребуется только время и немного усилий, чтобы отыскать этих людей и поговорить с ними. А я уже нашла по крайней мере *одного,* вернее, одну из них. Кухарку. Но я, конечно, имела в виду не это, а совсем другое: *какой практической цели вы достигнете?* И на этот вопрос я склонна ответить однозначно — никакой. — Она умолкла. — *Тем не менее...* Я принадлежу к разряду тугодумов, но я чувствую, что в этой истории есть что-то... что-то, возможно, не вполне осязаемое, но ради чего *стоило* бы — и даже *следовало* бы рискнуть. Но я затрудняюсь сказать вам, что это такое.

Джайлз перебил ее:

— Мне кажется... — И осекся.

Мисс Марпл с готовностью повернулась к нему.

— Джентльменам, — сказала она, — присуща способность логического мышления. Я уверена, что вы все уже обдумали.

— Да, я все обдумал, — согласился Джайлз. — И на мой взгляд, в данном случае возможны две

версии. Первая — та самая, о которой я говорил прежде: Элен Холлидей не была мертва, когда Гвенни видела ее лежащей в холле. Позже она пришла в себя и исчезла со своим любовником. Такой вывод согласуется с убеждением Келвина Холлидея в том, что это он убил жену, а также объясняет факт исчезновения чемодана и вещей Элен и, наконец, записку, найденную доктором Кеннеди. Но при этом остается неясным, почему Келвин был убежден, что задушил жену в *спальне.* И мы не получаем ответа на один, как мне кажется, самый важный вопрос — *где сейчас Элен Холлидей?* Трудно себе представить, чтобы об Элен никто, никогда и ничего не слышал. Пусть те два письма, которые получил доктор Кеннеди, были подлинными, но что произошло *после* этого? Почему она больше никогда не писала? Она была в добрых отношениях со своим братом, и он всегда испытывал к ней привязанность. Он мог не одобрять ее поведение, но это не значит, что он ею не интересовался. Должен вам сказать, отсутствие вестей от нее тревожит и самого Кеннеди. Скажем так, он уверовал в ту историю, которую нам рассказал. Его сестра бежала, и это столь пагубно сказалось на Келвине. Но Кеннеди уже не надеется, что сестра снова напишет ему.

Шли годы, от сестры не было вестей, а Келвин Холлидей упорствовал в своем заблуждении и в конце концов совершил самоубийство; в результате, я думаю, доктор Кеннеди поверил, что Келвин действительно задушил Элен. Значит, Келвин на самом деле убил Элен. Ведь если бы она умерла где-то за границей, то ему так или иначе стало бы об этом известно. Мне кажется, это объясняет его мгновенную реакцию на наше объявление. Он надеялся таким образом узнать, где она находится теперь и чем занимается. Я абсолютно убежден, что человек не может вот так бесследно исчезнуть, как это произошло с Элен. Это само по себе весьма подозрительно.

— Я согласна с вами, — призналась мисс Марпл. — Но какую вы можете предложить альтернативу, мистер Рид?

Джайлз ответил с расстановкой:

— У меня есть альтернатива, но она достаточно фантастична, а главное — просто страшна. Потому что здесь... как бы мне получше выразиться... присутствует некий *злой умысел.*

— Да, — согласилась Гвенда. — Злой умысел — это именно то самое слово. Даже, мне кажется, в этом есть нечто, не поддающееся разумному объяснению...

— Думаю, это *действительно* так, — согласилась мисс Марпл. — Знаете, мне многое представляется здесь, скажем так, *странным,* не укладывающимся в общепринятые человеческие представления. Мне приходилось сталкиваться с этим...

Ее лицо приняло задумчивое выражение.

— Как видите, этому не может быть никакого *нормального* объяснения, — сказал Джайлз. — Я допускаю фантастическую гипотезу, что Келвин Холлидей *не убивал* жену, но на самом деле *думаю,* что он все-таки ее убил. Да и доктор Пенроуз, который кажется мне приличным человеком, думает так же. Поначалу он считал, что Холлидей убил жену и хочет отдаться в руки полиции. Потом он выслушал Кеннеди и склонился к мнению, что Холлидей — жертва комплексов, или навязчивых идей, или как это там у них называется, но такое заключение не казалось ему *убедительным.* Как опытный специалист, он понимал, что Холлидей не вполне подходит под эту категорию больных. Более тщательно изучив Холлидея, он пришел к твердому убеждению, что тот не мог задушить женщину. Поэтому в конце концов уверовал в то, что Холлидей страдает навязчивой идеей. А это на самом деле означает, что

кто-то внушил Холлидею, будто он убил свою жену. Другими словами, снова встает вопрос о некоем Иксе.

Тщательно обдумав все факты, — продолжал Джайлз, — должен сказать, что эта теория, по крайней мере, *приемлема.* По его собственному признанию, Холлидей в тот вечер вернулся домой, зашел в столовую, *по обыкновению* выпил, а потом прошел в соседнюю комнату, увидел записку на письменном столе, и у него случился провал в памяти... — Джайлз сделал паузу, и мисс Марпл в знак одобрения кивнула. Он продолжал: — А если предположить, что это был не провал в памяти, а результат действия наркотика, какого-то дурманящего снадобья, которое подмешали в виски? Следующий шаг совершенно ясен, не так ли? Икс задушил Элен в холле, а потом оттащил ее наверх и положил на кровать. Там и нашел ее Келвин, когда поднялся наверх, и бедняга, снедаемый ревностью, подумал, *что он сам сделал это.* Как он действует дальше? Отправляется к ее сводному брату на другой конец города, к тому же пешком. А тем временем этот самый Икс проделывает следующий трюк. Упаковывает и уносит вещи, а также прячет тело, хотя что он мог с ним сделать, — сердито закончил он, — я совершенно

не могу понять.

— Меня удивляет ваше недоумение, мистер Рид, — возразила мисс Марпл. — Я не предвижу особых сложностей в выяснении того, что Икс сделал с трупом, но, пожалуйста, продолжайте.

– *«Кем были мужчины в ее жизни?»* — процитировал Джайлз. — Я увидел такой заголовок в газете, когда мы возвращались в Диллмут поездом. Это заставило меня задуматься, потому что здесь и кроется главная загадка. Если существует некий Икс, как мы считаем, то нам известно о нем лишь одно: должно быть, он сходил по ней с ума... в буквальном смысле слова.

— И поэтому ненавидел моего отца, — вставила Гвенда. — И хотел как следует насолить ему.

— Вот мы и пришли к главному, — продолжал Джайлз. — Мы знаем, что представляла собой эта Элен... — Он замешкался, подбирая подходящие слова.

На выручку мужу пришла Гвенда, выпалив:

— Помешанная на мужчинах.

Мисс Марпл оживилась, словно желая что-то сказать, но потом, видимо, передумала. А Джайлз продолжал:

— И она была красива. Но у нас нет никаких сведений о мужчинах в ее жизни, кроме Келвина.

А их могло быть сколько угодно.

Мисс Марпл покачала головой:

— Вряд ли. Она же была совсем молода. Но вы не вполне точны, мистер Рид. Мы знаем кое-что о «мужчинах в ее жизни». Был мужчина, к которому она отправилась в Индию с намерением выйти за него замуж...

— Ах да, тот самый адвокат? Как его имя?

— Волтер Фейн, — ответила мисс Марпл.

— Да, но он не в счет. Он находился в этот момент то ли в Малайе, то ли в Индии, то ли еще где-то.

— Но был ли он действительно там? Вы же знаете, он не захотел разводить чайные плантации, — напомнила мисс Марпл. — Он вернулся домой и устроился в фирму, которую теперь и возглавляет.

Гвенда воскликнула:

— Он последовал сюда за нею?!

— Вполне возможно. Нам это неведомо.

Джайлз с любопытством посмотрел на пожилую леди.

— Как вы все это узнали?

Мисс Марпл лукаво улыбнулась.

— Я немного посплетничала. В магазинах и на автобусных остановках. Пожилые дамы отлича-

ются любопытством. Да, таким способом можно собрать уйму местных новостей.

— Волтер Фейн, — задумчиво повторил Джайлз. — Элен отвергла его. Это могло глубоко ранить его. Он был когда-нибудь женат?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Живет с матерью. Я приглашена к ним на чай в конце недели.

— Нам известно, что был еще один обожатель, — неожиданно заявила Гвенда. — Это человек, с которым она была помолвлена или в которого была влюблена, когда закончила школу, нежелательный, по словам доктора Кеннеди, человек. Интересно, *почему* он был нежелателен...

— Уже двое мужчин, — подытожил Джайлз. — У каждого была причина завидовать Холлидею и вынашивать план мести... Возможно, у первого молодого человека были какие-то психические отклонения.

— Доктор Кеннеди мог бы сказать нам об этом при встрече, — заметила Гвенда. — Но вот спрашивать его об этом сейчас довольно затруднительно. И тем не менее мне вполне прилично поехать к нему и спросить о моей мачехе, которую я едва помню. Но потребуются какие-то объяснения, если при этом я захочу узнать еще и о ее любовных приключениях, предшествовав-

ших браку с моим отцом.

Джайлзу эта идея не пришлась по вкусу.

— Такой чрезмерный интерес к мачехе, которую ты едва знала, будет выглядеть весьма странно.

— Есть, наверное, другие способы узнать обо всем этом, — сказала мисс Марпл. — О да, я думаю, что со временем и проявив должное терпение, мы раздобудем необходимую нам информацию.

— Так или иначе, у нас имеется две версии, — подытожил Джайлз.

— Мы могли бы, мне кажется, выдвинуть и третью, — заявила мисс Марпл. — Это была бы, конечно, чистая гипотеза, но подтвержденная, как я думаю, ходом событий.

Гвенда и Джайлз посмотрели на нее с некоторым удивлением.

— Это всего-навсего предположение, — начала мисс Марпл, слегка волнуясь. — Элен Кеннеди поехала в Индию, чтобы выйти замуж за молодого Фейна. Возможно, она не была так уж влюблена в него, но относилась с уважением и собиралась прожить с ним всю жизнь. Однако, приехав туда, она разрывает помолвку и просит брата выслать ей деньги на обратный билет. Почему бы это?

— Наверное, она передумала, — предположил

Джайлз.

Обе женщины, мисс Марпл и Гвенда, посмотрели на него с легким презрением.

— Конечно, она передумала, — подтвердила Гвенда. — Мы знаем это. Мисс Марпл имела в виду другое: почему она передумала?

— Ну, девушки часто меняют свое мнение... — смущенно заметил Джайлз.

– *Под давлением определенных обстоятельств,* — уточнила мисс Марпл.

В этих словах содержался скрытый намек, к которым часто прибегают пожилые дамы, не сообщая при этом ничего определенного.

— Может быть... — неуверенно начал Джайлз. Гвенда не дала ему договорить, выпалив:

— Конечно, другой мужчина! — Она и мисс Марпл переглянулись с убежденностью, присущей братству франкмасонов, куда простому человеку нет доступа. Гвенда с уверенностью добавила: — На пароходе! По пути туда!

— Вполне возможно, — согласилась мисс Марпл.

— Палуба, залитая лунным светом, — продолжала Гвенда, — и все такое. Но только это должно быть серьезно, а не просто флирт.

— О да, — согласилась мисс Марпл. — Я думаю,

это было вполне серьезно.

— Если так, то почему она не вышла за того парня? — недоумевал Джайлз.

— Может быть, он сам не очень хотел этого, — предположила Гвенда, но тут же отвергла свое предположение: — Нет, думаю, в этом случае она все-таки вышла бы за Волтера Фейна. О, конечно, какая я глупая. Это был женатый мужчина.

Она с победоносным видом посмотрела на мисс Марпл.

— Совершенно верно, — согласилась мисс Марпл. — И вот как я представляю себе данную ситуацию. Они влюбились друг в друга, может быть, даже безрассудно. Но если он был женатый человек и, скорее всего, имел детей, к тому же порядочный, то их любовь была обречена.

— И все же она не смогла выйти замуж за Волтера Фейна, — вторила ей Гвенда. — Поэтому она телеграфировала брату и отправилась домой. Да, все сходится. И на пароходе по пути домой познакомилась с моим отцом... — Она подумала немного и продолжала: — Нет, она не влюбилась в него без памяти, но он ей понравился. Да тут еще я. Оба они были несчастливы... и утешали друг друга. Отец рассказал ей о моей матери, а она, наверное, ему — о том мужчине... Да... конеч-

но... — Она открыла дневник отца и прочитала:

> «Я знал, что у нее был кто-то... она поведала мне об этом на пароходе... кто-то, кого она любила, но не могла выйти за него замуж».

Да, так и есть. Элен и отец оба были в схожей ситуации... а тут еще я, требующая ухода и внимания, и она, наверное, подумала, что может сделать его счастливым... а может, и сама в конце концов будет вполне счастлива.

Завершив свою тираду, Гвенда обратила взгляд на мисс Марпл и с полной уверенностью заключила:

— Вот как все было.

Джайлз с трудом сдерживал раздражение.

— В самом деле, Гвенда, ты произвольно конструируешь ситуацию, полагая, что в действительности все было именно так.

— Все так и было. Другого просто не дано. И теперь становится ясно, кто та персона, которую мы обозначили как Икс.

— Ты имеешь в виду...

— Женатого мужчину. Мы не знаем, как он выглядит. Он вовсе не должен быть красивым. Может быть, он был немного сумасшедшим. И

последовал за нею сюда...

— Но ты только что утверждала, что он отправился в Индию.

— Ну, люди могут и возвращаться из Индии, не так ли? Волтер Фейн вернулся. Это было примерно годом позже. Я не говорю, что тот человек *на самом деле* вернулся из Индии, но утверждаю, что это вполне возможно. Ты без конца говоришь о мужчинах в ее жизни. Ну так вот, у нас есть трое. Волтер Фейн, некий молодой человек, имени которого мы не знаем, и женатый мужчина.

— И не знаем, существует ли он на самом деле, — парировал Джайлз.

— Но мы это выясним, — возразила Гвенда. — Разве не так, мисс Марпл?

— Со временем, запасясь терпением, — ответила мисс Марпл, — мы можем узнать очень много. А пока — вот мой вклад в расследование. В результате короткой, но весьма полезной беседы в магазине тканей я узнала, что Эдит Паже, служившая кухаркой в доме под названием «Сент-Катрин» как раз в то время, когда происходили интересующие нас события, по-прежнему живет в Диллмуте. Ее сестра замужем за здешним кондитером. Думаю, что для вас, Гвенда, будет совершенно естественным навестить ее. Она

может многое рассказать.

— Превосходно! — живо отозвалась Гвенда. — Но я придумала кое-что еще. Я намерена оформить новое завещание. Не хмурься, Джайлз, я не собираюсь что-либо менять в своем прежнем завещании, это всего лишь предлог для обращения к Волтеру Фейну.

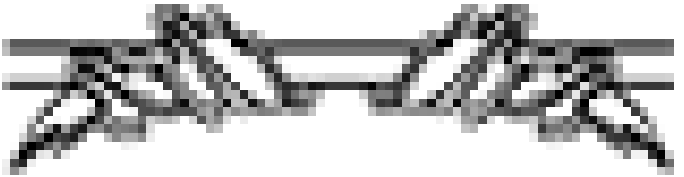
— Гвенда, — попросил Джайлз. — Только будь осторожна.

— Составление завещания, — возразила Гвенда, — вполне естественная вещь. И хороший предлог для визита к Фейну. Во всяком случае, я хочу увидеть его. Хочу увидеть, что он собой представляет, и, если сочту возможным...

Она не закончила фразу, и снова заговорил Джайлз:

— Что меня удивляет, так это то, что никто больше не откликнулся на наше объявление. Вот эта Эдит Паже, например...

— В маленьких городках люди долго обдумывают свои решения в подобных случаях, — сказала мисс Марпл. — Они подозрительны. Они любят все тщательно взвесить.



Глава 12

ЛИЛИ КИМБЛ

Лили Кимбл расстелила на кухонном столе пару старых газет, готовясь выложить на них картофельные чипсы, уже шипевшие на сковороде. Напевая популярную мелодию, она бросила взгляд на одно из объявлений в газете, расстеленной на столе.

Она вдруг перестала напевать и окликнула мужа:

— Джим... Джим. Послушай-ка!

Джим Кимбл, пожилой молчаливый мужчина, умывался в это время над кухонной раковиной.

— Ну? — как всегда лаконично отозвался он на зов жены.

— Тут объявление в газете. «Просим тех, кому хоть что-нибудь известно об Элен Спенлав Холлидей, урожденной Кеннеди, связаться с мистером и миссис Рид на Саутгемптон-роу»! Наверно, речь идет о миссис Холлидей, у которой я служила, когда они жили в «Сент-Катрин». Снимали дом у миссис Файндисон, она и ее муж. Ее звали Элен, точно... Да, и она приходилась сестрой доктору Кеннеди, он всегда говорил мне, что надо избавиться от аденоидов.

Последовала короткая пауза, пока миссис Кимбл умелой рукой помешивала картофель на сковороде. Джим Кимбл, вытирая лицо, фыркнул в полотенце, висящее на ролике.

— Конечно, это старая газета, — заметила миссис Кимбл, посмотрев на дату. — Примерно недельной или около того давности. Думаешь, это как-то связано с деньгами, Джим?

Мистер Кимбл уклончиво ответил:

— Ну-у...

— Должно быть, это связано с завещанием или что-то еще в этом роде, — предположила жена. —

Как давно это было! Лет восемнадцать назад, а то и больше. Интересно... Интересно, с чего бы это они теперь копаются в этом? А не думаешь ли ты, Джим, что на самом деле тут копается *полиция,* а?

— С какой это стати? — возразил мистер Кимбл.

— Ну, ты же знаешь, о чем я всегда думаю, — таинственным тоном продолжала миссис Кимбл. — Я говорила тебе еще тогда, когда мы уезжали. Изобразили все так, будто она удрала с каким-то парнем. Говорят, так всегда поступают мужья, когда укокошат жену. Но по всему было видно, что это убийство. Так я и сказала тогда тебе и Эди, но Эди ни за что не хотела мне верить. Никакого воображения у нее. Одежда, которую она вроде бы собиралась взять с собой, была вовсе не та, если ты понимаешь, что я имею в виду. Исчезли чемодан и сумка, битком набитые одеждой, но совсем не той, которую берут с собой, уезжая навсегда. Я еще тогда сказала Эди: «Все сходится, хозяин убил ее и спрятал в подвале». Но на самом деле не в подвале, потому что та самая Лейони, швейцарская воспитательница, она кое-что видела. Из окна. Ходила со мной в кино, хотя ей не разрешалось покидать детскую, но в тот раз я

убедила ее, что ребенок никогда не просыпается ночью... она, золотая девочка, всегда спокойно спит в постели всю ночь. «И мадам никогда не поднимается в детскую по вечерам, — сказала я. — Никто не узнает, что ты ускользнешь со мной». А когда мы вернулись, уже вовсю шел скандал. Там был доктор, хозяин, больной, спал в гардеробной, а доктор ухаживал за ним, вот тогда он и спросил меня насчет одежды, и тогда казалось, что было все в порядке. Я подумала, что она все-таки сумела удрать с тем парнем, которым была увлечена, а это был женатый мужчина. Эди сказала, что надеется и будет молиться, чтобы мы не оказались замешаны в какой-нибудь бракоразводный процесс. Так как же его звали? Не могу припомнить. Начинается с «М», а может быть, с «Р»? Боже, память уже подводит.

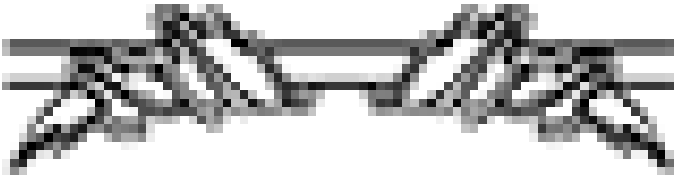
Тем временем мистер Кимбл, закончив плескаться у раковины и игнорируя все второстепенные проблемы, требовательно вопросил, готов ли ужин.

— Вот сейчас, стечет лишнее масло с картошки... Погоди, я достану другую газету. Эту надо сохранить. Наверно, все-таки полиция тут ни при чем. Столько времени прошло. А может, это адвокаты и за всем этим деньги? Там ничего не

сказано о вознаграждении... но может быть... Хотела бы я знать, кого можно спросить об этом. Там сказано, что надо написать по такому-то адресу в Лондоне... но я не уверена, что буду писать... в Лондоне и так полно народа... Что скажешь, Джим?

— Ну-у, — по обыкновению, изрек свое любимое междометие мистер Кимбл, жадно взирая на рыбу с чипсами.

Дискуссия была приостановлена.



Глава 13
ВОЛТЕР ФЕЙН

I

Гвенда смотрела через широкий стол красного дерева на мистера Волтера Фейна.

Это был мужчина лет сорока, с невыразительной внешностью и со следами усталости на лице. «Встреть такого человека случайно на улице, и ни за что не вспомнишь, что только что беседовала с ним», — подумала Гвенда. Словом, выражаясь

современным языком, этот человек был начисто лишен индивидуальности. Когда он наконец неторопливо заговорил, то оказалось, что у него приятный голос. Наверное, решила Гвенда, он — толковый адвокат.

Она украдкой окинула взглядом офис — офис главы фирмы — и решила, что он соответствовал личности Волтера Фейна. Офис выглядел старомодно, обивка на креслах, хотя и добротная, изрядно потерта. Вдоль стен — ящики с документами, на которых значились имена респектабельных граждан графства: «Сэр Джон Вавасур-Тренч. Леди Джессап. Артур Фолкс, эсквайр. Скончался».

Большие окна с подъемными рамами и довольно грязными стеклами выходили на квадратный задний двор, огражденный массивными стенами примыкающего дома постройки XVII века. В кабинете не было ни одной изящной современной вещицы, но в то же время ничто здесь не вызывало неприязни. На первый взгляд офис казался неопрятным, с этими громоздящимися один на другом ящиками, беспорядком на столе, с множеством всевозможных кодексов, сводов законов, кое-как рассованных по полкам, и тем не менее это был кабинет человека, который

точно знает, где что находится, — достаточно протянуть руку, чтобы достать нужный документ или справочник.

Волтер Фейн отложил наконец перо и, сдержанно улыбнувшись, сказал:

— Я думаю, что здесь все ясно, миссис Рид. Очень простое завещание. Когда вы соизволите зайти, чтобы подписать его?

Гвенда ответила, что в любое время. Особой спешки нет.

— Мы приобрели дом, там, внизу, вы, наверное, знаете, он называется «Хиллсайд».

— Да, вы указали мне свой адрес... — ответил он ровным голосом.

— Очень хороший дом, — добавила Гвенда. — Мы полюбили его.

— В самом деле? — улыбнулся Фейн. — Он на берегу моря?

— Нет, — ответила Гвенда. — Насколько мне известно, прежде он назывался «Сент-Катрин».

Мистер Фейн снял пенсне и, потупив взор, принялся протирать стекла шелковым носовым платком.

— Ах да, — поправился он, — это на Саутгемптон-роу?

Он взглянул на Гвенду, и она подумала о том,

что люди, которые постоянно носят очки, без очков выглядят совершенно иначе. Взгляд его светло-серых глаз казался рассеянным и как бы ничего не видящим.

«Поэтому, — подумала Гвенда, — у него такой отсутствующий вид».

Волтер Фейн снова водрузил пенсне на нос и сказал своим специфическим адвокатским тоном:

— Кажется, вы сказали, что оформляете завещание в связи с замужеством?

— Да. Но прежде я указывала в завещании родственников в Новой Зеландии, которые уже умерли, поэтому решила, что проще сделать новое завещание, нежели вносить изменения в старое, тем более что мы намерены постоянно жить в этой стране.

Волтер Фейн кивнул:

— Да, вы поступаете очень разумно. Я думаю, здесь все ясно, миссис Рид. Вы сможете зайти послезавтра. Одиннадцать часов вас устраивает?

— Да. Вполне.

Гвенда поднялась, а вслед за ней поднялся и Волтер Фейн.

Гвенда сказала с некоторым волнением, которое она отрепетировала заранее:

— Я... я обратилась специально к вам, потому что думаю, вернее, знаю, что вы когда-то были знакомы с моей... с моей матерью.

— В самом деле? — Волтер Фейн стал более дружелюбным. — Как ее звали?

— Холлидей. Меган Холлидей. Кажется... так мне, по крайней мере, говорили... что вы были помолвлены с ней?

Часы на стене тикали. Один-два, один-два, один-два.

Гвенда вдруг почувствовала, что сердце у нее забилось чуть чаще. Какое *непроницаемое* лицо у Волтера Фейна. Так выглядит дом, где на всех окнах опущены шторы. Это означает, что в доме покойник. («Что за идиотские мысли у вас, Гвенда!»)

— Нет, я никогда не был знаком с вашей матерью, миссис Рид, — сказал Волтер Фейн все тем же невозмутимым тоном. — Но я был помолвлен, правда очень недолго, с Элен Кеннеди, которая потом вышла замуж за вашего отца, став его второй женой.

— Ах вот как! Я все перепутала. Значит, это была Элен — моя мачеха. Конечно, все это было так давно, что я просто не могла этого знать. Я была малолетним ребенком, когда распался второй

брак моего отца. Но слышала от кого-то, что вы были помолвлены с миссис Холлидей в Индии... и я подумала, что это могла быть моя мать, потому что именно в Индии мой отец встретил ее.

— Элен Кеннеди приехала в Индию, чтобы сочетаться со мной браком, — сказал Волтер Фейн, — но потом передумала. На пароходе, возвращаясь домой, она встретила вашего отца.

Это была простая, спокойная констатация фактов. Гвенда все еще воспринимала его как дом с зашторенными окнами.

— Я очень сожалею, что невольно затронула деликатную тему.

Волтер Фейн снова улыбнулся своей сдержанной приятной улыбкой — шторы раздвинулись.

— Это было восемнадцать или двадцать лет назад, миссис Рид. Все эти юношеские переживания и безрассудные поступки теперь, по прошествии такого длительного времени, утратили свое значение. Так вы — та самая маленькая дочка Холлидея? А вы знаете, что ваш отец и Элен жили некоторое время здесь, в Диллмуте?

— О да, — ответила Гвенда. — Собственно, поэтому мы и приехали сюда. Я, естественно, не помнила Диллмута, но когда мы решили обосноваться в Англии, то я прежде всего подумала

о Диллмуте и приехала сюда посмотреть, как он выглядит на самом деле. Мне здесь понравилось, и мы решили поселиться именно здесь. И не удача ли это? Мы приобрели тот самый дом, где когда-то, очень давно, жили мои родственники.

— Я вспомнил этот дом, — сказал Волтер Фейн. И снова улыбнулся своей приятной улыбкой. — Вы, наверное, не помните меня, миссис Рид, но мне кажется, что однажды я таскал вас на закорках.

Гвенда рассмеялась.

— В самом деле? Тогда мы, выходит, с вами старые друзья, не так ли? Я не стану притворяться, что помню вас, мне тогда было всего два или два с половиной года, я думаю... Вы тогда приезжали из Индии в отпуск или что-то в этом роде?

— Нет, я покинул Индию раз и навсегда. Я поехал туда с намерением заняться разведением чайных плантаций, но тамошняя жизнь не пришлась мне по вкусу. Я обречен был следовать по стопам отца и стать обычным, заурядным сельским адвокатом. Еще до отъезда в Индию я сдал все необходимые экзамены, поэтому по возвращении сразу поступил в фирму. — Он помолчал и добавил: — С тех пор я здесь.

Снова последовала пауза, и он повторил совсем

тихо:

— Да, с тех пор...

Но восемнадцать лет, подумала Гвенда, не такой уж большой срок, чтобы...

Потом, уже энергично, он пожал ей руку, говоря:

— Коль скоро мы с вами давние друзья, вы должны прийти вместе с мужем как-нибудь на чай к моей матушке. Она пошлет вам приглашение. Что, если в одиннадцать часов в четверг?

Гвенда вышла из офиса и начала спускаться вниз. В углу лестничной площадки она заметила паутину, а в ней — здоровенного мерзкого паука. «Он не похож на обычного паука, — подумала Гвенда. — На тех жирных пауков, которые ловят мух и поедают их». Он скорее был подобен пауку-привидению. Точь-в-точь как сам Волтер Фейн.

II

Джайлз встретил жену на набережной.

— Ну как? — с ходу спросил он.

— В то время он находился здесь, в Диллмуте, — сказала Гвенда. — То есть уже вернулся из Индии. Оказывается, однажды он таскал меня на закорках. Но он не мог никого убить — это просто невозможно. Он спокойный и добрый человек.

Очень симпатичный, в сущности, но какой-то совершенно безликий. Знаешь, из числа гостей, ухода которых никто не замечает. Мне кажется, он безупречно честен и все такое, почтителен с матерью и имеет множество других достоинств. Но с женской точки зрения ужасно *скучен.* Я понимаю, почему у него ничего не получилось с Элен. Приятный, вполне надежный человек, только никто не желает выходить за него замуж.

— Бедняга, — пожалел его Джайлз. — Думаю, он был безумно влюблен в нее.

— Не знаю... Но думаю, что это не так. Зато я уверена, что он не является тем злодеем-убийцей. Он совершенно не соответствует моему представлению об убийцах.

— Но много ли ты знаешь об убийцах, моя дорогая?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... взять хотя бы тихую Лиззи Борден — только жюри присяжных признало ее невиновной. А Воллес, тихий мужчина, который, по мнению присяжных, убил жену, был впоследствии оправдан. А Армстронг, которого долгие годы люди считали добропорядочным человеком? Я не думаю, что убийцу можно определить по внешнему виду.

— Но я правда не верю, что Волтер Фейн...

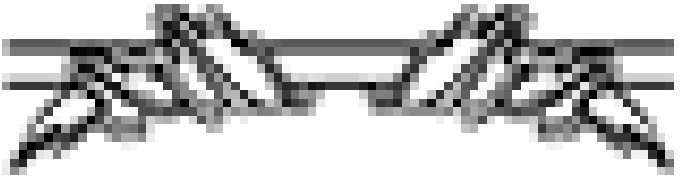
Гвенда вдруг осеклась.

— В чем дело?

— Все в порядке.

Но она вспомнила, как Волтер Фейн протирал стекла пенсне и, когда Гвенда упомянула о «Сент-Катрин», в его глазах появилось какое-то странное выражение.

— Может быть, — задумчиво произнесла она, — *он был безумно влюблен в нее...*



Глава 14

ЭДИТ ПАЖЕ

Гостиная миссис Маунтфорд выглядела очень уютной. Там стоял круглый стол, покрытый скатертью, несколько старинных кресел и жесткая на вид, но оказавшаяся мягкой софа у стены. Каминная полка была заставлена фарфоровыми собачками, а на стене над полкой висели в рамках цветные фотографии принцессы Элизабет и Маргарет Роуз. На другой стене красовались портрет короля в морской форме и многочислен-

ные фотографии мистера Маунтфорда в группе пекарей и кондитеров. С ними соседствовала акварель, на которой был изображен остров Капри с плещущимся у его берегов изумрудно-зеленым морем. Здесь было множество других вещей, не притязавших на красоту или изысканность, но в целом это была милая, уютная комната, где можно было посидеть и насладиться приятной беседой, когда появлялась такая возможность.

Миссис Маунтфорд, урожденная Паже, оказалась низенькой, толстенькой дамой с темными волосами, в которых уже появились первые седые пряди. Эдит Паже, в отличие от сестры, была высокая, худая и такая же темноволосая, но без единого седого волоска, хотя, судя по всему, ей было около пятидесяти.

— Трудно поверить, что передо мной маленькая мисс Гвенни, — говорила Эдит Паже. — Вы уж извините меня, мадам, но я не могу не вспомнить вас такой, какой вы были в то время. Вы часто прибегали ко мне на кухню, такая хорошенькая! И обычно говорили: «винниз», имея в виду изюм. Почему вы называли его «винниз», я не знаю. И я всегда давала вам изюм или кишмиш, который был, словно камушки.

Гвенда всматривалась в эту стройную даму с

румяными щеками и черными глазами, стараясь вспомнить те далекие времена, но не могла. Память — странная штука.

— Я хотела бы вспомнить... — проговорила она.

— Едва ли вам удастся. Вы были такой крошечкой. В наши дни никто не хочет служить в доме, где есть дети. И я этого просто не понимаю. Дети оживляют дом, вот что я чувствую. Хотя кормление детей всегда связано с некоторыми затруднениями. Но если вы правильно поняли, мадам, что я хочу сказать, то это ошибка воспитательницы, а не ребенка. А с воспитательницами всегда трудно — подносы, ожидания, и то одно им не так, то другое. А вы помните Лейони, мисс Гвенни, то есть я хотела сказать, миссис Рид?

— Лейони? Она была моей воспитательницей?

— Да, девушка из Швейцарии. Не очень хорошо говорила по-английски, но была очень чувствительная. Плакала, если Лили говорила ей что-нибудь обидное. Лили была горничной в доме. Лили Эбботт. Молодая девушка, немного дерзкая и развязная. Она часто играла с вами, мисс Гвенни. Играли в «Ку-ку», в прятки на лестнице.

Гвенду невольно прохватила дрожь.

Лестница...

И вдруг она сказала:

— Я вспомнила Лили. Она еще повязывала бант коту.

— Как забавно, что вы вспомнили. По случаю вашего дня рождения Лили решила повязать коту Томасу бант. Сняла ленту с коробки от шоколада, а бедный Томас чуть с ума не сошел. Выскочил в сад и терся о кусты, пока не избавился от банта. Кошки не любят, когда с ними вытворяют такие шутки.

— Кот был черный с белым.

— Совершенно верно. Добрый старый Томми. Хорошо ловил мышей. Был настоящим охотником. — Эдит Паже замолчала и чуть слышно кашлянула. — Извините меня, мадам, за эти разговоры. Вспомнились прошлые дни. Вы хотели меня о чем-то спросить?

— Мне приятно было слушать ваши воспоминания, — ответила Гвенда. — Для этого я и пришла. Как вы знаете, меня отправили к родственникам в Новую Зеландию, и, конечно, они не могли мне ничего рассказать о моем отце и мачехе. Она... она была хорошая, верно?

— Очень любила вас. О да, часто брала вас на море или играла в саду. Она и сама была очень молода. Совсем девочка. Я часто думала, что, играя

с вами, она радуется не меньше вас. В сущности, она сама была ребенком. Доктор Кеннеди, ее брат, был гораздо старше ее и вечно сидел за своими книгами. И когда она приходила из школы, то вынуждена была играть одна...

Мисс Марпл, сидевшая у стены, спросила:

— Вы живете в Диллмуте всю свою жизнь, не так ли?

— О да, мадам. Отец владел фермой за холмами, она называлась «Райлендс». У него не было сыновей, и мать не могла вести хозяйство после его смерти, поэтому она продала ферму и приобрела маленький модный магазинчик в конце Хай-стрит. Да, я всю жизнь прожила здесь.

— И я полагаю, вы все знаете о жителях Диллмута?

— Ну да, конечно, это же был маленький городок. Хотя летом, насколько я помню, сюда приезжало много народу. И все это были очень приличные люди, которые селились здесь на все лето, не то что эти теперешние туристы и экскурсанты. Добропорядочные семьи, из года в год снимавшие одно и то же жилье.

— Наверное, вы знали мисс Кеннеди до того, как она стала миссис Холлидей?

— Ну да, знала ее в лицо и иногда встречала

на улице. Но узнала ее как следует, только когда поступила к ним работать.

— И она вам нравилась? — поинтересовалась мисс Марпл.

Эдит Паже повернулась к ней.

— Да, мадам, нравилась, — ответила она, и в ее словах явно чувствовался вызов. — Хотя говорили о ней всякое. Она была очень добра ко мне. Я не могла себе представить, что она способна совершить такое. Я просто места себе не находила. Хотя, знаете, *прошел слух*...

Она вдруг осеклась и виновато взглянула на Гвенду.

Гвенда поспешила ее успокоить:

— Я хочу все знать. Пожалуйста, не думайте, что я могу обидеться на вас. Она ведь не родная мне мать...

— Это верно, мадам.

— И знаете, мы очень заинтересованы в том, чтобы... отыскать ее. Мы не знаем, где она живет, и даже жива ли она вообще. И есть основания...

Она замешкалась, и Джайлз быстро сказал:

— Вполне законные основания. Мы не знаем, действительно ли она умерла или нет.

— О, я вполне понимаю вас, сэр. Муж моей двоюродной сестры пропал... это произошло после

Ипра... и мы до сих пор никак не можем добиться, чтобы признали факт его смерти. Бедняжка вдова совершенно измучилась. Естественно, сэр, если вас интересует что-то, что мне известно, я охотно вам расскажу. Вы же для меня не чужие люди. Мисс Гвенда с ее «винниз»... Как забавно она это говорила!

— Это очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил ее Джайлз. — Итак, если вы не возражаете, я приступлю к делу. Миссис Холлидей покинула дом совершенно внезапно, как я понимаю?

— Да, сэр, это был большой удар для всех нас и особенно для бедняги майора. Он был совершенно убит.

— Я хочу спросить вас напрямик — имели вы хоть малейшее представление о мужчине, с которым она сбежала?

Эдит Паже покачала головой.

— Вот и доктор Кеннеди спрашивал меня об этом, и я тоже не смогла ему ответить. И Лили не могла. Не говоря уже об этой Лейони, она же иностранка.

— Вы не знали, — продолжал Джайлз. — Но могли догадываться. Теперь это уже дело далекого прошлого, и ничего страшного не произойдет, ес-

ли вы ошибетесь в своих предположениях. У вас, несомненно, должны были возникнуть какие-то подозрения.

— Да, у нас были подозрения... но имейте в виду, это только подозрения. И я ничего не могу утверждать с уверенностью. Я ничего не видела. Но у Лили, которая, как я сказала, была неглупая девушка, задолго до этого возникли подозрения. «Попомни мои слова, — говаривала она мне. — Этот парень влюблен в нее. Обрати внимание, как он смотрит на нее, когда она разливает чай. И как его жена ведет себя при этом».

— Понятно. А что это... э-э... за парень?

— Сейчас, сэр, боюсь, уже забыла его фамилию. Столько прошло лет! Капитан Эсдейл... нет, не то... Эмери... тоже нет. Мне кажется, что она начиналась с «Э». А может быть, и с «Х». Скорее всего, какая-то необычная фамилия. Но я никогда не вспоминала об этой чете за все прошедшие шестнадцать лет. Он с женой останавливался в отеле «Ройял Кларенс».

— Отдыхали здесь?..

— Да, но мне казалось, что он или они оба были знакомы с миссис Холлидей прежде. Они наведывались к нам в дом довольно часто. Так или иначе, если верить Лили, он был влюблен в

миссис Холлидей.

— И его жене это не нравилось.

— Не нравилось, сэр... Но знаете, мне никогда в голову не приходило, что в этом таится какая-то опасность. И до сих пор не знаю, что и подумать.

Гвенда спросила:

— Они были все еще там, в отеле «Ройял Кларенс», когда Элен, моя мачеха, убежала?

— Насколько я помню, они уехали как раз в то же самое время, днем раньше или днем позже, чем доставили людям пищу для разговоров. Но я никогда не слышала ничего определенного. *Если что-то и было,* то все делалось очень тихо. Все удивились, что миссис Холлидей так внезапно покинула мужа. Правда, люди поговаривали, что она всегда была вертихвосткой, но я сама ничего такого не замечала. И мне не так уж хотелось ехать с ними в Норфолк, если сказать правду.

Все трое визитеров недоуменно уставились на хозяйку. Потом Джайлз спросил:

— В Норфолк? Они собирались в Норфолк?

— Да, сэр. Они купили там дом. Миссис Холлидей сказала мне об этом за три недели до того... до того, как все это случилось. Она спросила меня, поеду ли я с ними, и я ответила согласием. В конце концов, я никогда не покидала Диллмута и

подумала: может быть, мне понравится на новом месте, да и семья мне тоже нравилась.

— Я никогда не слышал о покупке дома в Норфолке, — заметил Джайлз.

— И это неудивительно, потому что миссис Холлидей, кажется, всячески это скрывала. Она просила меня не говорить об этом совсем никому, и я, конечно, так и поступила. Но она уже давно подумывала о том, чтобы уехать из Диллмута. Она уговаривала майора, но тому нравилось в Диллмуте. Кажется, он даже писал миссис Файндисон, спрашивая, не продаст ли она им «Сент-Катрин». Но миссис Холлидей категорически возражала. Казалось, ей не нравится Диллмут. Вроде бы даже она опасалась оставаться здесь.

Рассказ Эдит выглядел вполне правдоподобно, и все трое слушали ее с напряженным вниманием.

— Вам не кажется, — спросил Джайлз, — что она хотела переехать в Норфолк, чтобы быть поближе к тому человеку... имя которого вы не можете вспомнить?

Лицо Эдит Паже приняло страдальческое выражение.

— О, в самом деле, сэр, мне не хотелось *так* думать. И я ни единой минуты не думала так.

И кроме того, я теперь припоминаю: та леди и джентльмен приехали откуда-то с севера. Думаю, из Нортумберленда. Они захотели поехать на юг в отпуск, потому что там сыро.

— Она боялась чего-то, верно? — спросила Гвенда. — Или кого-то? Моя мачеха, я хочу сказать.

— Я припомнила, вот теперь, когда вы сказали...

— Да?

— Как-то Лили пришла на кухню. Она убирала на лестнице и сказала: «Скандал!» Она всегда говорила напрямик, эта Лили, поэтому вы должны меня извинить.

Я спросила, что она имеет в виду, и она сказала, что хозяйка с хозяином вернулись из сада в гостиную, дверь в холл осталась открытой, и было слышно, о чем они говорили. *«Я вас боюсь,* — будто бы сказала миссис Холлидей. И по словам Лили, у нее на самом деле был испуганный вид, когда она продолжала: — *Я уже давно боюсь вас. Вы сумасшедший. Вы ненормальный. Уходите прочь и оставьте меня в покое. Вы должны оставить меня. Я боюсь. Теперь я понимаю, что всегда боялась вас...»* В точности я, конечно, не могу воспроизвести слова миссис Холлидей, но смысл их был примерно такой. Лили была по-

трясена услышанным, и поэтому после того, как все это случилось, она... — Эдит Паже умолкла на полуслове, а на лице у нее отразился испуг. — Я ничего не выдумала. Я уверена... — словно вдруг спохватившись, сказала она. — Извините меня, мадам, но язык перестал меня слушаться.

— Пожалуйста, — принялся увещевать ее Джайлз, — скажите нам, Эдит. Это очень важно. Вы понимаете, что нам необходимо знать правду. Все это произошло очень давно, но нам необходимо знать.

— Я не могу говорить, — упавшим голосом сказала Эдит.

Мисс Марпл спросила:

— А чему это не поверила или, наоборот, поверила Лили?

Эдит Паже сказала извиняющимся тоном:

— У Лили в голове постоянно возникали всякие догадки. Я никогда не придавала им значения. Она любила ходить в кино и нередко подражала тому, что видела в фильмах. Вечером в тот злополучный день она, по обыкновению, отправилась в кино и уговорила Лейони пойти с ней. Я не раз говорила, что так *нельзя поступать.* «О, все будет в порядке, — ответила она мне, — ведь ребенок не один остается в доме. Вы будете внизу, на кухне,

хозяин с хозяйкой скоро вернутся, к тому же ребенок никогда не просыпается». Словом, я высказала свое мнение и полагала, что после этого Лейони не посмеет уйти. Но она все же ушла. Если бы я знала об этом, то поднялась бы взглянуть на ребенка, то есть на вас, мисс Гвенда, и все было бы в порядке. В кухне ничего не слышно, когда закрыта обитая сукном дверь.

Эдит Паже помолчала, а потом заговорила снова:

— Я как раз гладила и не помню уж, сколько прошло времени, когда на кухне появился доктор Кеннеди. Он спросил, где Лили, и я сказала, что у нее свободный вечер и что она вернется с минуты на минуту. И в этот самый момент она и пришла. Он повел ее наверх, в комнату хозяйки. Хотел узнать, взяла ли та с собой вещи и какие. Лили осмотрела шкаф и сказала, какие вещи отсутствуют, после чего спустилась ко мне. Страшно возбужденная.

«Она смылась, — сообщила Лили. — Убежала с кем-то. Хозяин в отключке. Удар или что-то еще. Ясно, это было ужасным ударом для него. Ну и дурак. Должен был догадаться...» — «Тебе не следует так говорить, — возразила я. — Откуда ты знаешь, что она убежала с кем-то? Может

быть, пришла телеграмма о болезни родственника». — «Как же, так я тебе и поверила, — сказала Лили в обычной своей манере. — Она оставила записку». — «А с кем она убежала?» — спросила я. «Ну уж не с мистером Фейном, хотя он смотрел на нее бараньими глазами и ходил за нею как собачонка», — сказала Лили. «Ты думаешь, что это капитан... как там его зовут?» — спросила я. И она ответила: «Он, держу пари. Если только не какой-нибудь таинственный господин в шикарном автомобиле» (такие у нее были глупые шуточки). «Не верю. Миссис Холлидей никогда не смогла бы поступить так», — возразила я. «Но тем не менее смогла», — ответила Лили. Вот такой разговор у нас состоялся, что называется, по горячим следам. А позже, когда я уже спала в нашей общей комнате, Лили разбудила меня.

«Послушай-ка, — говорит, — дело плохо». — «Что плохо?» — «Да с этой одеждой». — «Что ты имеешь в виду?» — «Послушай, Эди. Я осмотрела шкаф, как меня просил доктор. Оказалось, что исчез чемодан, в который были напиханы вещи без всякого разбора и вовсе *не те*». — «Что значит «не те»?» — «Она взяла вечернее платье, серое с люрексом, но не взяла пояс, и бюстгальтер, и комбинацию, которые под него надеваются,

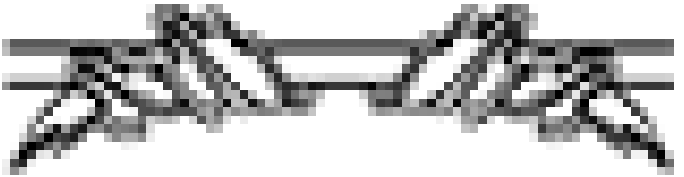
захватила золотые парчовые вечерние туфли, а не серебряные босоножки. Взяла зеленый твидовый костюм, который носит осенью, но не взяла более уместный сейчас красивый пуловер. Взяла кружевные блузки, которые носит с уличным костюмом. Да и из белья тоже взяла разрозненные вещи. Попомни мои слова, Эди. Она никуда не убежала. Хозяин прикончил ее». Тут я окончательно проснулась, села в кровати и спросила, о чем это она, черт возьми, толкует. «Точь-в-точь как в *«Новостях мира»* на прошлой неделе, — ответила Лили. — Хозяин обнаружил, что у жены любовник, убил ее, отнес в подвал и спрятал под полом. *Ты* ничего не слышала, потому что подвал под передним холлом. Он покончил с ней, а потом упаковал чемодан, чтобы представить дело так, будто она сбежала от него. А она вот где — под полом в подвале. *Она никуда не убегала из дома».* Я посоветовала ей держать язык за зубами и не распространять такие зловещие слухи, но утром все-таки украдкой спустилась в подвал. Там все было как всегда, никаких признаков того, что пол поднимали. Я сказала Лили, чтобы она не выставляла себя в дурацком свете, но она продолжала твердить, что хозяин убил жену. «Помнишь, — сказала она, — хозяйка боялась, что он убьет ее.

Я сама слышала, как она это говорила». — «А вот тут ты не права, моя девочка, — сказала я. — Потому что это был вовсе не хозяин. Как только ты сказала мне в тот день об их разговоре, я выглянула в окно и увидела, что хозяин идет вниз со своими клюшками для гольфа, значит, это был не он с хозяйкой в гостиной. Это был кто-то еще».

Эти слова эхом прозвучали в гостиной.

Джайлз с облегчением вздохнул:

— *Это был кто-то еще...*



Глава 15

АДРЕС

«Ройял Кларенс» был самым старым отелем в городе. С красивым фасадом, украшенным арками. Здесь царила атмосфера, унаследованная от старых добрых времен. В нем обычно селились семьи, приезжающие на отдых к морю.

За конторкой восседала мисс Нарракотт, грудастая сорокасемилетняя дама со старомодной прической.

Она приосанилась, увидев Джайлза, в котором

ее наметанный глаз сразу же распознал «одного из наших приличных людей». И Джайлз, у которого был хорошо подвешен язык и который умел понравиться, когда это было нужно, сочинил целую историю. Будто он поспорил с женой, которая утверждает, что ее крестная мать останавливалась в «Ройял Кларенс» восемнадцать лет назад. Жена считает, что им никогда не разрешить свой спор, поскольку все тогдашние регистрационные книги наверняка уничтожены, он же считает, что этого не может быть. Такие заведения, как «Ройял Кларенс», он абсолютно уверен, хранят записи, и их можно востребовать хоть через сто лет.

— Ну, сто лет, может быть, срок слишком большой, мистер Рид. Но у нас на самом деле сохраняются «гостевые книги» — мы так предпочитаем их называть. Там значатся очень солидные имена. Даже король однажды останавливался здесь, когда был принцем Уэльским, княгиня Адлемар Гольштейн-Ротц приезжала к нам каждую зиму со своей придворной дамой. У нас останавливались знаменитые писатели и мистер Дови, художник-портретист.

Джайлз проявил приличествующий случаю интерес и уважение, и в результате ему принесли и предоставили в распоряжение том за интере-

сующий его год.

Сначала ему продемонстрировали все громкие имена, а потом он отыскал страницу, где были поименованы все останавливавшиеся в гостинице в августе.

И он без труда отыскал интересовавшую его пару.

«Майор и миссис Эрскин, поместье Анстелл, Дейт,
Нортумберленд, 27 июля – 17 августа».

— Могу я переписать это?

— Конечно, мистер Рид. Вот бумага и чернила, о, у вас своя ручка. Извините, мне необходимо отлучиться.

Она оставила его с открытой книгой, и Джайлз принялся за дело.

Вернувшись в «Хиллсайд», он нашел Гвенду в саду хлопотавшей над бордюром клумбы.

Она выпрямилась и окинула его быстрым испытующим взглядом.

— Удачно?

— Думаю, что да.

Гвенда, прочитав запись, задумчиво произнесла:

— Поместье Анстелл, Дейт, Нортумберленд. Да,

Эдит Паже говорила о Нортумберленде. Едва ли они по-прежнему живут там.

— Надо съездить туда и выяснить все на месте.

— Да, да, конечно, лучше съездить самим, но когда?

— Чем скорее, тем лучше. Завтра? Возьмем автомобиль и поедем. И кстати, увидишь еще кусочек Англии.

— Ну а что, если они умерли или переехали куда-то и там живет кто-то другой?

Джайлз пожал плечами.

— Тогда мы вернемся домой и начнем поиски в другом направлении. Кстати, я написал Кеннеди и спросил его, не может ли он передать мне те последние два письма, полученные от Элен, если они еще сохранились у него, *а также образец ее почерка.*

— Хорошо бы нам встретиться с другими слугами, — сказала Гвенда. — С Лили, той самой, которая повязала Томасу бант...

— Забавно, что ты об этом вспомнила, Гвенда...

— Да, верно. Я вспомнила Томаса. Весь в черных и белых пятнах, и еще у него было три хорошеньких котеночка.

— Как? У Томаса?

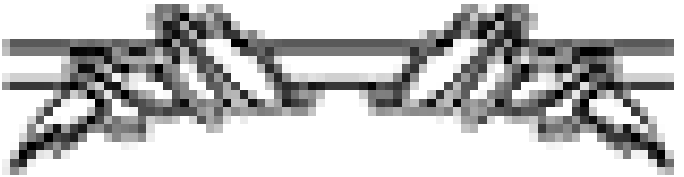
— Ну, это мы так звали его, Томас, а на самом

деле он оказался Томасиной. Ты же знаешь, какие они, эти кошки. Кстати, о Лили... интересно, где она теперь? Эдит Паже, похоже, совсем потеряла ее из виду. Она не появлялась здесь и после «Сент-Катрин» устроилась в Торки. Прислала оттуда одно или два письма, и все. Эдит слышала, будто она вышла замуж, но не знает за кого. Если мы разыщем ее, то узнаем гораздо больше.

— И от Лейони, той швейцарской девушки.

— Может быть, но она иностранка и могла не понять всего, что происходило. Знаешь, я совсем ее не помню. Нет, я чувствую, что встреча с Лили была бы для нас полезней. Лили наблюдательная... Я думаю, Джайлз, надо дать еще одно объявление — специально для Лили Эбботт, так ее полное имя.

— Можно попытаться, — согласился Джайлз. — И давай завтра же отправимся на север, к Эрскинам.



Глава 16

МАМЕНЬКИН СЫНОК

— Тихо, Генри, — сказала миссис Фейн своему астматическому спаниелю, влажные глаза которого светились злобой. — Еще булочку, мисс Марпл, пока они еще горячие?

— Благодарю вас. Очень вкусные булочки. У вас отличная кухарка.

— Луиза на самом деле не так уж плоха. Только забывчива, как все они. И не очень изобретательна в приготовлении пудингов. А скажите,

как ревматизм у Дороти Ярд сейчас? Она ужасно страдает от него. Но, как я думаю, это у нее скорее на нервной почве.

Мисс Марпл пришлось принять участие в обсуждении болезней общих знакомых. «Как мне повезло, — подумала она, — что среди множества моих друзей и родственников, разбросанных по всей Англии, нашлась дама, знакомая с миссис Фейн». Она-то и написала ей, что мисс Марпл в настоящее время находится в Диллмуте и было бы хорошо, если бы дорогая Элеонора пригласила ее к себе и побеседовала с ней.

Элеонора Фейн была дама внушительных габаритов, с серыми холодными глазами, вьющимися седыми волосами и бело-розовой, как у детей, кожей, предполагавшей детскую мягкость натуры, которая ей отнюдь не была свойственна.

Они обсудили недомогания Дороти, действительные или мнимые, а потом перешли к здоровью мисс Марпл, воздали должное целительному воздуху Диллмута и осудили поведение большей части молодого поколения.

— Дерзость надо пресекать в самом начале, в детском возрасте, — провозгласила миссис Фейн. — У меня с этим никогда не было проблем.

— У вас всего один сын? — спросила мисс

Марпл.

— Трое. Старший, Джералд, — в Сингапуре, служит в «Фар-ист-банк». Роберт — в армии. — Миссис Фейн хмыкнула. — Женат на католичке, — со значением уточнила она. — Вы знаете, что *это* означает! Все дети вырастут католиками. Не знаю, что сказал бы отец Роберта. Он был ярым сторонником «низкой церкви». Сейчас Роберт почти не пишет мне. Он не следует советам, которые я давала ему для его же пользы. Я считаю, что надо всегда откровенно говорить то, что думаешь. Его женитьба, на мой взгляд, была большой неудачей. Он может *делать вид*, что счастлив, бедный мальчик, но я-то чувствую, что там не все в порядке.

— А ваш младший сын не женат, как я понимаю?

Миссис Фейн расцвела улыбкой.

— Нет, Волтер живет дома. Он не отличается богатырским здоровьем — с самого детства мне приходилось внимательно следить за его самочувствием. Он скоро должен прийти. Я просто не могу выразить словами, какой это заботливый и преданный сын.

— И он никогда не помышлял о женитьбе? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Волтер говорит, что не может увлечься современной молодой женщиной. Они его не интересуют. У нас с ним много общего, боюсь, что именно поэтому он редко бывает на людях. Он читает Теккерея мне по вечерам, мы часто играем в пикет. Волтер настоящий домосед.

— Как это хорошо, — заметила мисс Марпл. — А он всегда работал в фирме? Кто-то говорил мне, что один из ваших сыновей занимался разведением чайных плантаций на Цейлоне, но у него вроде бы не пошло дело.

Миссис Фейн слегка нахмурилась и принялась настойчиво потчевать гостью ореховым кексом. Потом, собравшись с мыслями, вернулась к прерванной беседе:

— Тогда он был очень молод. И плантации — одно из юношеских увлечений. Мальчики стремятся повидать мир. Действительной подоплекой этой затеи с плантациями была девушка. Девушки способны смешать все планы.

— О да, конечно. Моя собственная племянница...

Но миссис Фейн уже не могла остановиться. Проигнорировав племянницу мисс Марпл, она завладела инициативой и не хотела упустить возможности рассказать все этой симпатичной

подруге милой Дороти.

— Как это всегда бывает, девушка оказалась *самой неподходящей из всех.* О, я не имею в виду *актрис* или что-нибудь в этом роде. Сестра здешнего доктора, больше похожая на его дочь из-за большой разницы в возрасте. Бедняга не имел ни малейшего представления о том, как следовало бы ее воспитывать. Мужчины совершенно беспомощны в таких делах, не правда ли? Она выросла совсем дикой, спуталась сначала с молодым человеком, клерком и тоже довольно неприятным типом. В конце концов его были вынуждены уволить. Тем не менее эта девушка, Элен Кеннеди, была, по общему мнению, хорошенькая, *хотя я так не считаю.* Мне всегда казалось, что она подкрашивает волосы. Но Волтер, бедный мальчик, страстно влюбился в нее. Как я сказала, девица была совершенно нестоящей: ни денег, ни перспектив — словом, не из числа тех невесток, о которых мечтают матери сыновей. Ну а что в подобной ситуации может мать? Волтер сделал ей предложение, она отказала ему, и тогда у него родилась в голове эта бредовая идея — отправиться в Индию и заделаться чайным плантатором. Муж сказал: «Пусть едет», хотя, конечно же, он был очень огорчен. Муж хотел,

чтобы Волтер работал у него в фирме, и Волтер сдал все экзамены по юриспруденции и получил соответствующий сертификат. Но тут случилась эта страстная любовь. Вот какое пагубное воздействие способны оказать эти молодые женщины на судьбу мужчины.

— О, я знаю. Вот моя племянница...

Но миссис Фейн снова оставила без внимания слова мисс Марпл и продолжала:

— И вот мой дорогой мальчик поехал то ли в Ассам, то ли в Бангалор, я уже толком и не помню, ведь прошло столько лет. Я, естественно, была очень огорчена, ибо знала, что при его слабом здоровье задуманное им предприятие не осуществится. И вот проходит год, как он уехал, все у него идет успешно (у Волтера всегда получалось все, за что бы он ни взялся), вдруг эта бессовестная дрянь меняет свое намерение и пишет ему, что согласна выйти за него.

— Да неужели! — сокрушенно воскликнула мисс Марпл.

— Он готовится к женитьбе, покупает ей билет... и что, по-вашему, следует дальше?

— Не могу представить. — Мисс Марпл буквально превратилась в слух.

— Она заводит любовную интригу с женатым

мужчиной, вот вам пожалуйста. На пароходе по пути туда. Женатый человек с тремя детьми, как я полагаю. Волтер встречал ее на пристани, и первое, что она сделала, едва сойдя с корабля, так это заявила Волтеру, что не может выйти за него замуж. Вы же согласитесь со мной, что на подобный поступок способен только абсолютно безнравственный человек.

— Конечно, соглашусь. Это могло полностью разрушить веру вашего сына в людей.

— Казалось бы, теперь-то он должен был понять, что она собой представляет. Но такие женщины способны выкрутиться из любой ситуации.

— А он не... — мисс Марпл помедлила, подбирая подходящее слово, — *возмутился* таким поведением? Другой мужчина пришел бы в ярость.

— Волтер всегда умел владеть собой. И никогда не обнаруживает огорчения или обиды.

Мисс Марпл испытующе посмотрела на нее и очень осторожно, что называется, запустила пробный шар:

— Может, это потому, что он испытывал к ней действительно глубокое чувство? Такое часто случается с детьми. Внезапная вспышка у ребенка, который, казалось, равнодушен ко всему. Бывают чувствительные натуры, никак себя не

проявляющие до тех пор, пока их полностью не выведут из терпения.

— О, вы высказали весьма любопытную мысль, мисс Марпл. Я хорошо помню, как Джералд и Роберт, будучи оба вспыльчивыми, то и дело начинали *драться,* и это совершенно естественно для здоровых мальчиков...

— О, конечно, совершенно естественно.

— А мой дорогой Волтер всегда был такой тихий и сдержанный! И вот однажды Роберт схватил его модель самолета — Волтер собственноручно мастерил ее много дней, — схватил и по неаккуратности сломал. Так вот, зайдя в их классную комнату, я увидела Роберта лежащим на полу, в то время как Волтер колотил его кочергой и, наверное, забил бы до смерти, не сумей я его оттащить. Волтер при этом без конца повторял: «Он сделал это нарочно... он сделал это нарочно. Я сейчас убью его». Знаете, я была просто в ужасе. Мальчики все воспринимают очень остро, не так ли?

— Да, конечно, — проговорила мисс Марпл с задумчивым видом и возобновила прерванный разговор о несостоявшейся женитьбе Волтера: — Итак, помолвка была разорвана. Что же сталось с девушкой?

— Она вернулась домой. Но по пути в Англию у нее возникло еще одно любовное приключение, и на этот раз она вышла замуж. Это был вдовец с ребенком. Мужчина, только что потерявший жену, — хорошая мишень, он абсолютно беспомощный, бедняга. Они поженились и поселились здесь, на другом конце городка — дом «Сент-Катрин», почти рядом с госпиталем. Брак длился недолго, и года не прошло, как она бросила его. Бежала с каким-то другим мужчиной.

— О боже! — воскликнула мисс Марпл. — Как счастливо избежал ваш сын этого кошмара!

— Я постоянно твержу ему это.

— А он бросил чайные плантации из-за того, что здоровье не позволило ему адаптироваться к тамошним условиям?

Миссис Фейн слегка нахмурила брови.

— Жизнь как-то не заладилась там, — ответила она. — Он вернулся домой примерно через шесть месяцев после возвращения этой девушки.

— Ситуация для Волтера, наверное, была довольно тягостной, — рискнула заметить мисс Марпл. — Если эта молодая женщина действительно жила здесь. В одном и том же городе...

— Волтер был великолепен, — сказала его мать. — Он вел себя так, словно ничего не про-

изошло. Мне и самой надо было подумать о том, чтобы порвать окончательно всякие отношения, ибо случайные встречи могли доставлять неудобство для обеих сторон. Но Волтер настоял, чтобы они сохранили дружеские отношения. Он запросто ходил к ним в дом без каких-либо формальных поводов и играл с их маленькой дочкой... Кстати, весьма странно, что эта девочка вернулась сюда. Теперь она взрослая замужняя женщина. На днях приходила в контору к Волтеру оформить завещание. Рид — вот теперь как ее фамилия. Рид.

— Мистер и миссис Рид! Я знакома с ними. Какая приятная, интеллигентная пара! Подумать только! И она действительно ребенок...

— Ребенок от первой жены. Первая жена умерла в Индии. Бедный майор... я забыла его имя... кажется, Холлидей... что-то в этом роде... был совершенно убит, когда эта распутница покинула его. И почему это самые хорошие мужчины влюбляются в самых отвратительных женщин?

— А тот молодой человек, с которым она была помолвлена до этого? Клерк, служивший в конторе вашего сына? Что с ним сталось?

— Он преуспел. Он — глава туристского автобусного бюро. «Желтые туры Аффлика». Автобусы,

выкрашенные в ярко-желтый цвет. Выглядят совершенно вульгарно.

— Его фамилия Аффлик? — уточнила мисс Марпл.

— Да, Джекки Аффлик. Противный, но на редкость пробивной парень. И очень напористый в достижении цели. Думаю, интерес к Элен Кеннеди был отнюдь не случаен. Видно, решил, что брак с сестрой доктора упрочит его общественное положение.

— И эта Элен никогда больше не появлялась в Диллмуте?

— Нет. И слава богу. Может, теперь она уже окончательно пала. Мне жаль доктора Кеннеди. Это не его вина. Вторая жена его отца была ветреная штучка. Намного моложе его. Наверное, Элен пошла в мать. Я всегда думала... — Миссис Фейн замолкла на полуслове. — Вот и Волтер.

Ее материнский слух уловил знакомые звуки в холле. Дверь открылась, и вошел Волтер Фейн.

— Это мисс Марпл, сынок. Позвони в колокольчик, и нам принесут свежего чая.

— Не беспокойтесь, мама. Я пил чай в конторе.

— Принесите нам свежего чая с булочками, Беатрис, — сказала она горничной, которая появилась, чтобы забрать чайник.

— Да, мадам.

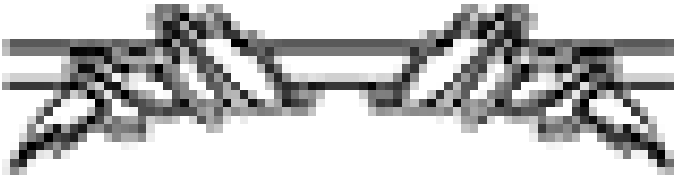
Со сдержанной, но вместе с тем приятной улыбкой Волтер Фейн сказал:

— Боюсь, что мама портит меня.

Мисс Марпл улыбнулась в ответ и продолжала внимательно разглядывать его.

Кроткий, спокойный на вид человек, предупредительный, немного застенчивый... совершенно бесцветный. Совершенно невыразительная личность. Тот самый тип молодых людей, которые не нравятся женщинам, и если женщина выходит за такого замуж, то только потому, что мужчина, которого она любит, не отвечает ей взаимностью. Волтер, который всегда рядом с матерью... Бедный Волтер, маменькин любимчик... Маленький Волтер Фейн, который набросился на брата с кочергой и готов был его убить...

Мисс Марпл было над чем подумать.



Глава 17

РИЧАРД ЭРСКИН

I

Поместье Анстелл выглядело уныло. Это был белый дом, приютившийся у подножия серых холмов. К нему вела вьющаяся среди кустарников дорога.

— Зачем мы приехали? — задумчиво произнес Джайлз, обращаясь к Гвенде. — Что мы можем сказать?

— Но мы же обо всем договорились.

— Да, насколько это возможно. Нам повезло, что кузина сестры тетки шурина мисс Марпл, или кем там она ей приходится, живет здесь поблизости... Но ведь неприлично, явившись в дом человека, приступать к нему с расспросами о его прошлых любовных связях.

— Да еще по прошествии стольких лет. Может быть... может быть, он даже и не помнит ее.

— Может, и не помнит. А может, и вообще не было любовной истории.

— Джайлз, что же мы, совсем уж непроходимые дураки?

— Не знаю... Иногда я и впрямь ощущаю себя дураком. Не понимаю, зачем мы ввязались во всю эту историю. Какое это имеет значение теперь?

— Как давно все это было... Да, я знаю... Мисс Марпл и доктор Кеннеди, они оба говорили: «Прекратите расследование». Почему мы их не послушались, Джайлз? Что заставило нас его продолжать? *Она?*

— Кто?

— Элен. И мои воспоминания. Мои детские воспоминания — единственное связующее звено во всей этой истории. И может, именно дух Элен побуждает меня — и тебя — докопаться до правды?

— Потому что она умерла насильственной смертью?..

— Да. Говорят, да и в книгах пишут, что умершие насильственной смертью не могут обрести покой...

— Думаю, это из области фантазии, Гвенда.

— Может быть, и так. В любом случае у нас есть выбор. Наш визит может выглядеть как сугубо светский. И мы можем не касаться его истинной цели, если не захотим...

Джайлз покачал головой:

— Нет, мы должны задать интересующие нас вопросы. Просто обязаны.

— Да, ты прав. Но все равно, Джайлз, мне страшно...

II

— Подыскиваете дом, да? — осведомился майор Эрскин.

Он протянул Гвенде блюдо с сэндвичами. Гвенда взяла один, окинув майора внимательным взглядом. Ричард Эрскин был невысок ростом, пять футов и девять дюймов или около того. У него были седые волосы и усталый, чуть задумчивый взгляд. Голос низкий и приятный, а говорил он слегка нараспев. В нем не было ничего приме-

чательного, но, на взгляд Гвенды, он определенно выглядел привлекательным... Конечно, он далеко не так импозантен, как Волтер Фейн, но если большинство женщин пройдут мимо Фейна не оглянувшись, то Эрскин наверняка не оставит ни одну женщину равнодушной. Фейн являл собою нечто неопределенное. А в Эрскине при его скромных внешних данных ощущалась личность. Он говорил об обыденных вещах просто, но в нем было *что-то такое,* что безошибочно и сразу распознают женщины и на что они реагируют чисто по-женски. Вот и Гвенда, войдя в дом, совершенно бессознательно одернула юбку, поправила завиток на лбу и подретушировала губы. Девятнадцать лет назад Элен Кеннеди вполне могла влюбиться в этого мужчину. Гвенда была уверена в этом.

Когда майор подавал Гвенде блюдо с сэндвичами, она поймала на себе его пристальный взгляд и невольно покраснела. Миссис Эрскин беседовала с Джайлзом, но не спускала глаз с Гвенды, и ее взгляд был одновременно изучающим и подозрительным. Джанет Эрскин, высокая дама с грудным голосом, низким, почти как у мужчины, крепкого телосложения, была в добротном твидовом костюме с большими накладными кар-

манами. Она выглядела старше мужа, но Гвенда решила, что это, может быть, и не так. У нее был какой-то несчастный, загнанный вид. «Бедняжка, явно обделенная вниманием мужа, — подумала Гвенда. — Держу пари, ему сегодня достанется».

— Искать дом — занятие хлопотное, — сказала она. — Агенты по продаже недвижимости способны так расписать продающийся дом, что покупатель немедленно устремляется увидеть это чудо и чаще всего бывает горько разочарован.

— Вы хотите поселиться здесь, где-нибудь поблизости?

— Да, это одно из мест, о которых мы думали. Потому что здесь недалеко Стена Адриана. Джайлз всегда восхищался Стеной Адриана. Вам покажется это немного странным, но нас устроит любое место в Англии. Дело в том, что мой родовой дом — в Новой Зеландии, и здесь у меня нет никаких связей. И у Джайлза тоже нет привязанности к какому-то определенному месту, он проводил каникулы у многочисленных теток, живших в разных местах. Единственное, чего мы хотим, — поселиться поближе к Лондону, но непременно в сельской местности.

Эрскин улыбнулся.

— Здесь всюду истинно сельская местность. Мы живем изолированно от немногочисленных соседей. Поместья далеко отстоят друг от друга.

Гвенда уловила скрытые нотки грусти в его приятном голосе. И внезапно подумала о его одиночестве в этом краю: короткие зимние дни, завывающий в трубах ветер, окна, наглухо закрытые плотными шторами, и эта женщина с загнанным недобрым взглядом... а соседей мало, и до них далеко.

Потом представшая ее мысленному взору картина исчезла. И опять было лето, настежь распахнутые решетчатые стеклянные двери в сад, и доносящийся оттуда аромат роз, и веселое щебетание птиц.

Она спросила:

— Это старый дом?

Эрскин кивнул:

— Времен королевы Анны. Мои родственники жили здесь почти три сотни лет.

— Дом очень приятный. Вы, должно быть, гордитесь им.

— Он нуждается в ремонте. Налоги не позволяли поддерживать его в надлежащем состоянии. Но теперь, когда дети взрослые и способны сами себя обеспечить, можно подумать о ремонте.

— Сколько у вас детей?

— Два сына. Один в армии. Второй только что кончил Оксфорд. Собирается работать в издательской фирме.

Он посмотрел на каминную полку, и взгляд Гвенды последовал туда же. Там стояли две рамки с фотографиями парней — предположительно восемнадцати и девятнадцати лет — с гордыми добрыми лицами. Фотографии сделаны, видимо, несколько лет назад.

— Они хорошие парни, извините, что я хвалю их сам.

— Они действительно очень милы, — сказала Гвенда.

— Да, — задумчиво проговорил Эрскин. — Думаю, и впрямь дети стоят того, чтобы ради них жертвовать... собой, — уточнил он после короткой паузы, отвечая на вопросительный взгляд Гвенды.

— Я полагаю, при этом приходится от многого отказываться?

— Порой от очень многого...

Она снова уловила в его словах некий скрытый смысл, но миссис Эрскин перебила его, спросив властным тоном:

— И вы в самом деле ищете дом в этой части

страны? Боюсь, я не смогу посоветовать вам ничего подходящего поблизости.

«И даже если бы знала подходящую усадьбу, то все равно не сказала бы, — подумала Гвенда с внезапной враждебностью. — Эта глупая старая дама просто ревнует. Ревнует потому, что я беседую с ее мужем, и потому, что я молода и привлекательна».

— Это зависит от того, насколько срочно вам нужен дом, — сказал Эрскин.

— Никакой спешки, — спокойно сказал Джайлз. — Мы хотим найти нечто действительно стоящее. В настоящее время у нас есть дом в Диллмуте, на южном побережье.

Майор Эрскин поднялся с места, чтобы принести коробку с сигаретами, стоявшую на столе у окна.

— Диллмут, — сказала миссис Эрскин безразличным голосом, пристально глядя в затылок мужа.

— Прелестный небольшой городок, — продолжал Джайлз. — Вам не приходилось там бывать?

На какой-то короткий момент воцарилась тишина, которую нарушил все тот же безразличный голос миссис Эрскин:

— Однажды, много лет назад, мы провели там

летом несколько дней. Нам там не понравилось, слишком расслабляющий климат.

— Да, — согласилась Гвенда. — Нам тоже так показалось. Мы с Джайлзом предпочли бы более бодрящий воздух.

Эрскин вернулся с сигаретами и протянул коробку Гвенде, говоря:

— Вы найдете здешний воздух действительно бодрящим. — В его голосе отчетливо слышалась жесткость.

Гвенда подняла на него взгляд, когда он поднес ей зажигалку.

— А вы хорошо помните Диллмут? — равнодушным тоном спросила она.

Его губы дернулись, словно от внезапной болевой спазмы. Он ответил уклончиво:

— Думаю, достаточно хорошо. Мы останавливались, кажется, в отеле «Ройял Джордж»... нет, дайте вспомнить, — в «Ройял Кларенс».

— О да, это чудный старомодный отель. Наш дом почти рядом. Он называется «Хиллсайд», но раньше назывался «Сент... Сент... Мэри», так, Джайлз?

— «Сент-Катрин», — поправил ее Джайлз.

На этот раз реакция была явной. Эрскин быстро отвернулся. А чашечка миссис Эрскин запрыгала

по блюдцу.

— Может быть, вы хотите посмотреть сад? — поспешно предложила она.

— О да, с удовольствием.

Они вышли через балконную дверь в сад, со вкусом устроенный и ухоженный, с длинной оградой и дорожками, выложенными плиткой. Как поняла Гвенда, уход за садом был приятной обязанностью майора Эрскина. Когда он говорил о розах и травяных газонах, его мрачное, печальное лицо прояснялось. Несомненно, работа в саду была его призванием.

Когда они наконец распрощались и ехали в автомобиле обратно, Джайлз нерешительно спросил:

— Ты... ты на самом деле уронила его?

Гвенда кивнула.

— Около второго куста дельфиниума. — Она взглянула на свой палец и рассеянно покрутила на нем обручальное кольцо.

— И думаешь, что никогда уже его не найдешь?

— Да это же не настоящее мое обручальное кольцо. *Этим* я никогда не стала бы рисковать.

— Я рад это слышать.

— Я очень дорожу этим кольцом. Помнишь, что

ты сказал, когда надевал его мне на палец? «Этот зеленый изумруд моей хорошенькой зеленоглазой маленькой кошечке».

— Я сказал бы, — бесстрастно произнес Джайлз, — что наши проявления нежности могут со стороны выглядеть странными, скажем, в глазах людей поколения мисс Марпл.

— Я все думаю, что она делает сейчас, наша милая старушка. Греется на солнышке?

— Как бы не так! Насколько я ее знаю, она не сидит на месте, высматривает, выведывает, задает кому-то вопросы. Надеюсь, она не слишком усердствует?

— Для пожилой леди разговорчивость и общительность совершенно естественны. Другое дело, если бы мы с тобой этим занимались.

Джайлз снова помрачнел.

— Я не согласен с тобой. — Он немного помолчал. — Ты именно этим и занимаешься. У меня такое чувство, что я сам сижу дома, а тебя посылаю делать грязную работу.

Гвенда провела пальцем по его щеке, чтобы успокоить.

— Знаю, дорогой, знаю. Но ты должен признать, что тут требуется сноровка. Ведь это же наглость — выспрашивать мужчину о его старых любов-

ных делах, только дерзкая женщина может с этим справиться, и к тому же умная. А я считаю себя умной.

— Я знаю, что ты умная. Но что, если Эрскин и есть тот человек, которого мы ищем...

Гвенда ответила с уверенностью:

— Не думаю, что это он.

— Ты считаешь, что мы идем по ложному следу?

— Вовсе нет. Я полагаю, что он был влюблен в Элен. Но он хороший, Джайлз, очень хороший. Совсем не из тех, которые могут задушить.

— У тебя невероятно большой опыт общения с людьми, которые способны задушить человека, да, Гвенда?

— Нет. Но мне присущ женский инстинкт.

— Именно так, я думаю, часто говорят жертвы душителей. Ну, Гвенда, шутки в сторону, смотри будь осторожна.

— Конечно. Мне так жаль этого беднягу... жить с такой женой-драконом. Держу пари, у него несчастная жизнь.

— Она странная женщина...

— Да, какая-то зловещая. Ты видел, как она все время смотрела на меня?

— Надеюсь, наш план удастся.

III

План был приведен в действие на следующее утро.

Джайлз, словно детектив в бракоразводном деле, занял наблюдательный пост, откуда хорошо просматривались ворота поместья Анстелл. Примерно в половине двенадцатого он доложил Гвенде, что все идет нормально. Миссис Эрскин уехала на маленьком «Остине», видимо, на рынок в городок, что находится в трех милях отсюда.

Гвенда подъехала к воротам и позвонила в колокол. Она спросила миссис Эрскин, и ей сказали, что та уехала. Тогда она попросила майора Эрскина. Майор Эрскин был в саду. Он занимался клумбой и при появлении Гвенды оставил свое занятие.

— Мне так жаль беспокоить вас, — сказала Гвенда. — Но, думаю, вчера где-то здесь я уронила кольцо. Помню, что оно было у меня на пальце, когда мы вышли сюда после чая. Оно мне немного велико. Я просто не переживу, если потеряю его, потому что это мое обручальное кольцо.

И тут же начались поиски. Гвенда повторила свой вчерашний путь, стараясь вспомнить, где она останавливалась и до каких цветов дотра-

гивалась. И вдруг кольцо обнаружилось около большой купы дельфиниума. Гвенда вздохнула с огромным облегчением.

— А теперь могу ли я предложить вам что-нибудь выпить, миссис Рид? Пива? Бокальчик шерри? Или, может быть, вы предпочитаете кофе или что-то вроде этого?

— Я не хочу ничего, нет, в самом деле. Вот если только сигарету... благодарю вас.

Она опустилась на скамью, и Эрскин сел рядом.

Несколько минут они молча курили. Сердце Гвенды отчаянно колотилось. У нее нет выбора. Она должна сделать решительный шаг.

— Я хочу кое о чем вас спросить, — начала она. — Может быть, вы сочтете это большой наглостью с моей стороны. Но мне необходимо знать... и, возможно, вы — единственный человек, который способен мне помочь. Мне кажется, что вы когда-то были влюблены в мою мачеху.

Он повернулся и с удивлением посмотрел на нее.

— В вашу мачеху?

— Да, в Элен Кеннеди. Позже ставшую Элен Холлидей.

— Понятно. — Мистер Эрскин казался совер-

шенно спокойным. Его невидящий взор был устремлен на залитую солнцем лужайку. Сигарета тлела у него в руке. Сидевшая рядом Гвенда ощутила смятение в его напряженной позе. Потом его рука осторожно коснулась руки Гвенды, и, будто отвечая на вопрос, заданный самому себе, он сказал: — Письма, я полагаю.

Гвенда не ответила.

— Я не писал ей много: два, может быть, три раза. Она сказала, что уничтожила их, но ведь женщины никогда не уничтожают писем, не так ли? И вот они попали к *вам.* И вы хотите все узнать.

— Просто я хотела больше знать о ней. Я... очень любила ее. Хотя и была совсем маленьким ребенком, когда она ушла.

— Она ушла?

— А вы не знали?

Его взгляд, искренний и удивленный, встретился с ее взглядом.

— Я ничего не знал о ней, — сказал он, — с... с того лета в Диллмуте.

— Так вы не знаете, где она теперь?

— Откуда мне знать? Столько лет прошло... лет. Все кончено и забыто.

— Забыто?

Он горько улыбнулся.

— Нет, наверное, не забыто... Вы очень проницательны, миссис Рид. Но расскажите мне о ней. Ведь она не... умерла, верно?

Внезапно налетел порыв холодного ветра и охладил их разгоряченные лица.

— Не знаю, мертва она или нет, — сказала Гвенда. — Я ничего о ней не знаю. Я думала, может, *вы* что-то знаете?

Он покачал головой, и она продолжала:

— Знаете, она ушла из Диллмута тем летом. Совершенно неожиданно, однажды вечером. Никому ничего не сказав. И больше не вернулась.

— И вы думали, может быть, у меня были какие-нибудь известия от нее.

— Да.

Он покачал головой:

— Нет. Ни единого слова. Но, наверное, ее брат, доктор... который живет в Диллмуте. Он должен знать. Или он тоже умер?

— Нет, он жив. Но тоже ничего не знает. Понимаете, все думают, что она исчезла с кем-то.

Он повернулся и посмотрел на нее. Глубоким печальным взглядом.

– Полагали, что она ушла со мной.

— Да, такое предположение высказывалось.

— А была ли такая возможность? Не думаю. Нет. Или мы были настолько глупы, что сознательно упустили такую счастливую возможность?

Гвенда промолчала, и Эрскин снова повернул голову и посмотрел на нее.

— Лучше послушайте обо всем этом. Хотя, в сущности, вы не много узнаете из моего рассказа. Но мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось ошибочное представление об Элен. Мы познакомились на пароходе по пути в Индию. К моменту нашего отъезда один из сыновей заболел, и жене пришлось ждать следующего рейса. Элен ехала туда, чтобы выйти замуж за чиновника лесной или какой-то другой фирмы. Она не любила его. Это был просто старый друг, хороший и добрый, и она хотела уехать из дома, где была несчастлива. И мы влюбились друг в друга. — Он помолчал, а потом продолжал: — Эти слова звучат банально. Но в данном случае это не так, я хочу, чтобы вы поняли: это не была обычная любовная интрижка на корабле. Мы полюбили всерьез. Для нас это было... потрясением. Но я не мог оставить Джанет и детей. Элен считала так же. Если бы речь шла только о Джанет, но ведь были еще и мальчики. Словом, никаких надежд на будущее. И мы договорились попрощаться и постараться забыть друг

друга. — Он грустно усмехнулся. — Забыть? Я никогда не забывал ее — ни на один миг. Моя жизнь превратилась в ад. Я не мог заставить себя не думать об Элен... Да, она не вышла замуж за парня, к которому ехала. В последний момент отказалась. Она поехала домой, в Англию, и на обратном пути встретила другого мужчину, вашего отца, как я понимаю. Она сообщила мне об этом через пару месяцев. Тот мужчина был ужасно несчастлив, потеряв жену, писала она, а при нем был еще и ребенок. Она подумала, что сможет сделать его счастливым, и решила выйти за него замуж. Она писала из Диллмута. Примерно через восемь месяцев скончался мой отец, и я вернулся в Англию. Мы хотели отдохнуть несколько недель, прежде чем поселиться в родовом поместье. Моя жена предложила Диллмут. Какие-то ее друзья настоятельно советовали это приятное и тихое место. Она, конечно, ничего не знала об Элен. Можете представить себе мое искушение: увидеть ее снова! Увидеть того самого мужчину, за которого она вышла замуж... — Эрскин помолчал немного, потом продолжал: — Мы остановились в отеле «Ройял Кларенс». И этот приезд был ошибкой. Видеть Элен было для меня адской мукой... Она казалась довольно счастливой... я не знал, сохра-

нились у нее ко мне какие-то чувства или нет... Возможно, они уже остались в прошлом. Но тем не менее моя жена, видимо, что-то заподозрила. Она... она очень ревнивая женщина, всегда была такой. — Он резко оборвал себя: — Вот и все. Мы уехали из Диллмута...

— Семнадцатого августа, — подсказала Гвенда.

— Именно в тот день? Возможно, я точно не помню.

— Это была суббота.

— Да, вы правы. Как сейчас помню, Джанет еще сказала, что дороги на север будут забиты, но, кажется, она была не права...

— Пожалуйста, попытайтесь вспомнить, майор Эрскин. Когда вы в последний раз видели мою мачеху... Элен?

Он улыбнулся доброй улыбкой.

— Мне не придется для этого чересчур напрягаться. Я видел ее вечером накануне нашего отъезда. На пляже. Я прогуливался там после обеда... и увидел ее. Вокруг никого не было. Я проводил ее до дому. Мы прошли через сад...

— Который был час?

— Не знаю... Часов девять, наверное.

— И вы попрощались?

— И мы попрощались. — Он снова засмеялся. —

О, это было совсем не то прощание, о котором вы думаете. Оно было коротким и сухим. Элен сказала: «Пожалуйста, уходите. Уходите быстро. Лучше мне не...» Она замолчала... и я... я ушел.

— Снова в отель?

— Да, да, в конечном счете в отель. Но сначала я долго ходил по округе.

— Трудно ориентироваться в датах по прошествии стольких лет, — сказала Гвенда. — Но мне кажется, что именно в тот самый вечер она исчезла навсегда.

— Ясно. И поскольку мы с женой уехали на следующий день, пошла молва, что она убежала со мной. Странные мысли порой приходят людям в голову.

— И все-таки, — напрямик спросила Гвенда, — она не уехала с вами?

— Боже правый, нет, у нас никогда не возникало такой мысли.

— Тогда как вы думаете, почему она ушла?

Эрскин нахмурился. Он посерьезнел и задумчиво проговорил:

— Понимаю. Ответ на этот вопрос весьма важен в данной ситуации. Она не оставила... э-э... какого-нибудь объяснения?

Гвенда подумала и высказала свое личное

мнение:

— Нашли какую-то записку. А вы считаете, что она бежала с кем-нибудь другим?

— Нет, конечно.

— Вы, кажется, уверены в этом.

— Уверен.

— Так почему же она убежала?

— Если она убежала вот так, внезапно, возможно только одно объяснение: *она бежала от меня.*

— От вас?

— Да. Она, возможно, боялась, что я буду искать новых встреч с ней, буду надоедать. Она, должно быть, видела, что я все еще влюблен в нее, схожу по ней с ума... Да, должно быть, причина в этом.

— Но это не объясняет, почему она так и не вернулась. Скажите, рассказывала ли вам Элен что-нибудь о моем отце? Что она беспокоится о нем? Или... или боится его? Что-то подобное?

— Боялась его? Почему? О, я понимаю, вы думаете, что он был ревнив. Он действительно был ревнивым человеком?

— Не знаю, он умер, когда я была ребенком.

— Вот как. Нет, он всегда казался мне нормальным и симпатичным человеком. Я знаю, что он любил Элен, гордился ею. Это я ревновал Элен

к *нему*.

— Они казались вам счастливой парой?

— Да. Я радовался этому... и в то же время болезненно переживал... Нет, Элен никогда не говорила со мной о нем. Как я уже сказал, мы почти никогда не оставались с ней наедине и никогда не вели доверительных бесед. Но теперь, в свете того, что вы мне рассказали, мне начинает казаться, что Элен в ту последнюю нашу встречу выглядела встревоженной...

— Встревоженной?

— Да. Тогда я думал, что это из-за моей жены... — Он вдруг замолчал. — Но, видимо, причина была более серьезной? — Он взглянул на Гвенду в упор. — Боялась ли она мужа? Ревновал ли он ее к другим мужчинам?

— Вы, кажется, думаете, что нет.

— Ревность — весьма странная вещь. Внешне она может никак не проявляться. — Он чуть заметно передернул плечами. — Но она может быть страшной, очень страшной.

— И еще одно мне хотелось бы узнать... — Гвенда вдруг замолчала.

Послышался шум подъезжающего автомобиля. Майор Эрскин сказал:

— О, жена вернулась, она ездила за покупка-

ми.

И в мгновение ока он превратился совсем в другого человека. Его тон сделался официальным, а лицо бесстрастным. И лишь легкий трепет рук выдавал его нервное состояние.

Из-за угла дома показалась миссис Эрскин.

Муж поспешил ей навстречу.

— Миссис Рид обронила вчера в саду кольцо, — объяснил он.

— В самом деле? — сурово вопросила миссис Эрскин.

— Доброе утро, — сказала в свою очередь Гвенда. — Да, но, к счастью, я нашла его.

— Вам повезло.

— О да. Было бы ужасно лишиться его. Ну, мне надо идти.

Миссис Эрскин промолчала. Майор Эрскин сказал:

— Я провожу вас до машины.

Он двинулся было за Гвендой, но тут послышался резкий голос его жены:

— Ричард. Надеюсь, миссис Рид извинит тебя, тебе звонят по очень важному делу...

— Все в порядке, — поспешно сказала Гвенда. — Не беспокойтесь, пожалуйста.

Гвенда быстро сбежала с террасы и, обогнув

угол дома, вышла к подъездной дорожке. И в растерянности остановилась. Миссис Эрскин так поставила свой автомобиль, что Гвенда при всем желании не сможет выехать на дорогу. Она немного поколебалась, а потом направилась назад к дому.

У самой двери она застыла как вкопанная.

— Я не желаю слушать твои объяснения, — услышала она резкий низкий голос миссис Эрскин. — Ты специально подстроил это. Договорился вчера с этой женщиной, чтобы она приехала сюда, когда я буду в Дейте. Ты всегда был таким... любая хорошенькая девушка. Я не потерплю этого. Запомни, не потерплю.

А потом молящий, полный отчаяния голос майора:

— Порой, Джанет, мне кажется, что у тебя и в самом деле с психикой не все в порядке.

— Это не у меня, а у тебя непорядок с психикой. Ты не можешь оставить женщин в покое.

— Ты же знаешь, что это не так, Джанет.

— Нет, это *именно* так! Еще давно... в том городе, откуда приехала эта женщина... в Диллмуте. И ты еще смеешь мне говорить, что не был влюблен в ту, желтоволосую, жену Холлидея?

— Ты все никак не можешь забыть? Зачем во-

рошить старое? Ты просто распаляешь себя и...

— Ты! Ты разбиваешь мое сердце... Я не вынесу этого, попомни мои слова! Не вынесу! Запланированное любовное свидание! Смеетесь у меня за спиной. Ты не заботишься обо мне и никогда не заботился. Я покончу с собой! Брошусь со скалы... я хочу умереть...

— Джанет, Джанет, ради бога...

Резкий голос умолк. Звук страстных рыданий сотряс летний воздух.

Гвенда на цыпочках пробралась обратно к подъездной дороге. Она подумала минуту и позвонила во входную дверь.

— Не найдется ли кого-нибудь, кто смог бы передвинуть этот автомобиль? — спросила она вышедшего на звонок слугу. — Я не могу выехать отсюда.

Слуга пошел в дом. Вскоре из-за здания, которое, скорее всего, служило конюшней, появился человек. Он коснулся рукой кепки, приветствуя Гвенду, сел в «Остин» и отогнал его во двор. Гвенда проворно нырнула в свою машину и помчалась в отель, где ее ждал Джайлз.

— Сколько же времени ты там пробыла! — воскликнул он. — Получилось что-нибудь?

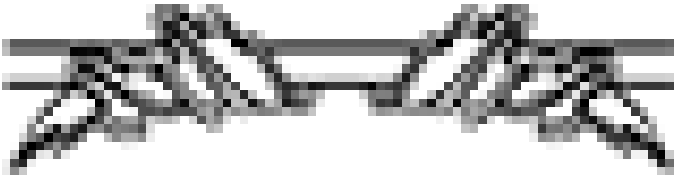
— Да. Теперь мне известно все. Просто роман-

тическая история. Он был страстно влюблен в Элен. — И она рассказала Джайлзу о своем визите во всех подробностях. — Я в самом деле думаю, — заметила она, заканчивая рассказ, — что миссис Эрскин немного не в себе. То, что она говорила, весьма смахивает на бред. Я теперь понимаю, что он имел в виду, говоря о ревности. Это просто ужасно. Но так или иначе, мы теперь знаем, что Эрскин не бежал с Элен и что ему ничего не известно о ее смерти. Она была жива в тот вечер, накануне его отъезда из Диллмута.

— Да, — сказал Джайлз. — По крайней мере, он это утверждает.

Гвенда была явно недовольна реакцией мужа и, твердо чеканя слова, повторила:

– *Именно так он и сказал.*



Глава 18

ВЬЮНКИ

Мисс Марпл, стоя на ступеньках террасы, ведущих в сад, пыталась раздвинуть непокорные плети вьющихся растений. Ей удалось это лишь отчасти, потому что они прочно вросли в землю. Но по крайней мере хотя бы на время она высвободит дельфиниумы из плена.

В окно гостиной выглянула миссис Коккер.

— Извините меня, мадам, но пришел доктор Кеннеди. Он хочет узнать, как долго будут от-

сутствовать мистер и миссис Рид. Я не смогла дать ему точный ответ и решила спросить вас. Я приглашу его сюда?

— О! О да, конечно, миссис Коккер.

Вскоре миссис Коккер появилась снова, сопровождаемая доктором Кеннеди.

С некоторым трепетом мисс Марпл представилась ему.

— ...И я договорилась с милой Гвендой, что, пока их нет, буду заходить и понемногу заниматься прополкой. Думаю, вам известно, что моим юным друзьям навязали бездельника садовника по имени Фостер. Он приходит дважды в неделю, выпивает несчетное количество чашек чаю, много болтает и, насколько я знаю, не так уж много работает.

— Да, — ответил доктор Кеннеди несколько рассеянно. — Да. Они все одинаковы, все одинаковы.

Мисс Марпл оценивающе посмотрела на него. Он показался ей старше, чем она думала, судя по описаниям Ридов. Преждевременная старость, догадалась она. Да и вид у него был обеспокоенный и несчастный. Он стоял, поглаживая рукой свой слегка вздернутый подбородок.

— Так, значит, они уехали, — сказал он. — Не

знаете, надолго ли?

— О нет, ненадолго. Они поехали навестить друзей в Северной Англии. Молодые люди кажутся мне такими беспокойными, вечно кидаются то туда, то сюда.

— Да, — ответил доктор Кеннеди. — Да, это верно. — Он помолчал, а потом сказал как-то неуверенно: — Молодой Джайлз Рид писал мне и просил некоторые бумаги... э... письма... если я смогу их отыскать...

Он замешкался, и мисс Марпл спокойно спросила:

— Письма вашей сестры?

Он бросил на нее быстрый, проницательный взгляд.

— Так... вы в курсе дела? Вы — родственница?

— Всего только друг, — ответила мисс Марпл. — Я советовала им, пуская в ход все разумные доводы, оставить все как есть, но люди редко внемлют советам... Жаль, конечно, но это так...

— И каков же был ваш совет? — с любопытством спросил он.

— Не углубляться в расследование, — твердо заявила мисс Марпл.

Доктор Кеннеди тяжело опустился на неудобный деревенский стул.

— Это неплохой совет. Мне нравится Гвенда. Она была прекрасным ребенком. И насколько я могу судить, со временем превратилась в славную молодую женщину. И я боюсь, что ее подстерегают неприятности.

— Да, вокруг столько разных неприятностей! — сказала мисс Марпл.

— Э? Да-да... совершенно справедливо. — Он вздохнул, а потом продолжал: — Я получил письмо от Джайлза Рида, в котором он просил предоставить в его распоряжение письма моей сестры, написанные после того, как она покинула эти места, а также образец ее подлинного почерка. — Он бросил на мисс Марпл проницательный взгляд. — Вы понимаете, что это значит?

Мисс Марпл кивнула:

— Думаю, что да.

— Они снова вернулись к версии, согласно которой Келвин Холлидей говорил правду и именно он задушил жену. Они считают, что письма, полученные мною после исчезновения Элен, написаны не ею, что это фальшивка. Они уверены, что она не покинула этот дом живой.

Мисс Марпл мягко спросила:

— Ну а у вас самого нет такой уверенности?

— Нет. — Доктор Кеннеди все еще продолжал

смотреть прямо перед собой. — Мне все кажется совершенно ясным. Чистая галлюцинация у Келвина. Нет ни тела, ни чемодана с вещами... что еще я могу подумать?

— А ваша сестра... в то время... скажем так... проявляла интерес... к... к определенному джентльмену?

Доктор Кеннеди перевел взгляд на мисс Марпл. В его глазах была глубокая боль.

— Я любил сестру, — ответил он. — Но должен признать, что Элен всегда была неравнодушна к мужчинам. Есть такой тип женщин, которые просто не могут обходиться без мужчин.

— Тогда вам все казалось ясным, — сказала мисс Марпл. — Но сейчас представляется не столь уж бесспорным. Почему?

— Да потому, что я глубоко убежден: будь Элен жива, она непременно давала бы время от времени знать о себе. И так же странно, что в случае ее смерти меня об этом не известили. Ну... — Он достал из кармана конверт. — Здесь все, что я смог отыскать. Первое письмо, полученное от Элен, оказалось утерянным. Я так и не смог отыскать его. Но сохранилось второе, то самое, где был указан адрес до востребования. А это для сравнения единственный образец почерка Элен, который у

меня сохранился. Список луковиц и семян для посадки. Копия заказа. Почерк в обоих случаях мне кажется похожим, но я не специалист. Я оставлю это для Джайлза и Гвенды. Думаю, не стоит все это пересылать им туда.

— О нет. Мне кажется, они должны вернуться завтра или послезавтра.

Доктор кивнул. Он все еще стоял, устремив отсутствующий взгляд куда-то вдаль. И вдруг сказал:

— Знаете, что беспокоит меня? Если Келвин Холлидей на самом деле убил жену, он должен был спрятать тело или каким-то иным образом избавиться от него... а это значит (ибо что еще это могло бы значить?), что вся история, которую он мне поведал, была им тщательно продумана... включая исчезнувший чемодан с вещами Элен... и даже два письма, якобы посланных ею из-за границы... А это означало бы, что он хладнокровный, расчетливый убийца. Маленькая Гвенни была очаровательным ребенком. Нет ничего страшнее для ребенка, чем знать, что твой отец — параноик; но в десять раз хуже, если он окажется хладнокровным и расчетливым убийцей.

Он направился к выходу, но мисс Марпл остановила его, спросив:

— А кого боялась ваша сестра, доктор Кеннеди?

— Боялась? Никого, насколько мне известно.

— Я только подумала... Ради бога, извините, если мой вопрос покажется вам бестактным... но был некий молодой человек, не так ли? Я имею в виду какую-то историю... когда она была совсем молодой. Некто по фамилии *Аффлик*. Так, кажется.

— А, это. Глупые истории, в которые попадают девушки по неопытности. Молодой парень, темная личность и, уж конечно, не ее круга, совсем не ее круга. Потом у него здесь были неприятности.

— Я подумала, не мог ли он... мстить.

Доктор Кеннеди улыбнулся, скорее скептически:

— О, не думайте, что это было глубокое чувство. Так или иначе, как я сказал, у него возникли неприятности, и он был вынужден навсегда покинуть город.

— А что за неприятности?

— О, ничего криминального. Только неблагоразумие. Много болтал о делах хозяина.

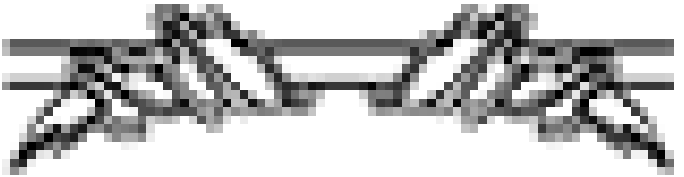
— А его хозяином был мистер Волтер Фейн?

Доктор Кеннеди посмотрел на нее с некоторым удивлением.

— Да... да... вы сказали, и я вспомнил, он дей-

ствительно работал в фирме Фейна и Вотчмена. Не стажером. Простым клерком.

Простым клерком? Мисс Марпл была слегка удивлена. После ухода доктора Кеннеди она вернулась к своим вьюнкам.



Глава 19

МИСТЕР КИМБЛ ЗАГОВОРИЛ

— Не знаю, я уверена в этом, — сказала миссис Кимбл.

И тут нарушил свое привычное молчание ее супруг, а побудило его к тому не что иное, как гнев.

Решительным жестом он отодвинул от себя чашку.

— О чем это ты думаешь, Лили?! *Почему без сахара?*

Миссис Кимбл поспешно исправила оплош-

ность и вернулась к своей теме:

— Я все думаю насчет этого объявления, вот что. Лили Эбботт, написано там, ясно и понятно. И «бывшая горничная в «Сент-Катрин» в Диллмуте». Это я и есть, все верно.

— Ну, — подтвердил мистер Кимбл.

— После стольких лет, согласись, Джим, это очень странно.

— Ну...

— Так что мне делать, Джим?

— Выбрось вон из головы.

— А если это связано с деньгами?

Раздался булькающий звук — это мистер Кимбл осушал чашку чаю, чтобы вооружиться для умственного напряжения, связанного с необходимостью произнести длинную речь. Он отодвинул чашку и, прежде чем пуститься в рассуждения, бросил лаконичное: «Еще».

— Ты одно время много говорила о том, что случилось в «Сент-Катрин». Я не очень-то в это верю, все это глупости, бабская болтовня. А может, и нет. Может быть, что и случилось. Если так, то это дело полиции и тебе незачем в это влезать. Все давно прошло, верно? Выбрось все это из головы, моя девочка.

— Тебе хорошо говорить. А если речь идет о

деньгах, которые причитаются мне по завещанию? Может быть, миссис Холлидей умерла только теперь и упомянула меня в своем завещании.

— Упомянула тебя в завещании? Да с какой стати? Подумай только! Ну! — сказал мистер Кимбл, закончив эту необычайно длинную для него тираду своим излюбленным односложным восклицанием, на этот раз выражавшим презрение.

— А даже если и полиция... Знаешь, Джим, иногда обещают большое вознаграждение за помощь в поимке убийцы.

— И чем же ты можешь помочь? Знать ты ничего не знаешь, а все выдумала из головы.

— Это ты так говоришь. А я думаю...

— Ты думаешь! — с презрительной гримасой изрек мистер Кимбл.

— Да, я думаю... С того самого момента, как прочитала в газете. Может быть, я знаю что-то и похуже. Та самая Лейони, она была немного глуповата, как все иностранцы, не могла как следует понять, что ей говорили, ее английский был совершенно ужасен. Если она не имела в виду то, что она мне сказала... Я все пытаюсь вспомнить имя того мужчины... И если она видела именно его... Помнишь фильм, про который я тебе расска-

зывала? *«Тайный любовник».* Такой интересный! В конце концов его распознали по автомобилю. Он заплатил пятьдесят тысяч долларов рабочему в гараже, чтобы тот забыл, что заправлял его машину ночью. Не знаю, сколько это будет в переводе на фунты... А там был еще один, и муж просто рехнулся от ревности. Все они по ней с ума сходили. А в конце...

Мистер Кимбл с грохотом отодвинул свой стул. Он медленно и с сознанием своей важности поднялся на ноги. Готовясь покинуть кухню, он выдвинул ультиматум, ультиматум человека, который, несмотря на неумение членораздельно излагать свои мысли, отличался определенным хитроумием.

— Выбрось все это из головы, моя девочка, — заявил он. — Иначе будешь горько потом жалеть.

Он вышел в судомойню при кухне, надел сапоги (Лили ревностно следила за чистотой пола на кухне) и удалился.

Лили села за кухонный стол и погрузилась в фантазии, доступные ее ограниченному умишку. Конечно, она не может действовать наперекор мужу, но тем не менее... Джим такой ограниченный, такой отсталый. Вот если бы можно было с кем-то посоветоваться... Кто знает про возна-

граждения, и про полицию, и про все прочее. Жаль упускать возможность получить хорошие деньги.

Радиоприемник... прибор для завивки... пальто вишневого цвета, такое модное... и даже, может быть, старинный гарнитур «Жакоб» для гостиной...

Распаляемая алчностью, она все глубже и глубже погружалась в мечты... Так что же *точно* сказала ей Лейони много лет назад?

Наконец она приняла решение. И вооружилась чернилами, пером и стопкой бумаги.

— Знаю, как мне следует поступить, — сказала она себе. — Напишу доктору, брату миссис Холлидей. Он-то скажет мне, что надо делать... если только он жив. И пусть останется на моей совести, что я ничего не сказала тогда ему про Лейони... и про тот автомобиль.

Потом на некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая только скрипом пера. Ей очень редко случалось писать письма, и сочинение послания доктору потребовало от нее больших усилий.

Тем не менее письмо было написано, положено в конверт и запечатано.

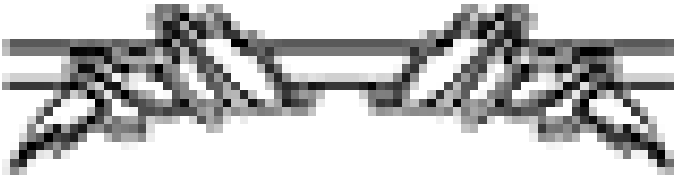
Однако она не испытала при этом того огромного удовлетворения, на которое рассчитывала.

Десять к одному за то, что доктор или умер, или уехал из Диллмута.

Был ли замешан в этой истории кто-нибудь еще?

И как звали того молодого человека?

Если бы только она могла вспомнить *это*...



Глава 20

ДЕВУШКА ЭЛЕН

Джайлз и Гвенда едва закончили завтрак на следующий день после возвращения из Нортумберленда, как им доложили о приходе мисс Марпл.

Она начала с извинения:

— Боюсь, я слишком рано явилась с визитом. Это совсем не в моих правилах. Но мне надо кое-что сообщить вам.

— Мы всегда счастливы видеть вас, — сказал

Джайлз, подвигая ей стул. — Выпейте чашечку кофе.

— О, нет, нет, благодарю, не надо ничего. Я уже *неплохо* позавтракала. Позвольте мне сказать кое-что. Пока вы были в отъезде, я приходила сюда, с вашего любезного позволения, чтобы заняться прополкой...

— Очень любезно с вашей стороны, — поблагодарила ее Гвенда.

— Кстати, два раза в неделю совсем недостаточно для этого сада. Во всяком случае, думаю, что Фостер пользуется вашей добротой. Слишком много чая и слишком много разговоров. Мне стало ясно, что он не сможет работать еще и третий день, поэтому я взяла на себя смелость нанять еще одного человека — на среду — как раз на сегодня.

Джайлз с недоумением посмотрел на нее. Он был немного удивлен. Трудно поверить, но действия мисс Марпл напоминали вмешательство в их дела. А это было совсем не похоже на нее.

— Фостер, — робко заметил он, — по-моему, слишком стар для такой тяжелой работы.

— Боюсь, мистер Рид, что Маннинг даже старше Фостера. Ему семьдесят пять, как он мне сказал. Но, понимаете ли, я решила его нанять всего на

несколько дней, и это может оказаться очень полезным, потому что он много лет назад работал у доктора Кеннеди. А имя того молодого человека, с которым Элен была помолвлена, было, между прочим, Аффлик.

— Мисс Марпл, — сказала Гвенда. — Я мысленно упрекнула вас. Но вы — гений. А знаете ли вы, что я получила образцы почерка Элен от Кеннеди?

— Знаю. Я была здесь, когда он принес их.

— Отправлю их по почте сегодня же. Я на прошлой неделе достала адрес хорошего графолога. Пойдемте в сад, познакомимся с Маннингом, — предложила Гвенда.

Маннинг был согбенным, сварливым стариком со слезящимися хитроватыми глазками. Когда наниматели подошли ближе, темп его работы по расчистке дорожки заметно ускорился.

— Доброе утро, сэр. Доброе утро, мадам. Леди сказала, что вам требуется еще один работник на среду. Мне это подходит. А здесь все ужасно запущено.

— Боюсь, что садом не занимались много лет.

— Так и есть. Я припоминаю, какой он был при миссис Файндисон. Просто картинка. Она очень любила сад, миссис Файндисон.

Джайлз взялся за газонокосилку, Гвенда срезала несколько бутонов роз. Мисс Марпл, немного отойдя в сторону, занялась вьюнками. Старик Маннинг снова начал орудовать граблями. Все располагало к непринужденному разговору о прежних временах и садоводстве в те старые добрые времена.

— Я полагаю, вы знаете все сады в округе, — для затравки сказала Гвенда.

— Да, я действительно знаю эти места сравнительно хорошо. Забавные люди здесь жили. Вот миссис Юл, в «Ниагре», у нее была живая изгородь из тиса, и она подстригала ее в форме белок. Глупо, я думаю. Павлины — совсем другое дело, а белки — нет. А вот полковник Лампард был большой любитель бегоний. У него были красивые клумбы с бегониями. Теперь клумбы вышли из моды. Не буду вам говорить, сколько мне пришлось разбивать клумб на газонах перед домами и выкладывать их дерном за последние шесть лет. Кажется, люди совсем потеряли интерес к герани и лобелии.

— Вы работали у доктора Кеннеди, не так ли?

— Да, давно это было. Наверное, в двадцатом году. Теперь он уехал, насовсем. Сейчас в его доме, в «Кросби-Лодж», живет доктор Брент. У него

странные методы лечения — маленькие белые таблетки. Он зовет их виттапины.

— Думаю, вы помните Элен Кеннеди, сестру доктора.

— Да, я хорошо помню мисс Элен. Хорошенькая была. С длинными желтыми волосами. Доктор очень заботился о ней. Когда она вернулась, то жила в этом самом доме, после того как вышла замуж. Военный джентльмен, из Индии.

— Да, — сказала Гвенда, — мы знаем.

— А, я слышал — как раз вечером в субботу, — что вы и ваш муж приходитесь ей родственниками. А мисс Элен была хорошенькая, как картинка, когда она вернулась из школы. Полная веселья. Хотела успеть и на танцы, и на теннис, и повсюду. А мне тогда пришлось размечать теннисный корт, и, скажу вам, им не пользовались лет двадцать. И он зарос кустами. Мне пришлось обрезать их. *И добыть извести, чтобы разметить линии.* Много работы сделано, а там почти не играют. Странная вещь вышла, скажу я вам.

— Какая странная вещь? — спросил Джайлз.

— Дела на теннисном корте. Кто-то пришел ночью и порезал сетку на ленты. Прямо на ленты. Со зла, скажу я вам. Так оно и было — мерзкое зло.

— Но кто мог сделать такую вещь?

— Вот и доктор тоже хотел это знать. Он был вне себя от этого, и я его не виню. Но никто из нас не мог сказать, кто это сделал. Мы так никогда и не узнали. А он сказал, что не собирается покупать другую — и правильно сделал, — порезали, мол, одну, порежут и другую. Но мисс Элен очень переживала, ей всегда не везло, сначала эта сетка, а потом ее бедная нога.

— Бедная нога? — переспросил Джайлз.

— Да, споткнулась о железную скобу или еще обо что-то и поранила ногу. Казалось бы, всего лишь легкая царапина, но никак не заживала. Доктор очень беспокоился. Он перевязал и лечил рану, но лучше не становилось. Я помню, как он говорил: «Не могу понять, здесь, наверное, был какой-то скептик — или еще какое-то слово он сказал, — на той скобе. И кстати, откуда эта скоба взялась на дорожке?» Мисс Элен споткнулась об нее, идя домой темным вечером. Бедная девочка, не могла ходить на танцы и все сидела, держа вытянутую ногу на стуле. Казалось, что ей просто не везет.

«Сейчас как раз время перевести разговор в нужное русло», — подумала Гвенда. И как бы невзначай спросила:

— А вы знали некоего Аффлика?

— Да. Вы имеете в виду Джекки Аффлика? Который служил у Фейна и Вотчмена?

— Да. Он был другом мисс Элен?

— Это была ерунда. Доктор быстро пресек ее и был совершенно прав. Он был непорядочный, этот Джекки Аффлик, и к тому же жулик. Ничего не признавал. Но он был здесь недолго. Попал в беду по своей вине. Пришлось ему убираться. В Диллмуте его никто не любил. Уехал и на чем-то хорошо заработал.

— Он был здесь, когда порезали теннисную сетку? — спросила Гвенда.

— А, понимаю, что вы думаете. Но он не смог бы сотворить такую глупость. Он был толковый, Джекки Аффлик. А тот, кто это сделал, был просто зол.

— А был здесь кто-нибудь, кто питал неприязнь к мисс Элен? Был бы зол на нее?

Старик Маннинг тихонько фыркнул.

— Некоторые молодые люди вполне могли затаить на нее злобу. Большинство из них ей в подметки не годились. Нет, я скажу, что все это было сделано по глупости. Какой-то бродяга из зависти.

— А может быть, мисс Элен была в ссоре с Джекки Аффликом? — предположила Гвенда.

— Не думаю, что мисс Элен вообще обращала внимание на молодых людей. Просто любила развлекаться, вот и все. Некоторые из них бегали за ней... молодой Волтер Фейн прежде всего. Ходил за ней по пятам, как собачка.

— Но она вообще не обращала на него внимания?

— Нет, не обращала. Мисс Элен только смеялась, вот и все. Он потом уехал за границу, в чужие края. Но вскоре вернулся. Теперь главный в конторе. Так и не женился до сих пор. Я его не виню. Женщины создают много трудностей в жизни мужчины.

— А вы сами женаты? — спросила Гвенда.

— Схоронил двоих, вот так, — ответил Маннинг. — Да ладно, я не жалуюсь. Покуриваю потихоньку трубочку всегда, когда захочу.

Разговор иссяк, и Маннинг снова взялся за грабли.

Джайлз и Гвенда направились по дорожке к дому, и мисс Марпл, отказавшись от своих атак на вьюнки, присоединилась к ним.

— Мисс Марпл, вы что-то неважно выглядите, — заметила Гвенда. — Может быть, что-нибудь...

— Все в порядке, дорогая. — Пожилая дама немного помолчала, прежде чем сказать с ка-

кой-то странной озабоченностью: — А знаете, мне не нравится эта история с теннисной сеткой. Порезали на ленты. Даже если...

Она вдруг замолчала. Джайлз с любопытством взглянул на нее.

— Я не совсем понимаю... — начал было он.

— Не понимаете? А мне это представляется предельно ясным. Но, может быть, к лучшему, что вы не поняли. А может быть, я и не права. А теперь расскажите, как вы съездили в Нортумберленд.

Они подробно изложили все, что им удалось выяснить, и мисс Марпл внимательно их выслушала.

— Все это очень печально, — сказала Гвенда. — Просто трагично.

— Да, в самом деле. Бедняга... бедняга.

— И я тоже так думаю. Как же этот мужчина должен страдать...

— Он? О да. Да, конечно.

— Но вы хотите сказать...

— Ну да... я думаю о *ней*... о жене. Возможно, она очень его любила, и он женился на ней, потому что она казалась ему подходящей парой, а может быть, он пожалел ее по доброте и чувствительности, а на деле — что чаще всего бывает в подобных случаях — такой брак оказывается истинной

пыткой для обоих супругов.

– *«Мне знакомы сотни путей любви, но все они чреваты для любимого печалью»*, — тихо процитировал Джайлз.

— Да, как верно сказано! — подхватила мисс Марпл. — Ревность, как правило, не какое-то одномоментное чувство. Это нечто большее — как бы поточнее выразиться? — нечто гораздо более серьезное. Оно основывается на сознании человека, что его любовь не находит отклика. В его душе зарождается сомнение, он настораживается, опасаясь, что любимый человек увлечется кем-то другим. Что чаще всего и происходит. Миссис Эрскин превратила жизнь мужа в ад, а он, не в силах что-либо изменить, превратил в ад ее жизнь. Но мне кажется, что она страдает больше. И все же, знаете, я беру на себя смелость сказать, что он действительно любит ее.

— Не может этого быть! — воскликнула Гвенда.

— О, моя дорогая, вы еще очень молоды. Он же не оставил жену, а это кое-что значит. Вы же знаете.

— Из-за детей. Из-за чувства долга.

— Из-за детей, может быть, — согласилась мисс Марпл. — Но я должна сказать, что у джентль-

менов, как мне кажется, чувство долга по отношению к женам развито не столь уж сильно, главное для них — карьера.

— Как вы восхитительно циничны, мисс Марпл!.. — рассмеялся Джайлз.

— О, дорогой мистер Рид, надеюсь, что это *не так.* Всегда надо *надеяться* на добрые качества человеческой натуры.

— Я по-прежнему думаю, что это не мог быть Волтер Фейн, — задумчиво сказала Гвенда. — И я уверена, что это не майор Эрскин. Я просто *знаю*, что это был не он.

— Чувство не всегда служит надежным советчиком, — возразила мисс Марпл. — Порой люди совершают уж вовсе невероятные вещи. В моей маленькой родной деревне казначей Рождественского клуба был уличен в том, что поставил все деньги из фонда до последнего пенни на лошадь. А ведь он осуждал лошадиные скачки, так же как любой вид пари и других азартных игр. Его отец был букмекером на скачках и очень плохо обращался со своей женой — так что наш казначей по логике вещей действовал вполне искренно. Но однажды он проезжал на автомобиле около Ньюмаркета и увидел, как наездники тренируют своих лошадей. И не устоял — кровь взяла свое.

— Прошлая жизнь обоих — Волтера Фейна и Ричарда Эрскина, — кажется, вне всяких подозрений, — мрачно, но с легкой усмешкой заметил Джайлз. — И все же убийца представляется мне дилетантом, а не профессионалом.

— Важно, — сказала мисс Марпл, — что оба они находились в этот момент *там.* На месте. Волтер Фейн был в Диллмуте. Майор Эрскин, по его собственному свидетельству, должно быть, виделся с Элен Холлидей перед самой ее смертью... *и вернулся в отель лишь спустя продолжительное время.*

— Но он совершенно откровенно рассказал мне обо всем этом. Он... — Гвенда вдруг осеклась. Мисс Марпл смотрела на нее очень внимательно.

— Я только хочу подчеркнуть, — сказала мисс Марпл, — важность того, что они находились здесь, на месте.

Она перевела взгляд с Гвенды на Джайлза и сказала:

— Мне кажется, вам не составит труда отыскать адрес Дж.Дж.Аффлика, владельца компании междугородных автобусов.

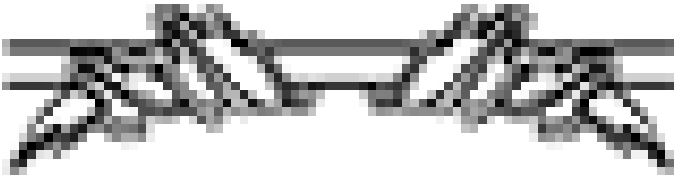
Джайлз кивнул:

— Я этим займусь. Может быть, он значится в телефонном справочнике. — И после некоторой

паузы спросил: — Вы считаете, что нам надо встретиться с ним?

Мисс Марпл ответила не сразу.

— Если вы решите поехать, — сказала она наконец, — то должны быть очень осторожны. Вспомните, что говорил о нем старый садовник. «Джекки Аффлик — умный человек». Пожалуйста... *пожалуйста,* будьте осторожны.



Глава 21

ДЖ.ДЖ.АФФЛИК

I

У Дж.Дж.Аффлика, владельца нескольких автобусных компаний, в телефонном справочнике значилось два номера: конторы в Эксетере и домашний — на окраине города.

Встреча была назначена на следующий день.

Когда Джайлз и Гвенда уже усаживались в автомобиль, из дома, бурно жестикулируя, выбежала

миссис Коккер:

— Звонит доктор Кеннеди, сэр.

Джайлз выскочил из машины и устремился в дом.

— Джайлз Рид слушает.

— Доброе утро. Я только что получил довольно странное письмо. От женщины по имени Лили Кимбл. Я ума не приложу, кто бы это мог быть. Сначала решил, что какая-нибудь пациентка, и это сбило меня с толку. Но потом подумал, что это может быть девушка, которая служила в вашем доме. Горничная, и как раз в то время, которое нас интересует. Я почти уверен, что ее звали Лили, но фамилию я не могу вспомнить.

— Ее звали *именно* Лили. Гвенда помнит ее. Она повязывала на шею коту бант.

— У Гвенды замечательная память.

— Да, это так.

— Так я хотел бы поговорить с вами по поводу этого письма, но не по телефону. Я застану вас дома, если приеду сегодня?

— Мы сейчас отправляемся в Эксетер. Можем заехать к вам, если не возражаете, сэр. Нам как раз по пути.

— Это было бы прекрасно.

— Мне не хотелось распространяться об этом

по телефону, — объяснил доктор, когда они приехали. — Мне всегда кажется, что мой телефон прослушивается на станции. Вот это письмо.

Он разгладил на столе листок дешевой линованной бумаги, испещренный каракулями явно малограмотного человека.

«Дорогой сэр!

Я буду благодарна если вы могли бы дать мне совет насчет прилагаемой заметки которую я вырезала из газеты.

Я все думала и говорила про это с мужем но не знаю как лучше поступить. Как вы думаете это означает деньги или вознаграждение потому что деньги мне нужны но я не хочу иметь дело с полицией я часто думаю про ту ночь когда миссис Холлидей ушла и я не думаю что она на самом деле так сделала потому что вещи были не те. Я сперва думала что это сделал хозяин но теперь я не так уверена потому что видела в окно автомобиль. Шикарный автомобиль и я видела его раньше но не хочу ничего делать не спросясь вас сперва все ли здесь в порядке и не привяжется ли полиция потому что

я раньше не связывалась с полицией и мужу это не понравится. Я могла бы приехать и поговорить с вами сэр если можно в четверг потому что это базарный день и мужа не будет. Буду очень благодарна если вы сможете.

С уважением

Лили Кимбл».

— Письмо было послано на мой старый адрес в Диллмуте, — сказал Кеннеди, — и оттуда переправлено мне сюда. Приложенная к письму вырезка — ваше объявление.

— Прекрасно! — воскликнула Гвенда. — Эта Лили, вы же видите, *она не думает,* что мой отец сделал это!

Гвенда буквально ликовала. Доктор Кеннеди обратил на нее свой добрый усталый взгляд.

— Это прекрасно, Гвенни, — мягко сказал он. — Надеюсь, так оно и есть. А теперь, я думаю, нам лучше поступить следующим образом. Я напишу ей ответ и попрошу приехать сюда в четверг. Сообщение поездом вполне хорошее. Сделав пересадку в Диллмуте, она прибудет сюда вскоре после четырех. Если вы оба тоже приедете сюда в это время, мы сможем все вместе побеседовать

с ней.

— Отлично, — согласился Джайлз. Он взглянул на часы. — Поехали, Гвенда, нам надо торопиться. У нас назначена встреча с мистером Аффликом, а он, как сам изволил заметить, занятой человек.

— Аффлик? — Кеннеди нахмурился. — Ну конечно же! Эти ужасные здоровенные монстры цвета сливочного масла. Но имя Аффлик откуда-то мне знакомо.

— В связи с Элен, — подсказала Гвенда.

— Боже мой... не тот ли это самый парень?

— Да.

— Но он же ничтожный крысенок! И что, он преуспел?

— Не можете ли вы кое-что прояснить, сэр? — спросил Джайлз. — Вы разрушили какие-то отношения, возникшие у него с Элен. Вы поступили так из-за его... так сказать, социального статуса?

— Я весьма старомоден, молодой человек, — сухо заявил доктор Кеннеди. — По современным понятиям, каждый человек так же хорош, как любой другой. Это справедливо, вне всяких сомнений. Но я все же придерживаюсь того мнения, что существует определенный социальный статус, который вы обретаете вместе с рождением,

и я убежден, что необходимо всеми силами стремиться сохранить его. Кроме того, — добавил он, — я считаю, что тот парень — плохой человек. Что он и доказал.

— А что именно он сделал?

— Вот этого я теперь припомнить не могу. Но помню нашумевшую тогда другую историю — он пытался заработать деньги на выдаче какому-то лицу конфиденциальной информации, которой он располагал, работая у Фейна.

— Было ли увольнение из конторы серьезным ударом для него?

Кеннеди бросил на Джайлза быстрый взгляд и коротко ответил:

— Конечно.

— А никаких других поводов для неприязни к Аффлику у вас не было? Вы не находили его в какой-то степени странным?

— Уж если вы спросили об этом, я отвечу вам откровенно. Мне казалось, особенно после его увольнения, что в поведении Джекки Аффлика проявляются признаки неуравновешенности. А точнее — мании преследования. Но, судя по всему, это не помешало ему впоследствии вполне преуспеть в делах.

— А кто уволил его? Волтер Фейн?

— Не имею понятия, настоял ли на этом именно Волтер Фейн. Он был уволен конторой.

— И он утверждал, что из него сделали козла отпущения?

Кеннеди кивнул.

— Ясно... Ну, нам надо мчаться со скоростью ветра. До четверга, сэр.

II

Дом был совсем новый. Белый, вычурной архитектуры, с огромными окнами. Через богато обставленный холл Гвенда и Джайлз были препровождены в кабинет, половину которого занимал письменный стол, украшенный хромированными деталями.

Гвенда нервно пробормотала Джайлзу:

— Право, не знаю, что бы мы делали без мисс Марпл. Каждый раз она направляет нас куда следует. Сначала ее друзья в Нортумберленде, а теперь «Клуб летних экскурсий» для мальчиков ее знакомой, жены викария.

Джайлз жестом остановил ее, потому что дверь открылась и в комнату быстро вошел Дж.Дж.Аффлик.

Это был полный мужчина средних лет, одетый в клетчатый костюм, с темными проницатель-

ными глазами и румяным, добродушным лицом. Такими обычно представляют себе преуспевающих букмекеров.

— Мистер Рид? Доброе утро. Рад познакомиться.

Джайлз представил Гвенду. Она протянула ему руку и ощутила чрезмерно крепкое рукопожатие.

— И чем же я могу быть вам полезен, мистер Рид?

Аффлик уселся за громадный письменный стол и протянул Джайлзу ониксовый портсигар.

Джайлз начал с «Клуба летних экскурсий». Его старые друзья, мол, устраивают развлечение для детей. Он хотел бы договориться о двухдневном туре в Девон.

Аффлик назвал цены и высказал рекомендации, как и подобает человеку, хорошо знающему свое дело. Но по его лицу было видно, что он слегка озадачен.

— Ну, с этим ясно, мистер Рид, и я пошлю вам подтверждение нашей договоренности. Но это чисто деловой вопрос. А как я понял со слов своего клерка, вы хотели приватной встречи у меня дома.

— Именно так, мистер Аффлик. Я просил о

встрече, чтобы обсудить с вами две проблемы. Одну мы решили. Другая же — сугубо личная. Моя жена очень хотела бы связаться со своей мачехой, которую она не видела много лет, и мы подумали, что, может, вы сумеете нам помочь.

— Охотно, если вы назовете имя той леди. Полагаю, я был когда-то знаком с ней?

— Ее имя — Элен Холлидей, а до замужества она была мисс Элен Кеннеди.

Аффлик сощурился и вместе со стулом слегка отклонился назад.

— Элен Холлидей... не припомню... Элен Кеннеди...

— Это было в Диллмуте, — подсказала Гвенда. Ножки стула, на котором сидел Аффлик, с шумом опустились на пол.

— Вспомнил, — сказал он. — Конечно. — Его круглое румяное лицо засияло от удовольствия. — Маленькая Элен Кеннеди! Да. Я вспомнил ее. Но это было так давно. Может быть, лет двадцать назад.

— Восемнадцать.

— В самом деле? Как быстро летит время. Но боюсь, что разочарую вас, миссис Рид. Я не видел Элен с тех пор. И даже никогда не слышал о ней.

— О боже! — воскликнула Гвенда. — Какое

огорчение! А я так надеялась, что вы сможете нам помочь.

— А в чем затруднение? — Его глаза быстро перебегали с Джайлза на Гвенду. — Ссора? Ушла из дома? Денежный вопрос?

Гвенда ответила:

— Она ушла из дома... внезапно... из Диллмута... восемнадцать лет назад... с кем-то.

Джекки Аффлик с удивлением спросил:

— И вы решили, что она могла уйти со мной? Но почему?

Гвенда смело ответила:

— Потому что мы слышали, будто вы с ней... одно время... были... ну, влюблены друг в друга.

— Я и Элен? Да ничего подобного. Всего лишь обычный флирт между юношей и девушкой. И ничего серьезного... К тому же нас не поощряли к этому, — сухо добавил он.

— Возможно, вы сочтете это весьма нескромным... — начала Гвенда, но он перебил ее:

— Что здесь странного? Я не такой уж щепетильный человек. Вы хотите отыскать определенного человека и полагаете, что я могу вам помочь. Спрашивайте все, что хотите, мне нечего скрывать. — Он задумчиво посмотрел на нее. — Так вы дочь Холлидея?

— Да. Вы знали моего отца?

Он покачал головой.

— Я зашел как-то навестить Элен, когда оказался в Диллмуте по делам. Я знал, что она вышла замуж и живет там. Она была довольно любезна. — Он помолчал немного, потом закончил фразу: — Но не пригласила остаться на обед. Нет, я не был знаком с вашим отцом.

«Не возникла ли, — подумала Гвенда, — озлобленность из-за того, что Элен не пригласила его остаться на обед?»

— Как вам показалось тогда: она выглядела счастливой?

Аффлик пожал плечами:

— Достаточно счастливой. Но ведь с тех пор прошло много времени. Я наверняка запомнил бы, если бы она выглядела несчастной. — Он добавил с любопытством, казалось бы, совершенно естественным: — Вы хотите сказать, что ничего не слышали о ней целых восемнадцать лет?

— Ничего.

— А письма?

— Было два письма, — ответил Джайлз. — Но у нас есть некоторые основания полагать, что они написаны не ею.

— Вы думаете, что их написала не она? — Аф-

флик казался слегка удивленным. — Ну прямо-таки фантастика. Как в кино.

— Вот и нам кажется то же самое.

— А что насчет ее брата, того доктора, он-то знает, где она?

— Нет.

— Понятно. Тайна, покрытая мраком. Почему бы вам не дать объявление?

— Уже давали.

Аффлик обронил, будто невзначай:

— Похоже, ее нет в живых. Вы могли не знать об этом.

Гвенду прохватила дрожь.

— Вам холодно, миссис Рид?

— Нет. Я вдруг представила себе Элен мертвой, хотя не допускаю мысли о ее смерти.

— Тут вы правы. Я тоже не хочу об этом думать. Она была потрясающе красива.

Гвенда импульсивно воскликнула:

— Вы знали ее! Знали ее хорошо! У меня же о ней сохранились только детские воспоминания. Какая она была? Как к ней относились люди? И какие *чувства* вы испытывали по отношению к ней?

Он молча смотрел на нее несколько мгновений, потом заговорил снова:

— Я буду откровенен с вами, миссис Рид. Хотите — верьте мне, хотите — нет. Мне было жаль девочку.

— Жаль? — Она устремила на него удивленный взгляд.

— Именно так. Тогда она только что возвратилась после окончания школы. Ей хотелось развлечений, как любой девушке, а тут этот суровый старший брат со своими допотопными воззрениями, что можно ей делать, а чего нельзя. Никакой радости не было у этого дитяти. Ну, я проявил к ней внимание, познакомил немного с жизнью. Я не очень интересовался ею, так же как и она мной. Ей просто нравилось казаться сорвиголовой. Потом, конечно, стало известно, что мы встречаемся, и брат решил положить этому конец. Но я не виню его. Он хотел отделаться от меня. Мы не были помолвлены, ничего подобного. Я собирался жениться со временем, но только когда стану немного постарше. Я хотел встать на ноги и найти жену, которая помогла бы мне в этом. У Элен не было денег, и поэтому она никак не могла меня устроить. Мы были просто хорошими друзьями, только немного флиртовали.

— Но вы, должно быть, сердились на доктора...

— Я был раздражен, признаю, — подтвердил

Аффлик. — Вы тоже не придете в восторг, если вам скажут, что вы недостаточно хороши. Но знаете, не следует быть тонкокожим.

— И потом, — сказал Джайлз, — вы лишились работы.

Лицо Аффлика утратило свое благодушное выражение.

— Меня уволили. Из фирмы «Фейн и Вотчмен». И я прекрасно понимаю, кому я должен сказать за это спасибо.

— Вот как?! — желая подстегнуть Аффлика к дальнейшим откровениям, воскликнул Джайлз, но тщетно.

— Я не намерен пускаться в рассуждения. У меня есть свое мнение на этот счет. Меня подставили, и я прекрасно знаю, кто это сделал. *И почему.* — На его щеках проступил румянец. — Грязное дело — шпионить за человеком, расставлять ему ловушки, распускать ложные слухи о нем. О, у меня, конечно же, были враги. Но я так и не дал им одолеть меня. Я всегда платил им той же монетой.

Он замолчал. И тотчас же от его гнева не осталось и следа. Он снова стал добродушным.

— Боюсь, что не смогу вам помочь. Кое-какие невинные забавы между мной и Элен — и только.

Дальше дело не пошло.

Гвенда пристально посмотрела на него. Рассказанная им история была проста, но насколько она правдива? Что-то внушало ей сомнения, и вот она поняла, что именно.

— И тем не менее, — сказала она, — виделись с ней, когда позже приезжали в Диллмут.

Он засмеялся.

— Вот вы и поймали меня, миссис Рид. Да, это так. Наверное, хотел показать ей, что не пошел на дно, после того как этот зануда адвокат выгнал меня из своей конторы. Я основал собственное дело, разъезжал в шикарном автомобиле и очень много зарабатывал.

— Вы приезжали навестить ее не один раз, не так ли?

Он помедлил немного, потом сказал:

— Два, а может быть, три раза. Просто заезжал по пути, — а потом добавил, как бы давая понять, что разговор окончен: — Сожалею, что не могу вам помочь.

Джайлз поднялся.

— Мы должны извиниться, что отняли у вас так много времени.

— Все в порядке. Приятно для разнообразия поговорить о старых временах.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула женщина, которая тут же вежливо извинилась:

— О, прошу прощения, я не знала, что ты здесь не один...

— Входи, дорогая, входи. Познакомьтесь с моей женой. Это мистер и миссис Рид.

Миссис Аффлик пожала им руки. Это была высокая, худая женщина с унылым лицом, одетая в неожиданно хорошо сшитое платье.

— Вспоминали старые времена, Дороти, — сказал мистер Аффлик. — Еще до того, как я встретил тебя. Мы познакомились с женой во время круиза, — объяснил он. — Она не из здешних краев. Кузина лорда Полтерхэма, вот она кто, — с нескрываемой гордостью изрек он, а худая дама залилась краской.

— О, эти круизы совершенно бесподобны, — заметил Джайлз.

— Особенно в познавательном плане, — согласился Аффлик. — А то у меня нет никакого образования, о котором стоило бы говорить.

— Я уговариваю мужа отправиться в круиз по Греции, — сказала миссис Аффлик.

— Нет времени. Я занятой человек.

— И мы не смеем дольше задерживать вас, — сказал Джайлз. — До свидания и благодарим вас.

Так вы сообщите мне по поводу экскурсий?

Аффлик проводил их до дверей. Гвенда взглянула через плечо на миссис Аффлик, стоявшую в дверях кабинета и неотрывно смотревшую вслед мужу. В ее лице читалось любопытство и какая-то смутная тревога.

Джайлз и Гвенда попрощались еще раз и направились к своему автомобилю.

— Тьфу ты! Я оставила там свой шарф! — воскликнула Гвенда.

— Обычная история, — буркнул Джайлз.

— Не строй из себя мученика. Я сейчас вернусь.

Она побежала обратно к дому. Из открытой двери кабинета до нее донесся громкий голос Аффлика:

— Почему ты всюду суешь свой нос? И всегда попусту.

— Мне очень жаль, Джекки. Я не знала, что ты не один. А кто эти люди и чем они тебя так расстроили?

— Они вовсе не расстроили меня. Я... — Он замолчал, увидев Гвенду в дверях.

— О, мистер Аффлик, я не оставила здесь шарф?

— Шарф? Нет, миссис Рид. Здесь нет никакого

шарфа.

— Извините. Наверное, я потеряла его где-то еще. — И она удалилась.

Джайлз развернул машину. Припаркованный у обочины дороги, стоял огромный желтый лимузин, сверкающий хромом.

— Вот это машина! — воскликнул Джайлз.

— «Шикарная машина», — добавила Гвенда. — Ты помнишь, Джайлз, что, по словам Эдит Паже, сказала ей в тот злополучный вечер Лили? Лили сделала ставку на майора Эрскина, а не на того «таинственного мужчину в шикарном автомобиле». Разве ты не понимаешь, что таинственным мужчиной в шикарном автомобиле мог быть Джекки Аффлик?

— Да, — согласился Джайлз. — И в своем письме доктору Лили упоминает шикарный автомобиль.

Они переглянулись.

— Он был там «и присутствовал на месте», как выражается мисс Марпл, в ту ночь. О, Джайлз, я не могу дождаться четверга, чтобы услышать, что скажет Лили Кимбл!

— А что, если она испугается и вообще не появится?

— О, она приедет, Джайлз, и если в ту ночь там

был красивый автомобиль...

— Думаешь, что это и есть «желтая угроза»?

— Восхищаетесь моей машиной? — Добродушный голос Аффлика заставил их вздрогнуть. Он стоял позади них, перегнувшись через аккуратно подстриженную живую изгородь. — «Маленький лютик», вот как я ее называю. Мне всегда нравились хорошо сработанные кузова. Впечатляет, верно?

— Несомненно, — согласился Джайлз.

— Люблю цветы, — признался мистер Аффлик. — Нарциссы, лютики, кальцеолярии, все они — мои любимцы. Вот ваш шарф, миссис Рид. Он соскользнул за стол. До свидания. Рад был познакомиться с вами.

— Как ты думаешь, он слышал, что мы назвали его автомобиль «желтой угрозой»? — спросила Гвенда, когда они отъехали.

— О, не думаю. Он говорил вполне дружелюбно, разве не так?

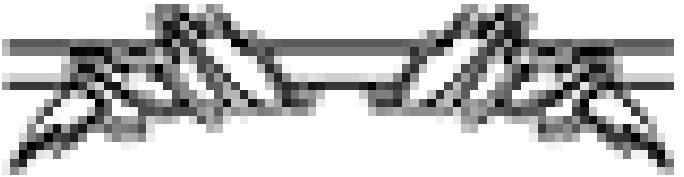
Джайлз выглядел слегка встревоженным.

— Да-а... но я не думаю, что это так уж важно. Джайлз, эта его жена... она боится его. Я видела ее лицо.

— Что? Боится этого общительного приятного парня?

— Наверное, на самом деле он не такой уж общительный и приятный... Джайлз, не могу сказать, что мне нравится мистер Аффлик. Интересно, как долго он подслушивал наш разговор? А о чем именно мы говорили?

— Да ни о чем особенном, — успокоил жену Джайлз, хотя вид у него был встревоженный.



Глава 22

ЛИЛИ ИДЕТ НА ВСТРЕЧУ

I

— О, будь я проклят! — воскликнул Джайлз.

Он только что вскрыл письмо, пришедшее с дневной почтой, и с крайним удивлением читал его.

— В чем дело?

— Это заключение графолога.

— Ну и что? — живо спросила Гвенда. — Ведь

она *не писала* эти письма, пришедшие из-за границы?

— Как раз напротив, Гвенда. *Писала.*

Они переглянулись.

Гвенда нехотя констатировала:

— Так, значит, эти письма *не подделка.* Они *подлинные.* Элен *действительно* ушла из дома в ту ночь. И *сама* писала эти письма из-за границы. И вовсе не была задушена?

Джайлз в раздумье произнес:

— Кажется, так и есть. Но все это выглядит очень странно. Я ничего не понимаю. Потому что все, казалось бы, свидетельствует об обратном.

— Может быть, графолог ошибся?

— Думаю, что такое возможно. Хотя вряд ли. Гвенда, во всем этом деле я не могу понять только одного. Не ведем ли мы себя как самые настоящие идиоты?

— И все это из-за моей дурацкой сцены в театре? Вот что я скажу, Джайлз, давай заедем к мисс Марпл. К доктору Кеннеди нам надо попасть в половине пятого, так что у нас есть время для визита к ней.

Мисс Марпл, однако, отнеслась к новостям совсем не так, как они ожидали. Она сказала, что все это очень мило.

— Но, дорогая мисс Марпл, — спросила озадаченная Гвенда, — что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, моя дорогая, что некто мог бы действовать гораздо умнее.

— Но как, в каком смысле?

— Допустил промах, — многозначительно заявила мисс Марпл.

— Но какой?

— Ну, дорогой мистер Рид, вы же прекрасно видите, как сужается область поиска.

— И даже с учетом того, что письма действительно написаны Элен, вы по-прежнему считаете, что она была убита?

— Я думаю, что кому-то было очень важно, чтобы эти письма написала собственноручно Элен.

— Понимаю... По крайней мере, надеюсь, что понимаю. Значит, должны были возникнуть какие-то определенные обстоятельства, при которых Элен могли принудить написать эти письма... Это многое объясняет. Но какие это обстоятельства?

— Мистер Рид, вы просто не подумали. Это же так просто.

Джайлз казался раздраженным и смущенным.

— Мне это не совсем ясно, уверяю вас.

— Если вы немного подумаете...

— Джайлз, нам пора. Мы опаздываем.

Молодые люди попрощались с мисс Марпл, продолжавшей загадочно улыбаться своим мыслям.

— Эта пожилая дама порой меня раздражает, — признался Джайлз, — я не понимаю, к чему она клонит.

Они приехали к дому Кеннеди вовремя. Доктор сам открыл дверь.

— Я отпустил свою домоправительницу на весь вечер, — объяснил он. — Думаю, так будет лучше.

Он провел их в гостиную, где был приготовлен поднос с чайными приборами, хлебом, маслом и кексами.

— Не выпить ли нам по чашечке чаю, а? — спросил он как-то робко, глядя на Гвенду. — Забудем пока про миссис Кимбл и всю эту историю.

— Вы абсолютно правы, — согласилась с ним Гвенда.

— А как быть с вами? Следует ли мне сразу представить вас? Или это смутит ее?

— Деревенские люди очень подозрительны, — задумчиво проговорила Гвенда. — Мне кажется, будет лучше, если вы сами побеседуете с ней.

— Я тоже так думаю, — согласился Джайлз.

— Если вы будете находиться в соседней ком-

нате, а дверь мы оставим слегка приоткрытой, то вы сможете услышать весь разговор. В данных обстоятельствах я не вижу в этом ничего предосудительного.

— Мы будем подслушивать вашу беседу, но меня это не смущает, — сказала Гвенда.

Доктор Кеннеди, чуть улыбнувшись, продолжал:

— Я не думаю, что мы нарушим тем самым какие-то этические нормы. Я не намерен обещать ей сохранить в тайне полученную от нее информацию, хотя охотно дам ей совет, если она попросит. — Он взглянул на часы. — Поезд прибудет на Вудли-роуд в четыре тридцать пять, то есть через несколько минут. И еще ей потребуется пять минут на дорогу до моего дома.

Он беспокойно прошелся по комнате. Его морщинистое лицо казалось усталым.

— Не понимаю, — сказал он. — Совершенно не понимаю, что все это значит. Если Элен все-таки не покидала дом и ее письма ко мне были фальшивкой...

Гвенда подалась всем корпусом вперед, намереваясь что-то сказать, но Джайлз жестом остановил ее, и доктор продолжал:

— Если Келвин, бедняга, не убивал ее, то что

же, черт побери, произошло?

— Ее убил кто-то другой, — сказала Гвенда.

— Но, дорогое мое дитя, если ее убил кто-то другой, то почему Келвин так настойчиво утверждал, что это сделал он?

— Потому что ему так казалось. Он обнаружил ее на кровати и подумал, что это сделал он. Ведь могло же так случиться, разве нет?

Доктор Кеннеди с раздражением потер нос.

— Откуда мне знать? Я не психиатр. Нервный шок? Психическое расстройство? Да, полагаю, это вполне возможно. Но кому понадобилось убивать Элен?

— Мы считаем, что одному из трех человек, — сказала Гвенда.

— Трех человек? Каких трех человек? Ни у кого не могло быть повода для убийства Элен, если, конечно, убийцей не оказался какой-нибудь сумасшедший. У нее не было врагов. Все любили ее.

Он выдвинул ящик письменного стола и порылся в нем. Извлек оттуда поблекший моментальный снимок. На нем была запечатлена рослая девочка в гимназической форме, с гладко причесанными волосами и лицом, излучающим радость, а рядом с нею — Кеннеди, молодой и счастливый, с щенком терьера на руках.

— В последнее время я много думал о ней, — как-то невнятно произнес он. — Многие годы я вообще не вспоминал о ней, может быть стараясь забыть... А вот теперь думаю о ней постоянно. *И все это из-за вас.*

Его слова звучали укором.

— Думаю, что это не из-за нас, а *из-за нее самой,* — возразила Гвенда.

Он резко повернулся к ней:

— Что вы имеете в виду?

— Только это. Не могу объяснить. Но мы тут ни при чем. Дело в самой Элен.

Послышался печальный гудок паровоза. Доктор Кеннеди подошел к окну, и они последовали за ним. Струйка дыма медленно расползалась по долине.

— Это поезд, — сказал Кеннеди.

— Прибывает на станцию?

— Нет, уже отправился дальше. — Он помолчал. — Лили Кимбл будет здесь с минуты на минуту.

Но минуты шли, а миссис Кимбл все не появлялась.

II

Лили Кимбл вышла из поезда на станции Дилл-мут и прошла по пешеходному мостику к боковой ветке, где уже стоял маленький местный поезд. Пассажиров было немного, самое большее — дюжина. Тихое время дня, и к тому же в Хелчестере был базарный день.

Вскоре поезд тронулся, отправляясь в путь по извилистой долине. На своем пути до конечной станции Лонсбери-Бей поезд делал три остановки: Ньютон-Лэнгфорд, Матчингс-Холт и Вудли-Болтон.

Лили Кимбл смотрела в окно, но вместо проплывавших мимо лугов, поросших буйными травами, ей виделся гостиный гарнитур «Жакоб» с зеленой обивкой. На маленькой станции Матчингс-Холт, кроме нее, никто не сошел. Она сдала контролеру билет и вышла на улицу. Следуя указателю на табличке с надписью «Вудли-Кемп», она зашагала по тропе, круто поднимавшейся по холму.

Тропа пролегала по опушке леса, а по другую сторону от нее вздымались холмы, поросшие вереском и утесником.

Вдруг кто-то вышел из-за деревьев, и Лили

Кимбл отпрянула.

— Ой, вы испугали меня! — воскликнула она. — Я не ожидала вас тут встретить.

— Преподнес тебе сюрприз, а? У меня есть для тебя еще один сюрприз.

Поблизости не было ни души. Никто не мог бы услышать ее крик. Собственно, она и не кричала, все кончилось мгновенно.

Потревоженный лесной голубь вспорхнул и улетел.

III

— Что могло случиться с этой женщиной? — недоумевал доктор Кеннеди.

Стрелки часов показывали без десяти пять.

— Не могла ли она заблудиться по пути от станции?

— Я подробно объяснил ей дорогу. В любом случае заблудиться здесь невозможно. От станции повернуть налево, а потом первый же поворот направо. Да тут ходьбы-то всего пять минут.

— Она, скорее всего, передумала и решила не ехать, — предположил Джайлз.

— Похоже на то.

— Или опоздала на поезд, — сказала Гвенда.

— Нет, скорее всего, она решила не ехать, —

задумчиво произнес Кеннеди. — А может, муж ее не пустил. Эта деревенская публика ужасно подозрительна.

Доктор Кеннеди без конца шагал по комнате из угла в угол, потом подошел к телефону и назвал номер дежурного по станции.

— Алло? Говорит доктор Кеннеди. Ко мне в четыре тридцать пять должна была приехать деревенская женщина средних лет. Не известно ли что-нибудь о ней? Может, она спрашивала дорогу ко мне?

Гвенда и Джайлз стояли рядом с доктором и слышали ответ дежурного по станции:

— Не думаю, что кто-то приезжал к вам, доктор. На поезде в четыре тридцать пять чужих не было. Мистер Нарракоттс из Медоуза, Джонни Лос и дочь старика Бенсона. Больше не было никаких пассажиров.

— Значит, она передумала, — сказал доктор Кеннеди. — Ну тогда давайте пить чай. Чайник уже вскипел.

Он вернулся с чайником, и они сели за стол.

— Ну, ничего страшного, — успокоил он молодых супругов. — У нас есть ее адрес. Съездим к ней сами.

Зазвонил телефон, и доктор поспешно вскочил

с места.

— Доктор Кеннеди?

— Слушаю.

— Это инспектор Ласт из полицейского участка Лонгфорд. Вы ждали женщину по имени Лили Кимбл, миссис Лили Кимбл, которая должна была посетить вас во второй половине дня?

— Да. А что? Несчастный случай?

— Не совсем. Она мертва. При ней обнаружено ваше письмо. Поэтому я и звоню вам. Сможете ли вы приехать в полицейский участок Лонгфорд как можно скорее?

— Я немедленно выезжаю.

IV

— Ну а теперь давайте выяснять все по порядку, — сказал инспектор Ласт.

Он перевел взгляд с Кеннеди на Джайлза и Гвенду, которые приехали вместе с доктором. Гвенда была очень бледна, руки крепко стиснуты.

— Женщина должна была приехать поездом, который отправляется из Диллмута в четыре часа пять минут и прибывает в Вудли-Болтон в четыре тридцать пять.

Доктор Кеннеди кивнул.

Инспектор Ласт взглянул на письмо, найденное

у женщины.

«Дорогая миссис Кимбл, я буду рад дать вам самый искренний совет с учетом того, что мне известно. Как следует из обратного адреса на конверте, я не живу более в Диллмуте. Если вы на станции Кумбели сядете на поезд, отправляющийся в 3:30, и в Диллмуте пересядете на поезд, идущий в Лонсбери-Бей, то от станции Вудли-Болтон до моего дома всего пять минут ходьбы.

Выйдя со станции, идите по дорожке налево, а потом сверните в первую улицу направо. Мой дом в конце улицы справа. На воротах табличка, где значится мое имя.

С почтением,

Джеймс Кеннеди».

— А что, если она выехала раньше, другим поездом?

— Другим поездом? — Доктор Кеннеди выглядел удивленным.

— Именно так она и поступила. Выехала со станции Кумбели не в три тридцать, а в час тридцать, сделала пересадку в Диллмуте в два часа

пять минут и вышла из поезда не в Вудли-Болтон, а в Матчингс-Холт, на одну остановку раньше.

— Но это очень странно!

— Она была вашей пациенткой, доктор?

— Нет. Я оставил практику несколько лет назад.

— Понимаю. Вы хорошо ее знали?

Кеннеди покачал головой:

— Я не видел ее почти двадцать лет.

— Но вы... э-э... могли бы узнать ее теперь?

Гвенда задрожала, но видеть мертвые тела привычно для доктора, и Кеннеди задумчиво ответил:

— При данных обстоятельствах не знаю, сумею ли я ее узнать. Она, скорее всего, была задушена?

— Да. Труп обнаружили в кустарнике у дороги, ведущей из Матчингс-Холт в Вудли-Кемп. Его обнаружил любитель пеших прогулок из Кемпа примерно без десяти четыре. Медэксперт полиции зафиксировал наступление смерти между двумя часами пятнадцатью минутами и тремя часами. Скорее всего, она была убита вскоре после того, как покинула станцию. В Матчингс-Холт никто, кроме нее, с поезда не сходил.

— Но почему она вышла на станции Матчингс-Холт? Перепутала станции?

— Не думаю. Так или иначе, она выехала на два часа раньше назначенного времени и не на том поезде, который значится в вашем письме, письмо находилось при ней. А по какому делу она ехала к вам, доктор?

Доктор Кеннеди достал из кармана письмо Лили.

— Я захватил его с собой. Там же вырезка из местной газеты с объявлением, которое дали мистер и миссис Рид.

Инспектор Ласт прочитал письмо Лили Кимбл и газетную вырезку. Потом перевел взгляд с Кеннеди на Джайлза и Гвенду.

— Могу я узнать, какова подоплека всей этой истории? Как я понимаю, речь идет о событиях...

— Восемнадцатилетней давности, — уточнила Гвенда.

Инспектор Ласт оказался терпеливым слушателем. Он дал возможность высказаться всем троим, ни разу никого не перебив. Кеннеди был сух и придерживался фактов. Гвенда излагала события сумбурно, но весьма образно. Но самым вразумительным был рассказ Джайлза. Он говорил только по существу, менее сдержанно, чем Кеннеди, но более связно, чем Гвенда. Рассказ занял много времени.

Выслушав всех, инспектор Ласт вздохнул и подвел итог:

— Миссис Холлидей была сестрой доктора Кеннеди и вашей мачехой, миссис Рид. Она исчезла из дома, в котором вы жили восемнадцать лет назад. Лили Кимбл (в девичестве Эбботт) в то время была служанкой (горничной) в доме. По какой-то причине (по прошествии многих лет) Лили Кимбл склонилась к мысли, что тогда произошло убийство, а в то время считалось, что миссис Холлидей сбежала с каким-то мужчиной (имя которого неизвестно). Майор Холлидей умер в психиатрической клинике пятнадцать лет назад, будучи по-прежнему уверенным, что это он задушил жену, если, конечно, это не была всего лишь навязчивая идея... — Он выдержал паузу, потом продолжал: — Все это интересные, но не связанные между собой факты. Ключевой вопрос, по моему мнению, — это жива миссис Холлидей или нет? Если умерла, то когда? И что было известно Лили Кимбл?.. Судя по всему, она знала что-то очень важное. Поэтому и лишилась жизни.

Гвенда не выдержала и взорвалась:

— Но никто, кроме нас, не знал о предстоящей встрече!

Инспектор Ласт окинул ее задумчивым взглядом.

— В данном случае, миссис Рид, весьма существенен факт, что она поехала из Диллмута на поезде, отправляющемся в два часа пять минут, а не в четыре часа пять минут. Этому должно быть какое-то объяснение. И еще: она вышла не на станции Вудли-Болтон, а раньше. Почему? Скорее всего, *написав* доктору, она послала письмо *кому-то еще,* назначив встречу в Вудли-Кемп. Возможно, она решила, что, если эта встреча не принесет ей желаемого результата, она отправится за советом к доктору Кеннеди. Возможно также, у нее были подозрения в отношении какого-то лица и она написала этому лицу, намекая на свою осведомленность и предлагая встретиться.

— Прибегла к шантажу, — уточнил Джайлз.

— Не думаю, что она могла пуститься на открытый шантаж, — возразил инспектор Ласт. — Она была жадной и надеялась извлечь из этой истории хоть какую-нибудь выгоду. И не задумывалась над тем, к чему все это может привести. Но посмотрим. Может быть, ее муж скажет нам побольше.

V

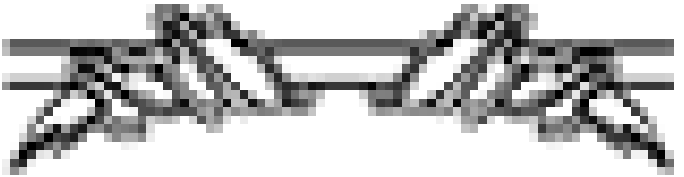
— Предупреждал же ее, — горестно сказал мистер Кимбл, — не связывайся с этим — такие были мои слова. Отправилась тайком — вот что она сделала. Решила, что лучше знает, как надо поступать. Вот такая она была, Лили. Смышленая, да только не очень.

Как оказалось, мистер Кимбл мало что мог сообщить.

Лили уже работала служанкой в «Сент-Катрин», когда они познакомились и он начал за ней ухаживать. Она была помешана на кино и говорила, что, вполне возможно, в доме, где она жила, произошло убийство.

— Я не обращал на это внимания, совсем не обращал. Думал, все это выдумки. Ей мало было простых фактов. Она долго толковала мне про всякий вздор, про хозяина, который вроде бы убил хозяйку и, может быть, спрятал тело в подвале, и про французскую девушку, которая будто бы выглянула из окна и что-то или кого-то там увидела... «Не обращай внимания на иностранцев, моя девочка, — говорил я ей. — Они все лгуны. Не то что мы». И когда она начала крутиться вокруг этого дела, я не слушал, потому что, заметьте, она

умела раздуть дело из ничего. Любила читать о преступлениях. Читала *«Санди ньюс»,* где писали о знаменитых убийцах. Очень увлекалась всем этим, и если ей нравилось думать, что в доме, где она работала, произошло убийство, ну и пусть, ведь от этого никому не было вреда. Но когда она решила отозваться на то объявление, я ей сказал: «Оставь это дело в покое, ни к чему нарываться на неприятности». И если бы она послушалась меня, то была бы сейчас жива. — Он подумал еще немного и заключил: — Да, она была бы сейчас жива. Умная-то умная, да не совсем, эта Лили.



Глава 23

КОТОРЫЙ ИЗ НИХ?

Джайлз и Гвенда не поехали с инспектором к мистеру Кимблу. Они вернулись домой около семи вечера. Гвенда выглядела бледной и совершенно разбитой. Доктор Кеннеди сказал Джайлзу: «Дайте ей немного бренди и заставьте что-нибудь съесть, а потом уложите в постель. У нее нервный шок».

— Это так ужасно, Джайлз, — без конца твердила Гвенда. — Так ужасно. Эта глупая женщина

назначила свидание с убийцей и пошла, чтобы быть убитой, словно овца на бойню.

— Ладно, не думай об этом, дорогая. В конце концов, теперь нам известно, что на самом деле существовал убийца.

— Нет, это *теперешний* убийца. Мы не знаем, что было *тогда,* восемнадцать лет назад. А в действительности все было не так. Все представляется мне каким-то неправдоподобным...

— Ты всегда была права, Гвенда. И сегодняшнее событие доказывает, что никакой ошибки не было.

Джайлз был счастлив, застав мисс Марпл в «Хиллсайде». Она и миссис Коккер хлопотали вокруг Гвенды, которая отказалась от бренди, сказав, что оно напоминает ей запах пароходов в проливе Ла-Манш, но согласилась выпить горячего виски с лимоном, а миссис Коккер уговорила ее еще и съесть омлет.

Джайлз намеренно говорил на отвлеченные темы, но мисс Марпл, которую он считал эталоном деликатности, начала обсуждать убийство Лили в присущей ей спокойной, отчужденной манере.

— То, что случилось, ужасно, моя дорогая. И естественно, вы испытали сильное потрясение, но следует признать, что событие представляет

несомненный интерес. Конечно, я так стара, что смерть не шокирует меня так, как вас, молодую; единственное, что меня страшит... это если придется умирать медленно, в муках, скажем, от рака. Но вот что действительно важно: сегодняшнее происшествие доказывает со всей очевидностью, что несчастная Элен Холлидей на самом деле была убита. Мы все время подозревали это, а теперь — *знаем.*

— И следовательно, мы должны знать, где находится тело, — сказал Джайлз. — В подвале, я полагаю.

— Нет, нет, мистер Рид. Помните, Эдит Паже сказала, что на следующее утро она спустилась в подвал, потому что была обеспокоена словами Лили, но не обнаружила там ничего подозрительного. А следы должны были быть, если бы только кто-нибудь попытался их отыскать.

— Так что же произошло с трупом? Отвезли в автомобиле и сбросили со скалы в море?

— Нет. А вспомните, моя дорогая, что поразило вас прежде всего, когда вы оказались в этом доме восемнадцать лет спустя, что поразило вас, Гвенда, хочу я спросить? Да то, что из окна гостиной не было видно моря. Там, где, как вы полагали, ступеньки должны вести с веранды вниз, к лу-

жайке, дорожки не было, там были посажены кусты. Да и сами ступеньки были перемещены в конец террасы. Почему бы это?

Гвенда начинала что-то понимать.

— Вы хотите сказать, что именно *там*...

— Если говорить откровенно, то глупее, чем разместить ступеньки с террасы в дальнем ее конце, ничего не придумаешь. Но в то же время это самое укромное место, его не видно из дома, если не считать одного окна в детской, на первом этаже. Ведь для того, чтобы похоронить тело, надо потревожить землю, а для этого должна быть *причина.* Именно для этого и было решено перенести ступеньки от входа в гостиную в конец террасы. Я узнала от доктора Кеннеди, что Элен Холлидей и ее муж очень любили свой сад и уделяли ему много внимания. Садовник, работавший у них каждый день, едва успевал выполнять их указания, и если, придя утром, он заметил бы, что некоторые плитки уже перенесены в другое место, он подумал бы, что Холлидей начали эту работу в его отсутствие. Тело, разумеется, могло быть похоронено в любом месте, но мы можем быть абсолютно уверены, что оно зарыто у дальнего конца террасы, а не перед окном гостиной.

— А почему мы можем быть в этом уверены? —

спросила Гвенда.

— Потому что, как написала бедная Лили Кимбл в своем письме, она изменила свое мнение о том, что тело спрятано в подвале, узнав, что Лейони кое-что увидела, выглянув в окно. Все становится ясным, не так ли? Швейцарская девушка выглянула ночью из окна детской в сад и увидела, что там роют могилу. А может быть, она увидела и того, кто ее рыл.

— И ничего не сообщила в полицию?

— Моя дорогая, в то время никто не знал, что было совершено *преступление.* Миссис Холлидей убежала с любовником — вот и все, что она могла знать. Да она к тому же, скорее всего, и по-английски говорила плохо. Она упомянула как-то в разговоре с Лили, наверное, не тогда же, а позже, о странной картине, которую наблюдала из окна в ту ночь, и это навело Лили на мысль о возможном преступлении. Но я не сомневаюсь, что Эдит Паже сказала Лили, чтобы она не болтала чепухи, а швейцарская девушка приняла ее точку зрения и к тому же определенно не желала связываться с полицией. Иностранцы, находясь в чужой стране, очень боятся полиции. Она вернулась к себе в Швейцарию и, скорее всего, никогда больше не вспоминала об этом.

— Вот если бы она была жива сейчас... если бы отыскать ее... — мечтательно произнес Джайлз.

Мисс Марпл кивнула ему в ответ:

— А почему бы и нет?

— А как это можно сделать? — живо спросил он.

— Полиция справится с этим лучше вас.

— Инспектор Ласт приедет сюда завтра утром.

— Думаю, следует сказать ему о предполагаемом месте захоронения трупа.

— И о том, что я видела, или думаю, что видела, тогда в холле? — взволнованно спросила Гвенда.

— Да, дорогая. Вы очень разумно поступили, никому не рассказав об этом до сих пор. Очень разумно. Но, думаю, теперь пришло время это сделать.

Джайлз принялся размышлять вслух:

— Она была задушена в холле, а потом убийца отнес ее наверх и положил на кровать. Келвин Холлидей пришел, выпил виски, в которое было что-то подмешано, и поднялся по лестнице в спальню. Увидев тело жены, он подумал, что это он убил ее. А убийца тем временем наблюдал за ним, прячась где-то поблизости. Когда Келвин отправился к доктору Кеннеди, убийца отнес тело в сад и, видимо, спрятал в кустах, а когда

все в доме стихло, выкопал могилу и захоронил тело. Значит, он должен был крутиться возле дома всю ночь?

Мисс Марпл кивнула.

— Он должен был присутствовать там, *на месте.* Я помню, вы сказали, что это важно. Нам предстоит определить, кто из троих подозреваемых отвечает этому условию. Начнем с Эрскина. Он совершенно точно находился там, на месте. По его собственному признанию, он провожал Элен Кеннеди и примерно в девять часов попрощался с ней. Но действительно ли он попрощался с ней? А если вместо этого он задушил ее?

— Но ведь между ними все было кончено! — воскликнула Гвенда. — Задолго до этого. Он сам сказал, что почти не встречался с Элен наедине.

— Разве ты не понимаешь, Гвенда, сейчас мы не должны полагаться на чьи-то *заявления,* — заметил Джайлз.

— Я счастлива слышать от вас эти слова, — обрадовалась мисс Марпл. — Признаюсь, я была несколько обескуражена тем, с какой готовностью вы оба принимали за чистую монету все, что вам говорят. Боюсь, что я очень недоверчива по натуре, особенно когда речь идет об *убийстве.* Я исповедую принцип не верить тому, что мне

говорят, *пока сама все не проверю.* Например, кажется совершенно достоверным заявление Лили Кимбл о том, что вещи, упакованные в чемодан и увезенные, наверняка не были отобраны самой Элен Холлидей, потому что сообщила нам об этом не только Эдит Паже, узнавшая это от Лили, но и сама Лили упомянула об этом в письме к доктору Кеннеди. Вот это и есть *факт.* Доктор Кеннеди сообщил нам, будто Келвин Холлидей знал, что жена тайно отравляет его наркотиками, и Келвин Холлидей в дневнике подтверждает это — и это еще один факт, и довольно любопытный, как вы думаете? Но сейчас мы не станем углубляться в эту проблему.

Джайлз пытливо взглянул на мисс Марпл.

— Но я позволю себе заметить: большинство из ваших посылок основываются именно на том, что вам рассказывают. Когда рассказы кажутся вам правдоподобными.

Гвенда, уже порозовевшая, потягивала кофе.

— Давайте проверим, — продолжал Джайлз, — что нам сказали эти трое. Начнем с Эрскина. Он сказал...

— Оставь Эрскина, — прервала его Гвенда. — Мы просто потеряем время, потому что с ним все ясно. Он не мог убить Лили Кимбл.

Джайлз оставил замечание Гвенды без внимания.

— Он сказал, что познакомился с Элен на пароходе по пути в Индию и что они влюбились друг в друга. Но он не смог заставить себя бросить жену и детей, и они решили расстаться. А если предположить, что все было не совсем так? Предположим, что он отчаянно влюбился в Элен и что это *она* не захотела уйти с ним. Предположим, он грозился убить ее, если она выйдет замуж за другого.

— Самое невероятное предположение! — воскликнула Гвенда.

— Такие вещи случаются. Вспомни, что ты подслушала, когда вернулась за кольцом. Ты все объясняешь ревностью, это могло быть правдой. Может быть, ей с ним *было ужасно трудно,* когда дело касалось женщин. Возможно, он в какой-то степени сексуальный маньяк.

— Я не могу в это поверить.

— Не можешь, потому что он привлекателен для женщин. Я же считаю, что в Эрскине есть что-то странное. Но так или иначе, выслушайте мои доводы против него. Элен разорвала помолвку с Фейном, вернулась домой, вышла за твоего отца и поселилась в этом доме. И вдруг появляется

Эрскин. Он приезжает сюда с женой, якобы на отдых. Странно, не правда ли? Он признался, что приезжал сюда, чтобы повидаться с Элен. Теперь предположим, что именно с *Эрскином* в тот день в гостиной разговаривала Элен, и Лили случайно подслушала, что говорила Элен. А говорила она: *«Я вас боюсь... Я всегда боялась вас... Мне кажется, вы сумасшедший».*

И потому, что она боялась, она строила планы поселиться в Норфолке, но всячески скрывала это. Никто не должен был знать об этом. Никто не должен был знать, пока чета Эрскинов не уехала из Диллмута. До сих пор все совпадает. Теперь мы подходим к той роковой ночи. Что Холлидеи делали в тот вечер, мы не знаем...

Мисс Марпл кашлянула, желая привлечь к себе внимание:

— Признаться, я еще раз виделась с Эдит Паже. Она вспомнила, что в тот вечер у них был ранний ужин, в семь часов, потому что майор Холлидей должен был куда-то идти, то ли в гольф-клуб, то ли на приходское собрание, она не помнит. После ужина миссис Холлидей тоже ушла.

— Правильно. Элен предстояло свидание с Эрскином, вероятно, на пляже. На следующий день он уезжал. Но, может быть, передумал. Или стал

уговаривать Элен уехать с ним. Она вернулась домой вместе с ним. Возможно, в припадке бешенства он и задушил ее. Дальнейшие события мы уже смоделировали. Ночью Эрскин захоронил тело. Помните, он сказал Гвенде, что вернулся в отель поздно вечером, потому что бродил по Диллмуту.

— Неясно только одно, — сказала мисс Марпл. — Что делала в это время его жена?

— Может быть, маялась ревностью, — сказала Гвенда. — И устроила ему скандал, когда он вернулся.

— Таким мне представляется ход событий, — закончил Джайлз. — И он вполне реален.

— Но он не мог убить Лили Кимбл, — возразила Гвенда, — потому что живет в Нортумберленде. Так что не будем впустую тратить время. Давайте поговорим об Волтере Фейне.

— Хорошо. Волтер Фейн — весьма уравновешенный тип. Он кажется добрым, мягким и покладистым. Но мисс Марпл подметила одну черту его характера. Волтер Фейн однажды вошел в такой раж, что чуть не убил своего брата. Правда, это было в детстве, но это-то и настораживает, потому что он всегда слыл мягким, уступчивым человеком. Так или иначе, Волтер Фейн влюбился

в Элен Холлидей. И не просто влюбился, а был без ума от нее. Она не отвечала ему взаимностью, и он уехал в Индию. Позже она пишет ему, что готова выйти за него замуж, и отправляется к нему в Индию. Но тут Фейна постигает второй удар. Она разрывает помолвку, так как «встретила кого-то на пароходе». Она возвращается домой и выходит замуж за Келвина Холлидея. Возможно, Волтер Фейн думает, что Келвин Холлидей и есть тот человек, из-за которого Элен отвергла его. Гонимый дикой ревностью и ненавистью, Фейн возвращается домой. Ведет себя дружелюбно, как человек, все простивший, часто бывает у них в доме на правах преданного друга. Но, очевидно, Элен поняла, что под внешним дружелюбием творится у Фейна в душе. А может, уже давно она почувствовала что-то пугающее во внешне спокойном молодом Волтере Фейне. Она заявляет ему: «Я всегда боялась тебя». Строит тайные планы покинуть Диллмут и поселиться в Норфолке. Но почему? Потому что боится Волтера Фейна. А теперь мы снова подходим к тому роковому вечеру. Здесь мы ощущаем себя не столь уверенно. Мы не знаем, что делал Волтер Фейн в тот вечер, и я не вижу никакой возможности узнать это. Но он соответствует требованию мисс Марпл «быть

на месте», потому что живет в доме, который находится всего в двух-трех минутах ходьбы. Он может сказать, что рано лег спать из-за головной боли, или закрылся в кабинете, чтобы поработать, или еще что-нибудь в этом роде. Он мог проделать все, что, по нашему мнению, проделал убийца, но мне кажется, что он единственный из троих, кто мог ошибиться в выборе вещей, упакованных в чемодан.

— Странно, — сказала Гвенда. — Тогда, у него в офисе, он показался мне похожим на дом с зашторенными окнами... и у меня даже возникло странное ощущение, что в доме находится покойник. — Она посмотрела на мисс Марпл. — Я говорю глупости?

— Нет, дорогая. Думаю, может быть, вы и правы.

— А теперь, — сказала Гвенда, — настал черед Аффлика. Туры Аффлика. Джекки Аффлик, который всегда был слишком умен. Первый довод не в его пользу — мнение доктора Кеннеди о присущей ему мании преследования. А это означает, что он никогда не был вполне нормальным. Он рассказал нам об отношениях Джекки с Элен, но мы знаем теперь, что все это была сплошная ложь. Он относился к ней не как к милому ребен-

ку — он был безумно, неистово в нее влюблен. Но она его не любила. Она просто забавлялась. Она была, по выражению мисс Марпл, женщиной, «помешанной на мужчинах».

— Нет, дорогая. *Я этого не говорила.* Ничего подобного.

— Ну хорошо, пусть она будет нимфоманкой, если вы предпочитаете такой термин. Так или иначе, у нее была любовная интрижка с Джекки Аффликом, а потом она решила его бросить. А он не хотел, чтобы его бросали. Брат вытащил ее из этой истории, но Джекки Аффлик не простил ему этого. Он лишился работы — по его словам, он был уволен Волтером Фейном. Это свидетельствует о наличии у него симптома мании преследования.

— Верно, — согласился Джайлз, — но с другой стороны, если это действительно так, то данный факт — серьезное свидетельство против Фейна.

Гвенда продолжала:

— Элен уехала за границу, и он тоже покинул Диллмут, но никогда не забывал ее, и, когда она вернулась в Диллмут уже замужней женщиной, он нанес ей визит. Сначала он сказал, что виделся с ней *всего один раз,* но позже признался, что больше чем один раз. Джайлз, разве ты не помнишь? Эдит Паже обронила фразу о «нашем

таинственном мужчине в шикарном автомобиле». Если об этом судачили слуги, значит, он приезжал достаточно часто. Но Элен никогда не приглашала его к столу, она не хотела, чтобы он встречался с Келвином. Может быть, она боялась его. А может быть...

Джайлз перебил ее:

— Может быть, это перекрывает обе версии. Предположим, Элен любила его — это была ее первая любовь, — и вполне вероятно, что она продолжала его любить. Возможно, их любовная связь продолжалась и она не хотела, чтобы кто-нибудь об этом узнал. А может быть, он требовал, чтобы она ушла от мужа, но к этому времени он ей надоел, и она не согласилась... и вот... и вот... он убил ее. Лили в письме доктору Кеннеди упомянула о шикарном автомобиле, стоявшем в тот вечер неподалеку. Это был автомобиль Джекки Аффлика. Джекки Аффлик тоже «присутствовал там».

Это всего лишь предположение, — продолжал Джайлз. — Но мне оно кажется резонным. Однако как в эту версию вписываются письма Элен? Я долго ломал голову, пытаясь понять, под влиянием каких «обстоятельств», как выразилась мисс Марпл, Элен могла написать эти письма. Мне

кажется, чтобы узнать, что это за обстоятельства, нам придется предположить, *что у Элен на самом деле был любовник* и что она рассчитывала убежать с ним. Давайте снова вернемся к нашим трем версиям. Первая — Эрскин. Допустим, что он все еще не был готов оставить жену и разрушить семью, но Элен согласилась бросить Келвина и поселиться где-то, где Эрскин смог бы время от времени ее навещать. В этом случае прежде всего надо было развеять подозрения миссис Эрскин, поэтому Элен пишет пару писем брату, из которых станет ясно, что она уехала с кем-то за границу. В пользу этой версии говорит и то, что в письмах она не назвала имени этого таинственного человека.

— Но если она готова была бросить мужа ради него, зачем ему понадобилось ее убивать? — спросила Гвенда.

— Возможно, она внезапно изменила свое намерение. Решила, что ей лучше остаться с мужем. Тогда он рассвирепел и задушил ее. А потом забрал одежду, чемодан и заготовленные Элен письма. Великолепное объяснение, не оставляющее никаких неясностей. Такое толкование событий вполне применимо и по отношению к Волтеру Фейну. Могу себе представить, насколько

губительным мог оказаться такой скандал для провинциального адвоката. Элен могла согласиться уехать куда-нибудь недалеко, где Фейн мог бы ее навещать, а представить дело так, будто она уехала за границу с кем-то еще. Письма были заготовлены, а потом, как вы предположили, она передумала. Волтер обезумел и убил ее.

— А что насчет Джекки Аффлика?

— В случае с ним труднее найти объяснение заготовленным письмам. Вряд ли он мог опасаться какого-либо скандала. Возможно, Элен боялась не его, а твоего отца и считала, что лучше представить дело так, будто она уехала за границу. Или, может быть, у жены Аффлика имелись деньги, которые он хотел вложить в свое предприятие. О да, здесь может быть много объяснений появлению этих писем.

— А кого вы подозреваете, мисс Марпл? — поинтересовалась Гвенда. — Я все-таки не думаю, что это Волтер Фейн...

В этот момент вошла миссис Коккер, чтобы убрать кофейные чашки.

— Да, вот еще что, мадам, — сказала она. — Совсем забыла. Все эти дела с бедной убитой женщиной и то, что вы с мистером Ридом заняты расследованием этого дела, совсем некстати для

вас, мадам, *именно теперь*. Мистер Фейн приходил после обеда. Спрашивал вас. Ждал целых полчаса. Похоже, вы договорились о встрече с ним.

— Как странно, — задумчиво проговорила Гвенда. — Когда он приходил?

— Должно быть, в четыре часа или немного позже. А потом, после этого, был другой джентльмен, приезжал в большом желтом автомобиле. Он тоже был уверен, что вы ждете его. Ничего не сказал. Ждал двадцать минут. Я подумала, уж не пригласили ли вы их всех на чай, а потом запамятовали.

— Нет, — сказала Гвенда. — Как странно...

— Давайте позвоним Фейну прямо сейчас, — предложил Джайлз. — Он еще не должен спать.

Он тут же сделал это.

— Алло, это Фейн? Говорит Джайлз Рид. Я слышал, что вы заходили к нам сегодня вечером... Что?.. Нет, нет, я уверен в этом... нет, как странно. Да, я тоже хотел знать.

Он положил телефонную трубку.

— Какая странная вещь. Сегодня утром ему позвонили в контору. И оставили сообщение, что ему следует зайти к нам во второй половине дня. Что это очень важно.

Джайлз и Гвенда переглянулись. Потом Гвенда предложила:

— Позвони Аффлику.

Джайлз отыскал номер Аффлика и позвонил. Это потребовало немного больше времени, но наконец ему ответили на другом конце линии.

— Мистер Аффлик? Говорит Джайлз Рид, я...

Джайлз умолк, видимо заглушенный обрушившимся на него потоком гневных слов.

— Но мы тут ни при чем, — извиняющимся тоном сказал Джайлз. — Уверяю вас... ничего подобного. Мне бы никогда не пришло в голову... Да, но постойте, кто вам звонил... мужчина? Нет. Говорю вам, это был не я. Нет... нет, я понимаю. Да, я согласен, это необычайно странно.

Джайлз положил трубку и вернулся к столу.

— Вот в чем дело, — сказал он. — Какой-то мужчина, назвавшийся моим именем, позвонил Аффлику и попросил его приехать. Сказал, что это важно... и связано с крупной суммой денег.

Все трое переглянулись.

— Это мог быть любой из них, — сказала Гвенда. — Ты понимаешь, Джайлз? *Любой из них мог убить Лили и приезжать сюда, чтобы заручиться алиби.*

— Едва ли их интересовало алиби, дорогая, —

возразила мисс Марпл.

— Я не имею в виду подлинное алиби, а просто чтобы оправдать свое отсутствие в офисе. Я хочу сказать, что один из них говорит правду, а второй лжет. Один из них позвонил другому и попросил его приехать сюда... чтобы на него пало подозрение, но мы не знаем, кто именно из них двоих звонил. И нам предстоит это решить. Я считаю, что Джекки Аффлик. Я говорю: Джекки Аффлик.

— А я думаю, что Волтер Фейн, — сказал Джайлз.

Они оба взглянули на мисс Марпл.

Та покачала головой, говоря:

— Возможен и третий вариант.

— Конечно. Это Эрскин! — воскликнул Джайлз и бросился к телефону.

— Что ты собираешься делать? — спросила Гвенда.

— Звонить по междугородному в Нортумберленд.

— О, Джайлз, неужели ты и в самом деле думаешь...

– *Сейчас узнаем.* Если он там, то станет ясно: он не мог убить Лили Кимбл сегодня во второй половине дня. У него нет личного самолета или чего-нибудь в этом роде.

В напряженном молчании все трое ждали, когда зазвонит телефон.

Наконец раздался звонок, и Джайлз поднял трубку.

— Вы заказывали разговор с Эрскином. Говорите, пожалуйста. Майор Эрскин на проводе.

Джайлз нервно прочистил горло.

— Эр... Эрскин? Говорит Джайлз Рид... Рид, да.

Он бросил испуганный взгляд на Гвенду, как бы спрашивая: «Что же, черт побери, мне сказать ему?» Гвенда проворно встала и взяла у мужа трубку.

— Майор Эрскин? Говорит миссис Рид. Мы узнали о доме... «Линскотт-Брейк». Это... это... вам что-нибудь известно о нем? Я полагаю, это где-то недалеко от вас.

— «Линскотт-Брейк»? — уточнил Эрскин. — Нет, кажется, никогда не слышал о таком. А какой указан почтовый адрес?

— Здесь напечатано очень неразборчиво, — ответила Гвенда. — Вы же знаете, эти ужасные, рассылаемые агентами объявления, напечатанные на машинке. Но это примерно в пятнадцати милях от Дейта, и мы подумали...

— Мне очень жаль. Я не слыхал о таком. А кто там живет?

— О, дом пустует. Но не беспокойтесь, мы уже почти обосновались в своем нынешнем доме. Мне так неудобно, что я потревожила вас и оторвала от дел.

— Нет, нет, все в порядке. Я занимался домашними делами. Жена уехала, а кухарка отлучилась к своей матери. Поэтому мне пришлось погрузиться в домашнюю рутину. Боюсь, я не преуспею в этом. Куда привычнее мне было бы поработать в саду.

— Мне тоже больше по душе работа в саду, нежели хлопоты по дому. Надеюсь, ваша жена здорова?

— О да. Она поехала к сестре. Вернется завтра.

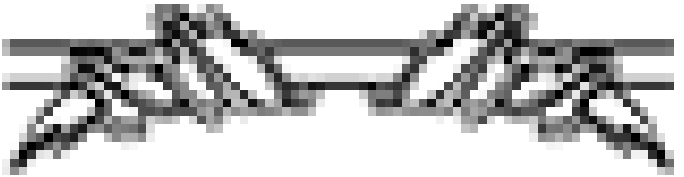
— Ну, спокойной ночи и извините за то, что потревожила вас.

Она положила трубку.

— Эрскин отпадает, — с триумфом заявила она. — Его жена в отъезде, и он занимается домашними делами. Значит, остаются двое других, не так ли, мисс Марпл?

Мисс Марпл выглядела мрачной.

— Мне не кажется, мои дорогие, — сказала она, — что вы дали себе труд как следует все продумать. О боже, я и впрямь очень обеспокоена. Если бы только я знала, что надо делать...



Глава 24

ОБЕЗЬЯНЬИ ЛАПЫ

I

Подперев руками подбородок, Гвенда бесстрастно взирала на остатки торопливого ланча. Скоро ей придется убрать со стола, вымыть посуду и подумать об ужине.

Но она не станет спешить. Ей нужно время, чтобы привести в порядок свои мысли. Слишком стремительно развивались события.

Когда она прокручивала их в памяти, они казались ей хаотичными и просто немыслимыми. Все произошло очень быстро и просто неправдоподобно.

Инспектор Ласт появился рано — в половине десятого. С ним приехали детектив, инспектор Праймер из главного управления, и главный констебль графства. Последний задержался ненадолго. Инспектору Праймеру было поручено расследование убийства Лили Кимбл и всех сопутствующих ему обстоятельств.

Инспектор Праймер, мужчина с обманчиво мягким характером, вкрадчивым голосом спросил, не причинит ли он ей излишнего неудобства, если его люди немного покопают в саду.

Сказано это было так, будто его люди займутся раскопками ради физической разминки, а не ради поисков мертвого тела, захороненного восемнадцать лет назад.

Джайлз вмешался в разговор, сказав:

— Думаю, вам могут оказаться полезными наши предположения. — И он рассказал инспектору о переносе ступенек, после чего препроводил его на террасу.

Инспектор взглянул на забранное решеткой окно угловой комнаты на первом этаже и высказал

предположение, что там была детская. Джайлз подтвердил это.

Потом инспектор и Джайлз вернулись в дом, а двое людей с лопатами спустились в сад, и Джайлз, прежде чем инспектор успел задать вопрос, сказал:

— Думаю, инспектор, вам было бы полезно выслушать то, чего моя жена не говорила ни одному человеку, кроме меня и... э-э... еще одной персоны.

Доброжелательный и вместе с тем испытующий взгляд инспектора Праймера обратился на Гвенду. Ей показалось, что инспектор задается вопросом: «Можно ли полагаться на суждения этой женщины или она из числа фантазерок?» Поэтому начала она с оговорки:

— Возможно, мне это только показалось. Вполне возможно. Но мне представляется все абсолютно правдоподобным.

— Хорошо, миссис Рид, давайте послушаем, — подбадривающим тоном сказал он.

И Гвенда рассказала. Как дом показался ей знакомым, когда она впервые переступила его порог. Как она постепенно убеждалась, что на самом деле жила здесь, будучи ребенком. Как она вспомнила обои в детской, и дверь, ведущую из

гостиной в столовую, и то, где пролегала прежде дорожка от террасы к лужайке.

Инспектор Праймер кивнул. Он не сказал, что детские воспоминания Гвенды не особенно интересны ему, но Гвенда опасалась, что он думает именно так.

А потом она с трудом заставила себя перейти к заключительной части рассказа. Как, сидя в театре, она вдруг вспомнила: стоя наверху, она увидела сквозь стойки перил лежащую в холле мертвую женщину.

— С синим лицом, задушенную. С золотистыми волосами... И это была Элен, но, как ни странно, я не знала, кто такая была Элен.

— Мы думаем, что... — начал было Джайлз, но инспектор Праймер предостерегающе поднял руку.

— Пожалуйста, позвольте миссис Рид самой рассказать обо всем.

И Гвенда взволнованно, запинаясь, продолжала свой рассказ, а инспектор Праймер умело направлял его в нужное русло, прекрасно понимая, как важно ее свидетельство.

— Вебстер? — задумчиво произнес он. — Хм, *«Герцогиня Мальфи»?* Обезьяньи лапы?

— Но это мог быть страшный сон, — вмешался

Джайлз.

— Прошу вас, мистер Рид!

— Да, это, скорее всего, был ночной кошмар, — сказала Гвенда.

— Нет, я так не думаю, — возразил инспектор Праймер. — Очень трудно объяснить смерть Лили Кимбл, если не предположить, что в этом доме *было* совершено убийство женщины.

Слова инспектора звучали так убедительно и даже успокаивающе, что Гвенда поспешила сказать:

— Но только убил ее не мой отец. Он не мог, правда? Даже доктор Пенроуз считает, что отец — не тот человек, который способен убить кого-то. И доктор Кеннеди совершенно уверен, что он не убивал, а только думал, что убил. Вы же видите, есть некто, *желавший представить дело так*, будто убийца — мой отец, и нам кажется, мы знаем, кто этот некто, вернее, знаем, что это один из двух...

— Гвенда, — перебил ее Джайлз. — Мы не можем с уверенностью...

— Мистер Рид, — сказал инспектор, — не спуститесь ли вы в сад взглянуть, как продвигается работа у моих людей? Если не возражаете, конечно. Скажите им, что я послал вас.

Он закрыл за Джайлзом балконную дверь, запер ее и возвратился к Гвенде.

— Ну а теперь расскажите мне, миссис Рид, о ваших предположениях. Ничего, если они будут не вполне убедительными.

И Гвенда рассказала обо всех предположениях — своих и Джайлза, о логических доводах, о шагах, которые они предпринимали, чтобы разузнать все, что только возможно, о том, какое место эти трое мужчин могли занимать в жизни Элен Холлидей, и к каким выводам они в конечном счете пришли. Не забыла она упомянуть и о том, как Волтер Фейн и Дж.Дж.Аффлик были кем-то от их имени приглашены по телефону в «Хиллсайд» накануне вечером.

— Вам не кажется, инспектор, что один из них говорит неправду? — спросила Гвенда.

Инспектор ответил усталым голосом:

— Это одна из главных трудностей в моей работе. Многие люди способны лгать. И лгут... Хотя не всегда по той причине, о которой вы думаете. А некоторые люди даже и не догадываются, что они лгут.

— И вы думаете, что я из их числа? — с опаской спросила Гвенда.

— Я думаю, что вы — очень правдивый сви-

детель, миссис Рид, — ответил инспектор с улыбкой.

— И вы думаете, что я права насчет того, кто убил ее?

— В своей работе мы не можем полагаться на домыслы. Мы обязаны все тщательно проверить: где и кто находился в момент преступления, выслушать их показания, сопоставить с нашими данными и так далее. Мы с точностью до десяти минут знаем, когда была убита Лили Кимбл. Между двумя часами двадцатью минутами и двумя часами сорока пятью минутами. Любой человек мог убить ее и явиться сюда вчера во второй половине дня. Лично я не вижу никакого смысла в этих телефонных вызовах. Это не дает ни одному из двоих названных вами лиц алиби на время, когда было совершено убийство.

— Но ведь вы будете выяснять, что они делали в то самое время? Между двумя двадцатью и двумя сорока пятью? Вы же спросите их об этом.

Инспектор Праймер улыбнулся:

— Мы зададим все необходимые вопросы, миссис Рид, можете быть уверены в этом. Все в свое время. Спешка в таких делах ни к чему. Необходимо прежде всего правильно определить стратегию.

Гвенда вдруг поняла, что это кропотливая, рутинная работа. Тщательная, самоотверженная...

— Понимаю... да, — сказала Гвенда. — Вы — профессионал. А мы с Джайлзом просто любители. У нас может возникнуть счастливая догадка, но мы не будем знать, что делать дальше.

— Да, примерно так, миссис Рид.

Инспектор снова улыбнулся. Он подошел к балконной двери и, распахнув ее, собрался было выйти наружу, но вдруг замер на месте. Прямо как охотничья собака, сделавшая стойку, подумала Гвенда.

— Извините меня, миссис Рид. Вот та леди не мисс ли Джейн Марпл?

Гвенда подошла к нему. Там, в саду, мисс Марпл опять вела изнурительную войну с вьюнками.

— Да, это мисс Марпл. Она самоотверженно помогает нам, работая в саду.

— Мисс Марпл, — повторил инспектор. — Я вижу.

И когда Гвенда вопросительно взглянула на него и сказала: «Она такая милая», он ответил:

— Весьма знаменитая леди эта мисс Марпл. Заткнула за пояс главных констеблей по меньшей мере трех графств. До моего начальника она пока не добралась, но это всего лишь вопрос времени.

Выходит, она тоже приложила руку к этому делу.

— Она высказала уйму полезных предложений, — сказала Гвенда.

— Не сомневаюсь, — ответил инспектор. — А не высказывала она предположений, где следует искать труп Элен Холлидей?

— Она сказала, что мы с Джайлзом должны прекрасно знать, где искать, — ответила Гвенда. — И что было очень глупо с нашей стороны не подумать об этом раньше.

Инспектор весело усмехнулся и направился к мисс Марпл.

— Кажется, мы не были представлены друг другу, мисс Марпл. Но вас мне показал однажды полковник Мелроуз.

— О да. Милейший полковник Мелроуз. Он был всегда *необычайно* любезен. Еще с той поры...

— Еще с той поры, когда застрелили церковного старосту в кабинете викария. Как давно это было. Но у вас с тех пор были и другие успехи. Например, дело с отравлением в Лимстоке.

— Кажется, вы много обо мне знаете, инспектор...

— Мое имя Праймер. А вы здесь основательно заняты, как я посмотрю.

— Да, я делаю, что могу, в саду. Он очень за-

пущен. Вот эти вьюнки, например, они такие противные. Их корни, — продолжала мисс Марпл, многозначительно глядя на инспектора, — они так глубоко уходят в землю. И разрастаются там во все стороны.

— Думаю, вы совершенно правы, — согласился инспектор. — И успели прорасти очень глубоко за это время... я имею в виду убийство. Имевшее место восемнадцать лет назад.

— А может быть, они росли здесь и прежде, — сказала мисс Марпл. — Как ужасно лишать жизни эти хорошенькие цветы...

Один из полицейских констеблей, весь в испарине, направлялся к ним по дорожке. Лоб у него был вымазан землей.

— Мы наткнулись на что-то, сэр, — доложил он. — Похоже, что это труп и есть.

II

Вот так, вспоминала Гвенда, начался этот день кошмаров. Вошел Джайлз, бледный, и сообщил:

— Это... она, все так, Гвенда.

Потом один из констеблей позвонил по телефону, и вскоре приехал медэксперт полиции, низкорослый, суетливый человек.

И в этот момент миссис Коккер, спокойная и

невозмутимая миссис Коккер, вышла в сад, ведомая отнюдь не отвратительным любопытством, как можно было бы подумать, а единственно желанием сорвать какие-то съедобные растения, которые потребовались ей, чтобы приготовить блюда к ланчу. И миссис Коккер, чья реакция на новости об убийстве в тот день сводилась к резкому порицанию и тревоге о том, как это отразится на здоровье Гвенды (потому что у миссис Коккер возникла догадка, что детская комната наверху скоро, после должного количества месяцев, будет занята), увидела это ужасное зрелище и немедленно пришла в жалкое состояние.

— Так ужасно, мадам. Кости всегда вызывали у меня отвращение. Любые кости, не говоря уж о скелете. Здесь, в саду, рядом с мятой и другими съедобными растениями! У меня так забилось сердце... Меня колотит дрожь, и я едва перевожу дыхание. Что, если я наберусь смелости и попрошу у вас глоточек бренди...

Испуганная состоянием миссис Коккер и бледностью ее лица, Гвенда кинулась к буфету, плеснула в бокал немного бренди и дала выпить миссис Коккер.

Миссис Коккер успела только сказать: «Вот что мне требовалось, мадам...» — и тут неожиданно

умолкла и лишилась чувств. Гвенда закричала, призывая на помощь Джайлза.

— На счастье, я оказался поблизости, — говорил потом врач. — Она была на волосок от смерти. Не окажись меня здесь в этот момент, женщина неминуемо умерла бы.

Инспектор Праймер забрал графин с бренди, и, разглядывая его, они с доктором совещались о чем-то. Инспектор Праймер спросил Гвенду, когда они с Джайлзом в последний раз пили из этого графина.

По словам Гвенды, в последние несколько дней не пили. Они были в отъезде, на севере, и в последние несколько дней пили джин, а не бренди.

— Но вчера я чуть не выпила бренди, — вспомнила Гвенда. — И только потому, что его запах напоминает мне о пароходах в проливе Ла-Манш, я попросила Джайлза открыть новую бутылку виски.

— Вам очень повезло, миссис Рид. Если бы вы выпили вчера бренди, то, скорее всего, сегодня вас уже не было бы в живых.

— Джайлз тоже собирался выпить бренди, но в последний момент решил выпить со мной виски.

Гвенда задрожала.

Даже теперь, оставшись одна в доме, когда полиция уехала, а Джайлз ушел; после того как они наскоро перекусили консервами, поскольку миссис Коккер увезли в больницу, Гвенда не могла поверить в реальность того, что происходило здесь утром.

Одно было совершенно ясно: вчера в доме побывали Джекки Аффлик и Волтер Фейн. Каждый из них мог добавить яд в бренди, а смысл телефонных звонков состоял в том, чтобы дать возможность одному из них подсыпать в графин отраву. Гвенда и Джайлз слишком близко придвинулись к правде. Или был третий человек, который проник снаружи, скажем, через открытое окно столовой, пока она и Джайлз сидели в доме доктора Кеннеди, ожидая, когда Лили Кимбл явится на назначенную встречу? Третье лицо, которое организовало эти телефонные звонки, чтобы бросить подозрение на тех двоих?

Но предположение о третьем лице, подумала Гвенда, лишено смысла. Потому что это третье лицо должно было звонить только одному из тех двоих. Третье лицо должно было рассчитывать на одного подозреваемого, а не на двух. И как бы то ни было, кто мог стать этим третьим лицом? Эрскин определенно был в Нортумберленде. А

если Волтер Фейн позвонил Аффлику, а потом притворился, что ему тоже звонили? Или Аффлик позвонил Фейну и сделал вид, что и сам получил вызов? Один из этих двоих, и полиции, у которой больше опыта и возможностей, предстоит узнать — который? А пока за каждым из них будут наблюдать. Они не смогут... попробовать еще раз.

Гвенда снова поежилась. Как неприятно ощущать, что кто-то стремится тебя убить. «Это опасно», — сказала мисс Марпл им еще тогда.

Но они с Джайлзом не приняли всерьез ее предостережение. Даже после убийства Лили Кимбл ей не пришло в голову, что кто-то попытается убить ее и Джайлза. И только потому, что они с Джайлзом слишком близко подошли к правде о том, что произошло восемнадцать лет назад! Начали раскапывать, что произошло тогда и как это стало возможно.

Волтер Фейн и Джек Аффлик...

Который из них?

Гвенда закрыла глаза, как бы рассматривая их снова, в свете новых событий. Смиренный Волтер Фейн, сидящий в своем офисе, бледный паук в центре своей паутины. Такой смиренный, такой безобидный на вид. Как дом с зашторенными окнами. И покойник, скончавшийся восемна-

дцать лет назад, все еще находится в доме. Каким зловещим представлялся ей теперь Волтер Фейн! Волтер Фейн, который когда-то чуть не убил своего брата. Волтер Фейн, с которым Элен дважды разрывала помолвку, сначала здесь, а потом в Индии. Дважды отвергла его. Дважды он пережил унижение. Волтер Фейн, такой смиренный, такой бесстрастный, который мог выразить себя только в жестоком насилии... как, кстати, однажды сделала тихая Лиззи Борден...

Гвенда открыла глаза. Ведь она убедила себя, не так ли, что Волтер Фейн и есть убийца? Но, может быть, следует подозревать Аффлика? На сей раз она не стала закрывать глаза.

Его кричащий клетчатый костюм, властный характер — прямая противоположность сдержанному, тихому Волтеру Фейну. Но, скорее всего, таким образом Аффлик компенсировал свойственный ему комплекс неполноценности. Именно так, по мнению психологов, проявляется этот комплекс. Если человек не уверен в себе, то должен хвастать, самоутверждаться и демонстрировать властность. Элен отвергла его, посчитав неподходящим. Рана не заживала, постоянно напоминая о себе. Он полон решимости выйти в люди. Но терпит неудачу. Все против него. Его

увольняют из фирмы по ложному навету «врага». Все это, конечно, свидетельство того, что Аффлик не вполне нормален. И какое ощущение власти испытывает такой человек, совершая убийство! Его добродушное, живое лицо на самом деле было жестким. Он — жестокий человек... и его тощая бледная жена знает это и боится его. Лили Кимбл была опасна для него и поэтому должна была умереть. Гвенда и Джайлз вмешались в его дела, значит, Гвенда и Джайлз должны умереть тоже, и он сделает так, чтобы подозрение пало на Волтера Фейна, который когда-то его уволил.

Гвенда встряхнула головой, прогоняя прочь свои видения и возвращаясь к реальной жизни. Скоро вернется Джайлз и захочет выпить чаю. Надо вымыть посуду.

Она взяла поднос с посудой и направилась в кухню. Там царил идеальный порядок. Миссис Коккер была истинным сокровищем.

Рядом с раковиной лежали резиновые перчатки. Миссис Коккер всегда в них мыла посуду. Ее племянница, работавшая в больнице, приобретала их для нее по дешевке.

Гвенда надела перчатки и начала мыть посуду.

Она вымыла тарелки и поставила их на стеллаж, вымыла и вытерла ножи и вилки и все

аккуратно разложила по местам.

Потом, по-прежнему занятая своими мыслями, поднялась наверх. Надо бы, подумала она, выстирать чулки и пару джемперов. Перчатки все еще были на ней. Сейчас она думала о предстоящей стирке, но где-то на уровне подсознания ее не покидала тревога и сомнения.

Волтер Фейн или Джекки Аффлик, сказала она себе. Один из них. У нее было достаточно убедительных доводов, чтобы считать виновным как одного, так и другого. Возможно, именно это и не давало ей покоя. Строго говоря, было бы лучше иметь неоспоримые свидетельства виновности *одного из них.* Сейчас же она была в затруднении.

Если только существовал кто-то еще... Но это невозможно. Ричард Эрскин отпадает. Ричард Эрскин находился в Нортумберленде, когда убили Лили Кимбл и подсыпали отраву в графин. Да, Ричард Эрскин должен быть исключен из числа подозреваемых лиц. И Гвенда радовалась этому, потому что Ричард Эрскин понравился ей. Ричард Эрскин был привлекательным, весьма привлекательным мужчиной. Жаль, что он женился на этом чудовище с недобрым подозрительным взглядом и низким басовитым голосом... Как у

мужчины...

И вдруг ее пронзила мысль, заронив в душу дурное предчувствие.

Мужской голос... А может, это миссис Эрскин отвечала вчера вечером на звонок Джайлза, а вовсе не ее муж?

Нет... нет, не может быть! Она и Джайлз узнали бы ее. Начать с того, что миссис Эрскин не могла знать, кто это звонит. Нет, конечно, подошел к телефону Эрскин, а его жена, как он сказал, уехала.

Его жена уехала...

Нет... нет, это невозможно... Могла ли это быть миссис Эрскин? Миссис Эрскин, помрачившаяся умом от ревности? Миссис Эрскин, которой писала Лили Кимбл? А может быть, Лейони видела той ночью в саду *женщину?*

Вдруг внизу хлопнула дверь. Кто-то вошел в холл.

Гвенда вышла из ванной и, склонившись над перилами, посмотрела вниз. Она с облегчением перевела дух при виде доктора Кеннеди.

— Я здесь! — крикнула она, помахав руками.

Ее мокрые, блестящие, странного розовато-серого цвета руки... напомнили ей что-то.

Кеннеди посмотрел наверх, прикрывая глаза рукой.

— Это вы, Гвенни? Я не вижу вашего лица. Мне слепит глаза...

И вдруг Гвенда вскрикнула... Глядя на эти гладкие обезьяньи лапы и слыша этот голос в холле...

— Так это вы... — выдохнула она... — Вы убили ее... убили Элен... Теперь я знаю. Это были вы... все время... вы...

Он начал подниматься по ступенькам. Медленно. Не спуская с нее глаз.

— Почему вы не можете оставить меня в покое? — спросил он. — Зачем вам понадобилось вмешиваться? Зачем вам понадобилось возвращать... ее... из небытия? Я только-только начал забывать... забывать. Вы вернули ее... Элен... мою Элен. Снова вернули. Мне пришлось убить Лили, а теперь я вынужден убить вас. Так же, как убил Элен. Да, так же, как я убил Элен...

Он был уже совсем близко к ней, и его руки тянулись к ее шее. Это приятное, добродушное лицо... это добродушное лицо осталось прежним, только глаза, глаза были безумными...

Гвенда медленно отступала по мере его приближения. Крик застрял у нее в горле. Она уже крикнула раз. И больше кричать не может. Но если даже и закричит, все равно ее никто не услышит. Потому что в доме никого нет — ни

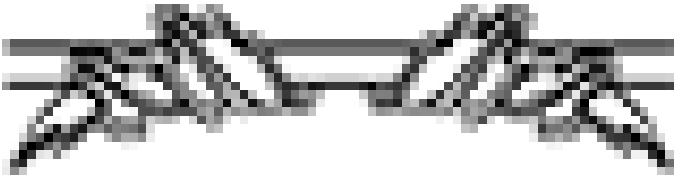
Джайлза, ни миссис Коккер, ни даже мисс Марпл в саду. Никого. А соседний дом слишком далеко, чтобы там услыхали ее крик. И все равно она пыталась кричать, но не могла... Потому что была парализована страхом... этими тянущимися к ней ужасными руками...

Сейчас она упрется спиной в дверь детской, и тогда... тогда эти руки сомкнутся у нее на шее...

С ее губ сорвался жалкий и приглушенный стон.

И вдруг доктор Кеннеди остановился и отпрянул назад, когда сильная струя мыльной воды ударила ему между глаз. Он задохнулся, заморгал и закрыл лицо ладонями.

— Какое счастье, — сказала мисс Марпл, с трудом переводя дыхание, потому что ей пришлось быстро подняться по черной лестнице, — что как раз в это время я выводила тлю на ваших розах.



Глава 25

ЭПИЛОГ В ТОРКИ

— Конечно, дорогая Гвенда, я никогда и не помышляла о том, чтобы уйти и оставить вас одну в доме, — сказала мисс Марпл. — Я знала, что это очень опасная личность, и в тот день тайком наблюдала за ним из сада.

— И вы знали... что это он... все время? — спросила Гвенда.

Мисс Марпл, Гвенда и Джайлз сидели втроем на террасе отеля «Империал» в Торки.

«Надо сменить декорации», — посоветовала мисс Марпл, и Джайлз согласился, что это будет самое лучшее для Гвенды. Инспектор Праймер тоже был с этим согласен, и они немедленно уехали в Торки.

Отвечая на вопрос Гвенды, мисс Марпл сказала:

— Ну, я заметила кое-какие симптомы, моя дорогая. Хотя не было никаких фактов и тем более доказательств. Только симптомы, ничего больше.

Глядя на нее с любопытством, Джайлз сказал:

— Но я не замечал никаких симптомов.

— Ну что вы, Джайлз, подумайте. Начать с того, что он присутствовал *на месте.*

— Присутствовал?

— Да, конечно. Когда Келвин Холлидей пришел к нему в ту ночь, *он только что вернулся домой из больницы.* А больница в те времена, как нам говорили многие люди, была буквально рядом с «Хиллсайдом» или, как его тогда называли, «Сент-Катрин». Так вот, как видите, он оказался *в нужном месте и в нужное время.* А потом были еще сто и один маленький, но существенный факт. Элен Холлидей сказала Ричарду Эрскину, что она отправилась в Индию, чтобы сочетаться

браком с Волтером Фейном, *потому что не была счастлива дома.* Хотя ее брат, судя по всему, был заботлив и внимателен по отношению к ней. Так почему же она не была счастлива? Мистер Аффлик сказал вам, что «ему было жаль бедное дитя». Я думаю, что он был абсолютно правдив, когда говорил это. *Он жалел ее.* Почему ей приходилось встречаться с молодым Аффликом тайно? Пусть даже она не была страшно влюблена в него. Почему же она не могла встречаться с молодыми людьми открыто? Ее брат был «строг» и «старомоден». Он немного напоминает мистера Барретта из «Вимпл-стрит», не так ли?

Гвенда содрогнулась.

— Он сумасшедший, — сказала она. — Сумасшедший.

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Он не был нормальным. Он обожал свою сестру, и привязанность к ней переросла в порочное чувство. Такие вещи случаются чаще, чем вы думаете. Отцы, которые не хотят, чтобы их дочери выходили замуж и даже встречались с молодыми людьми. Как мистер Барретт. Я подумала об этом, когда узнала историю о теннисной сетке.

— О теннисной сетке?

— Да, это показалось мне очень существенным.

Подумайте об этой девочке, юной Элен, которая только что вернулась из школы и, как все девушки, мечтала встречаться с молодыми людьми, флиртовать с ними...

— Немного сексуально озабоченная.

– *Нет*, — решительно возразила мисс Марпл. — *Это* одна из самых порочных черт этого преступления. Доктор Кеннеди не только убил ее физически. Если вы внимательно проанализируете случившееся, то обнаружите, что единственным свидетелем того, что Элен Кеннеди была помешана на мужчинах (или как вы выразились, дорогая? Ах да, была нимфоманкой), являются слова самого *доктора Кеннеди.* А я считаю, что она была вполне нормальной молодой девушкой, которая хотела развлекаться и весело проводить время, флиртовать и, наконец, выйти замуж за мужчину по собственному выбору — только и всего. Но посмотрите, как ведет себя ее брат. Прежде всего проявляет «строгость» и «старомодность» относительно предоставления ей свободы. Потом, когда она захотела пригласить знакомых поиграть в теннис — вполне нормальное и безобидное желание, — он вроде бы не возражал, но однажды ночью порезал теннисную сетку на ленты. Это весьма показательная садистская акция.

А потом, чтобы она не могла играть в теннис или танцевать, внес инфекцию в рану на ноге, чтобы она подольше не заживала. О да, я думаю, он так именно и поступил... Я уверена в этом. Учтите, — продолжала мисс Марпл, — я не думаю, что Элен осознавала все это. Она знала, что брат любит ее, и вряд ли понимала, *почему* ей так неуютно и тягостно в его доме. Чтобы вырваться из этой гнетущей атмосферы, она в конце концов решила уехать в Индию и выйти замуж за молодого Фейна. Но *от чего* именно она бежала? Она и сама не знала. Была слишком молода и бесхитростна, чтобы понять. Итак, она отправляется в Индию и по пути встречает Ричарда Эрскина и влюбляется в него. И в этой ситуации она ведет себя отнюдь не как сексуально озабоченная, а, напротив, как порядочная и благородная девушка. Она не требует, чтобы он оставил жену. Она уговаривает его не делать этого. Но когда она увидела Волтера Фейна, то поняла, что не может выйти за него замуж, телеграфировала брату, чтобы тот прислал денег на обратную дорогу.

По пути домой она познакомилась с вашим отцом, и перед ней открылся еще один путь к спасению. На сей раз это было хорошим предзнаменованием счастья... Она вышла замуж за

вашего отца с лучшими намерениями, Гвенда. Он снова обретал счастье после смерти горячо любимой жены. Она приходила в себя после неудачной любовной истории. Они помогали друг другу. Я считаю, очень важно, что они поженились в Лондоне и только потом приехали в Диллмут и объявили об этом доктору Кеннеди. Она, наверное, инстинктивно чувствовала, что так будет лучше, нежели венчаться в Диллмуте, а ведь вообще-то это было бы более естественно. Думаю, что она все еще не осознавала, каким это будет ударом для брата, а инстинктивно чувствовала, что лучше представить свое замужество как *свершившийся факт.* — Мисс Марпл сделала короткую паузу, после чего продолжала: — Келвин Холлидей дружил с Кеннеди, и тот нравился ему. А Кеннеди делал вид, что рад их женитьбе. Новобрачные сняли здесь меблированный дом... и теперь мы подходим к весьма серьезному моменту — предположению, что жена травила Келвина наркотиками. Есть только два возможных объяснения этому, потому что только два человека имели возможность делать это. Либо Элен Холлидей *травила* мужа — но зачем? Либо наркотики прописывал доктор Кеннеди. Кеннеди пользовал Холлидея, поскольку Холлидей ценил

профессионализм Кеннеди, и мысль о том, что жена травит его, могла быть внушена Келвину лечащим врачом, то есть Кеннеди.

— Но способны ли какие-либо наркотики вызвать у человека галлюцинации, вследствие которых он уверует, будто задушил жену? — спросил Джайлз. — Меня интересует, существует ли наркотик, который может оказать на человека такое *специфическое воздействие?*

— Мой дорогой Джайлз, вы снова попали в ловушку — нельзя верить всему, *что вам говорят.* Ведь только доктор Кеннеди сказал, что у Холлидея случались *такие* галлюцинации. Он сам никогда не упоминал о них в своем дневнике. У него случались галлюцинации, да, однако он не говорил, какие именно. Но я смею утверждать, что Кеннеди рассказывал ему о людях, которые задушили своих жен после того, как миновали стадию болезни, которая была у Холлидея.

— А доктор Кеннеди и на самом деле злобный человек, — сказала Гвенда.

— Мне кажется, — продолжала мисс Марпл, — что к тому моменту он перешел грань между нормальной психикой и сумасшествием. И Элен, бедная девочка, начала понимать это. Именно своему брату она говорила в тот день, когда Лили

подслушала их разговор: «Я всегда боялась вас». И эта фраза была по-своему знаменательна. Она решила уехать из Диллмута и уговорила мужа купить дом в Норфолке, но просила держать это в тайне. И эта таинственность многое объясняет. Она явно опасалась, что *кто-то* узнает о планах переезда, но речь не шла об Волтере Фейне или Джекки Аффлике и, уж конечно, не о Ричарде Эрскине. Нет, она боялась того, кто был гораздо ближе.

И наконец, Келвин Холлидей, которого, несомненно, начинала раздражать эта скрытность, казавшаяся ему бессмысленной, рассказал обо всем ее брату... тем самым подведя роковую черту под своей судьбой и судьбой жены. Потому что Кеннеди не мог допустить, чтобы Элен жила там счастливо со своим мужем. Думаю, его план состоял в том, чтобы подорвать здоровье Холлидея наркотиками. Но, узнав, что его жертва и Элен намерены убежать от него, он уже не мог стерпеть. Прихватив из больницы пару хирургических перчаток, он пошел в «Сент-Катрин». Отыскал Элен в холле и задушил ее. Поблизости не оказалось никого, кто мог бы его увидеть, по крайней мере, так он думал и, ослепленный любовной страстью и безумием, процитировал те трагические

строки, которые так подходили к случаю. — Мисс Марпл вздохнула и прищелкнула языком. — Как же я была глупа... ужасно глупа. Мы все были глупы. Мы должны были сразу же догадаться. Те строки из *«Герцогини Мальфи»* и впрямь служили ключом к разгадке этой истории. Ведь они произнесены братом, только что убившим сестру, чтобы отомстить за брак с мужчиной, которого она любила... Да, мы были глупы...

— А потом? — спросил Джайлз.

— А потом он продолжал действовать в соответствии со своим дьявольским планом. Поднял тело наверх. Упаковал вещи в чемодан. Бросил записку в корзину для бумаг, чтобы потом легче было убедить Холлидея в якобы совершенном им преступлении.

— Но мне казалось, — сказала Гвенда, — что ему было бы выгоднее представить в роли убийцы моего отца.

Мисс Марпл покачала головой:

— О нет, он не мог так рисковать. Вы же знаете, у него хитрый шотландский склад ума. Он относится к полиции с полным уважением. Полиция проводит тщательное расследование, прежде чем признать человека виновным в убийстве. Она может задать множество неудобных вопросов

относительно времени и места, где произошло убийство. Нет, его план был более простым и, я считаю, истинно дьявольским. Ему нужно было только убедить Холлидея. Во-первых, в том, что он убил жену. Во-вторых, что он сумасшедший. Он уговорил Холлидея лечь в психиатрическую клинику, и я не думаю, что он на самом деле хотел убедить его, будто все дело в галлюцинации. Ваш отец принял его правила игры, Гвенда, главным образом, как я себе представляю, ради вашей безопасности. Он продолжал утверждать, что это он убил Элен. С этим он и умер.

— Какое коварство! — тихо сказала Гвенда. — Зло... зло... зло...

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Более точного слова не сыщешь. И я думаю, Гвенда, именно поэтому так сильно запечатлелось увиденное в вашем детском сознании. Потому что в ту ночь там царило истинное зло.

— Но письма, — спросила Гвенда, — письма Элен? *Они были написаны.*

— И тем не менее это были фальшивки! Но тут он переусердствовал. Ему нужно было во что бы то ни стало заставить вас с Джайлзом прекратить расследование. Вероятно, он мог бы подделать почерк Элен, но это не обмануло бы графолога.

Образец почерка Элен и ее письма, которые он вам передал, были написаны вовсе не ею. А им самим. И они, естественно, совпали.

— Боже! — воскликнул Джайлз. — Мне это и в голову не приходило.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — *Вы просто поверили тому, что он сказал.* А принимать все сказанное на веру бывает очень опасно. *Я уже давно никому и ничему не верю.*

— А бренди?

— Он проделал это в тот день, когда принес письма Элен и беседовал со мною в саду. Он оставался в доме, пока миссис Коккер ходила в сад, чтобы доложить о его приходе. На это ему достаточно было одной минуты.

— О боже! — воскликнул Джайлз. — А в полицейском участке после убийства Лили Кимбл он еще рекомендовал мне отвезти Гвенду домой и *дать ей бренди.* Как же получилось, что он встретился с Лили раньше условленного времени и не у себя дома?

— Очень просто. В первом письме, которое он ей послал, была оговорена встреча в Вудли-Кемп, и она должна была приехать в Матчингс-Холт поездом, который отходит из Диллмута в два часа пять минут. Наверное, он вышел из кустов,

когда она шла по тропинке, и задушил ее. Потом просто подменил письмо, находившееся при ней (он предусмотрительно велел ей захватить его с собой, потому что в нем говорилось, как его найти), тем, которое вы все видели, и направился домой ждать вас, чтобы разыграть эту маленькую комедию с ожиданием Лили.

— А Лили действительно была опасна для него? Это не следует из ее письма. Похоже, она подозревала Аффлика.

— Может быть, и так. Но Лейони, швейцарская девушка, что-то рассказывала Лили и потому представляла угрозу для Кеннеди. Ведь она выглянула тогда из окна и увидела, что он копает в саду. Утром он поговорил с ней, намекнул, что майор Холлидей убил жену, что майор Холлидей психически нездоров и что он, Кеннеди, хочет замять это дело ради ребенка. Если Лейони считает, что ей все же следует заявить в полицию, она вольна это сделать, но это чревато большими неприятностями для нее и так далее.

Лейони испугалась одного упоминания о полиции. Она обожала вас и считала, что *мсье доктор* делает все как лучше. Кеннеди заплатил ей приличную сумму и поспешил отправить ее обратно в Швейцарию. Но прежде чем уехать,

она намекнула Лили о том, что ваш отец убил жену и она видела, как хоронили ее труп. Это совпадало с тогдашними представлениями Лили о случившемся. И она утвердилась в мнении, что именно Келвина Холлидея видела Лейони, когда тот копал могилу.

— Но Кеннеди этого, конечно, не знал, — сказала Гвенда.

— Конечно, нет.

— В письме Лили его насторожило упоминание о том, *что Лейони видела из окна,* и об автомобиле, стоявшем у дороги.

— Автомобиль? Автомобиль Джекки Аффлика?

— Еще одно заблуждение. Лили вспомнила, или ей так показалось, что у дороги стоял автомобиль, похожий на автомобиль Джекки Аффлика. И в ее воображении возник некий таинственный мужчина, приехавший проведать миссис Холлидей. Но рядом с домом находилась больница, и вдоль дороги могла стоять не одна машина. Вы должны вспомнить, что у больницы в ту ночь действительно стояла машина *доктора,* — и он, возможно, пришел к заключению, что она имеет в виду *его* машину. Прилагательное «шикарная» не имело для него значения.

— Я понимаю, — сказал Джайлз, — он мог рас-

ценить письмо Лили как шантаж. Но каким образом вы все разведали о Лейони?

Мисс Марпл ответила, поджав губы:

— Видите ли, как я уже говорила, он вышел за рамки пограничного состояния психики. Как только люди инспектора Праймера арестовали его, он сразу же признался во всех своих преступлениях. Лейони, кажется, умерла вскоре после возвращения в Швейцарию. Передозировка каких-то снотворных таблеток... Нет, он не упускал ни единого шанса.

— Например, пытался отравить меня этим бренди.

— Вы были очень опасны для него, вы и Джайлз. К счастью, вы так и не сказали ему о том, что видели Элен мертвую в холле. Он не знал о наличии свидетеля.

— А эти телефонные вызовы Фейну и Аффлику? — спросил Джайлз. — Тоже его работа?

— Да. В случае если бы возникло разбирательство по поводу отравления бренди, то подозрение пало бы на любого из них... А если бы Джекки Аффлик приехал в своем автомобиле один, то его можно было бы заподозрить и в убийстве Лили Кимбл. У Фейна, скорее всего, нашлось бы алиби.

— А ведь он, кажется, любил меня, — сказала

Гвенда, — маленькую Гвенни.

— Он должен был сыграть свою роль, — объяснила мисс Марпл. — Представьте себе, что это значило для него. Спустя восемнадцать лет приезжаете вы с Джайлзом, задаете вопросы, копаетесь в прошлом, раскрываете убийство, которого на самом деле вроде бы и не было... Убийство, совершенное в прошлом... Весьма опасная затея, мои дорогие. Я ужасно беспокоилась за вас.

— Бедная миссис Коккер! — сказала Гвенда. — Она была на волосок от смерти. Я так рада, что она поправляется. Как ты думаешь, она вернется к нам, Джайлз? После всего этого?

— Вернется, если понадобится детская комната, — серьезно ответил Джайлз.

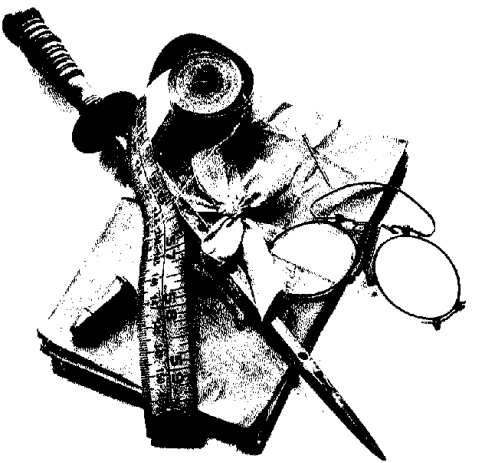
Гвенда покраснела, а мисс Марпл чуть заметно улыбнулась и посмотрела вдаль.

— Надо же было такому случиться, — задумчиво сказала Гвенда, — что я взглянула на свои руки в резиновых перчатках как раз в тот момент, когда он вошел в холл и произнес несколько вполне невинных фраз, живо воскресивших в памяти те самые злосчастные слова. — Она поежилась. — *«Прикройте ей лицо... Я не могу смотреть... она умерла молодой...»* Эти слова вполне могли бы быть сказаны обо мне... Если бы не подоспела

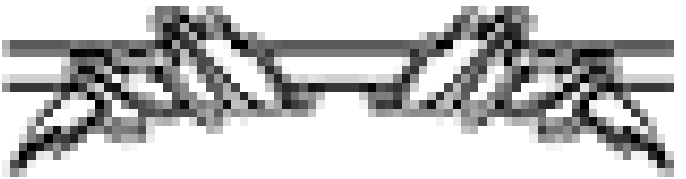
мисс Марпл. — Она помолчала, а потом грустно добавила: — Бедная Элен... Бедная милая Элен, которая умерла молодой... Знаешь, Джайлз, ее больше нет... ни в доме, ни в холле. Я почувствовала это вчера, еще до того, как мы уехали оттуда... Теперь это просто дом. Дом, любящий нас. Мы можем вернуться туда в любой момент...

ПОСЛЕДНИЕ ДЕЛА МИСС МАРПЛ

MISS MARPLE'S FINAL CASES



МИСС МАРПЛ РАССКАЗЫВАЕТ
Miss Marple Tells a Story



Не знаю, говорила я вам или нет, дорогие мои друзья, — тебе, Реймонд, и тебе, Джоанна, — о том довольно занятном дельце, которому теперь, однако, уже несколько лет. Мне совсем не хочется показаться *тщеславной,* вовсе нет, — конечно, я понимаю, что по сравнению с вами, молодежью, я далеко не так уж умна — ведь ты, Реймонд, пишешь чрезвычайно современные книжки,

причем в основном о довольно неприятных молодых людях, а ты, Джоанна, пишешь совершенно замечательные картины с квадратными людьми со смешными выпуклостями — очень умно с твоей стороны, милая, но, как всегда говорит Реймонд (разумеется, вполне добродушно, потому что душа у него самая добрая, которую только можно найти у племянника), я безнадежно устарела, ну прямо живой экспонат из эпохи королевы Виктории. У меня, например, вызывают восхищение работы таких художников, как мистер Альма-Тадема и мистер Фредерик Лейтон, тогда как вам, я уверена, они кажутся старым хламом, так сказать, vieux jeu[2], как говорят французы. Но позвольте-ка, дайте вспомнить, к чему это я говорила? Ах да, к тому, что я не хочу показаться тщеславной... и все же я не могу удержаться, чтобы хоть самую чуточку не почувствовать, что я все-таки собою довольна, потому что, проявив совсем немного здравого смысла, мне удалось разгадать загадку, над решением которой тщетно ломали голову люди поумнее меня. Хотя, по правде сказать, мне кажется, что все с самого начала было совершенно *очевидно*...

---

[2] notes: 2
Устаревшее *(фр.)*.

Ну хорошо, расскажу об этом по порядку, и если вам покажется, что я возгордилась больше, чем надо, то напомню: мною сделано не так уж мало — я оказала помощь ближнему, попавшему в чрезвычайно затруднительное положение.

Все началось с того, что однажды вечером, около девяти, в комнату вошла Гвен (вы помните Гвен, мою маленькую рыжеволосую горничную), и вот, она вошла и сказала, что меня хотят видеть мистер Питерик и еще один джентльмен. Они ждали в гостиной, куда их провела Гвен — и, кстати, поступила совершенно правильно. Сама я сидела в столовой, потому что считаю, в начале весны разжигать камины и там и сям — настоящее расточительство.

Я послал Гвен принести херес и рюмки, а сама поспешила в гостиную. Не уверена, помните ли вы мистера Питерика. Умер он два года назад, но я знала его много лет: он был не только моим другом, но и помощником по юридической части. Очень проницательный и по-настоящему умный адвокат. Теперь моим поверенным в делах является его сын, очень милый парнишка и очень современный, но все-таки я не чувствую к нему того *доверия,* какое испытывала к отцу.

Итак, я объяснила мистеру Питерику насчет

огня в камине, и он сразу же согласился перейти в столовую вместе с другом, которого тут же представил как мистера Роудса. Тому было слегка за сорок, но выглядел он еще молодо. С первого взгляда я поняла: тут что-то не так. Очень уж его манеры были *необычные.* Иной назвал бы их грубыми, если бы сразу не понял, что бедняга переживает сильнейшее *потрясение.*

Когда мы уселись в столовой и Гвен принесла херес, мистер Питерик объяснил цель визита.

— Мисс Марпл, — начал он, — простите старого друга за то, что я позволил себе такую вольность. Меня привела необходимость с вами посоветоваться.

Я не совсем поняла, что он хочет сказать, но он продолжил:

— В случае болезни полезно выслушать обе точки зрения: мнение специалиста и мнение семейного врача. Обычно предпочтение отдается первому, но я не вполне уверен, что это правильно. Специалист обладает необходимым опытом только в своей области; семейный же врач, возможно, не так учен, зато у него более широкий опыт.

Я хорошо поняла, что он имеет в виду, потому что незадолго до того моя юная племянница

весьма некстати поторопилась отвести ребенка к одному очень известному специалисту по кожным болезням, не посоветовавшись прежде со своим доктором, которого считала старым маразматиком, и врач-светило прописал какой-то ужасно дорогой курс лечения, а позже выяснилось, что ребенок болен корью, — правда, в необычной форме.

Я упомянула об этом, *рискуя навлечь вашу немилость*, лишь для того, чтобы показать, насколько разделяю точку зрения мистера Питерика, но тогда все-таки не поняла сразу, куда он клонит.

— Если мистер Роудс заболел... — начала я, но тут же остановилась, потому что бедняга разразился ужасным смехом.

— Я подвергаюсь опасности, — сказал он, — умереть через несколько месяцев, задохнувшись в петле.

Тогда до меня, наконец, дошло. Речь шла о деле, связанном с убийством, совершенном недавно в Барнчестере, городке, находящемся милях в двадцати. Боюсь, в свое время я не уделила ему достаточно внимания, ведь тогда у нас в деревне только и говорили, что об одной местной сиделке, и любые события внешнего мира, такие, как землетрясение в Индии или убийство

в Барнчестере — на самом деле, конечно же, более важные, — как-то поблекли по сравнению с нашими небольшими местными потрясениями. Увы, такова сельская жизнь. Но все-таки я *хорошо* помню, как в газете писали о том, как в гостинице убили ножом какую-то даму, хотя у меня в памяти и не отложилось ее имя. И вот теперь выясняется, что она являлась женой мистера Роудса — уже одно это было достаточно неприятно — так его еще стали подозревать, что он сам ее и убил.

Все это мистер Питерик очень складно мне рассказал и добавил, что хотя жюри присяжных в суде, расследующем убийства, и вынесло вердикт, гласящий, что в ходе следствия не установлено, кем именно совершено данное преступление, мистер Роудс имеет основания полагать, что через день-два его арестуют, и потому он обратился к мистеру Питерику и доверил ему свою дальнейшую судьбу. Далее мистер Питерик поведал, что перед приходом ко мне они побывали у сэра Малькольма Олда, королевского коронера, ведущего дела об убийствах, консультировались с ним и что, в случае если дело поступит для дальнейшего разбирательства в суд, защищать мистера Роудса возьмется сэр Малькольм.

Мистер Питерик сообщил, что сэр Малькольм

человек молодой, его методы ведения судебных дел очень современны и он уже определил, какой линии станет придерживаться в защите. Но мистер Питерик не вполне удовлетворен избранной им тактикой.

— Видите ли, мисс Марпл, — сказал он, — она грешит тем, что я называю «подходом специалиста». Поручите сэру Малькольму любое дело, и он увидит в нем только одно: как его проще всего выиграть. Но даже самая превосходная линия при защите способна полностью игнорировать самое главное. А что может быть важнее в суде, как не выяснить, что произошло в действительности.

Затем он перешел к тому, что высказал множество самых милых и льстящих моему самолюбию комплиментов о моих проницательности, рассудительности и знании человеческой природы и попросил у меня позволения рассказать обо всем подробней в надежде, что я смогу дать какое-либо разумное объяснение происшедшему.

Я, однако, заметила, что мистер Роудс отнесся к моему участию в деле крайне скептически, не верил, что я могу оказаться полезной, и вообще не был рад, что пришел. Но мистер Питерик сделал вид, что не обращает внимания, и продолжал излагать сухие факты относительно того, что

случилось в ночь на восьмое марта.

Мистер и миссис Роудс приехали в Барнчестер и остановились в гостинице «Корона». Миссис Роудс, которая, как я могла судить по рассказу мистера Питерика, несмотря на всю осторожность его выражений, являлась, пожалуй, женщиной довольно мнительной по части своего здоровья, поспешила лечь в постель сразу после ужина. Они с мужем занимали два смежных номера, которые сообщались между собой через общую дверь. Мистер Роудс, который пишет книгу о доисторических орудиях труда из кремня, решил поработать над ней в своем номере. В одиннадцать он собрал страницы рукописи и решил лечь спать. Перед этим ему пришло в голову заглянуть на всякий случай в комнату жены, вдруг ей что-нибудь нужно. Он обнаружил, что свет включен, а жена лежит на кровати с пронзенным сердцем. Смерть наступила за час до того, а может, еще раньше. Тут следует сделать несколько замечаний относительно некоторых фактов. В номере у миссис Роудс имелась еще одна дверь, выходящая в коридор. Она была заперта и закрыта изнутри на засов. Единственное в комнате окно было закрыто на шпингалет. По словам мистера Роудса, через комнату, где он

работал, никто не проходил, за исключением горничной, разносящей большие керамические бутыли с горячей водой для согревания постелей. Орудием убийства послужил тонкий кинжал типа стилета, который преступник оставил в ране. Этот кинжал обычно лежал у миссис Роудс на туалетном столике — она любила использовать его в качестве ножа для разрезания бумаги. Отпечатков пальцев на нем не оказалось.

Ситуация, таким образом, следующая: в комнату, где произошло убийство, не заходил никто, кроме горничной и мистера Роудса.

Я спросила, как там насчет горничной.

— Это первое, что мы сразу же постарались разузнать, — ответил мистер Питерик. — Зовут Мэри Хилл, из местных. Совершенно невозможно представить, с чего бы ей вдруг захотелось напасть на кого-то из постояльцев. Она, кроме того, чрезвычайно глупа, почти слабоумная. Когда ее спрашивали, она лишь твердила одно и то же. Она принесла для миссис Роудс бутыль с горячей водой, и, по ее словам, леди уже засыпала, как раз начинала дремать. Откровенно говоря, мне трудно поверить, что она совершила это преступление, и я уверен, что ни одно жюри присяжных тоже не поверит.

Мистер Питерик привел еще несколько деталей, дополняющих картину преступления.

В «Короне» у верхней площадки лестницы есть что-то вроде маленькой гостиной, где иногда пьют кофе. Оттуда идет направо небольшой коридор, заканчивающийся как раз у номера, который занимал мистер Роудс. От этого места под прямым углом к коридору расположен совсем уже маленький коридорчик, идущий тоже направо, и первая же его дверь ведет в номер, где была убита миссис Роудс. В то время, когда произошло преступление, обе двери находились на виду у имеющихся свидетелей. Первую дверь — ту, что вела в номер мистера Роудса и которую я назову дверь «А», — могли видеть четыре человека: двое коммивояжеров и престарелая супружеская пара, которые тогда пили кофе. Согласно их показаниям, через дверь «А», кроме мистера Роудса и горничной, никто не проходил. Что же касается второй двери, выходящей в коридорчик, — назовем ее дверь «Б», — то работавший рядом с ней электрик готов поклясться, что в дверь «Б» никто не входил, кроме горничной.

Дело, разумеется, обещало стать интересным и даже захватывающим. Если основываться на одних фактах, то получалось, что, кроме мистера

Роудса, убить его жену было просто *некому*. Но я видела, что мистер Питерик совершенно убежден в невиновности клиента, а мистер Питерик человек очень проницательный.

Во время предварительного расследования мистер Роудс довольно бессвязно поведал какую-то нескладную историю о какой-то женщине, писавшей его жене письма с угрозами. Рассказу этому, как я сразу догадалась, никто не поверил. По просьбе мистера Питерика мистер Роудс сам высказал на сей счет свое мнение.

— Честно говоря, — сообщил он, — я сам в это не верил. Думал, Эми сама все сочиняет.

Основываясь на всем услышанном далее, я сделала вывод, что миссис Роудс принадлежала к числу тех романтических натур, которые любят приврать и проходят по жизни, приукрашивая все, что с ними происходит. Число всяческих приключений, которые, по ее словам, происходили с ней за год, просто поражало воображение. Если случалось поскользнуться на кожуре от банана, то в ее устах это превращалось в историю о том, как она оказалась на волосок от гибели. Если вдруг загорался абажур на лампе, то в ее передаче получалось, что она чудом и с риском для жизни спаслась из горящего дома.

Мистер Роудс привык не придавать значения ее словам. Так что на рассказ о какой-то женщине, чьего ребенка она сбила во время автомобильной аварии, после чего тот оказался в больнице, и которая поклялась отомстить, он даже не обратил внимания. Это случилось до их свадьбы, и хотя жена иногда читала ему письма, полные безумных угроз, он подозревал, что она сама их и сочиняет. Такое с ней действительно прежде случалось — ну, может, раз или два. То была женщина истерического склада, которой непрерывно требовались драмы и потрясения.

В этом, по-моему, как раз нет ничего слишком уж необычного; у нас, например, в деревне есть молодая дама, которая ведет себя точно так же. Опасность для таких людей заключена в том, что, когда с ними происходит действительно что-то необычное, им никто не верит. Кажется, в данном случае все оказалось именно так. Полиция, на мой взгляд, просто сочла, что мистер Роудс водит ее за нос, чтобы отвести от себя подозрения.

Тогда я спросила, не останавливалась ли в гостинице какая-нибудь женщина, путешествующая одна. Оказалось, их было даже две: миссис Грэнби, вдова англичанина, служившего в Индии, и миссис Каррутерс, старая дева, напоминавшая

скорее старую клячу и не выговаривавшая звук «г». Мистер Питерик добавил, что, сколько ни расспрашивал, ему так и не удалось найти никого, кто видел бы хоть одну из них вблизи места преступления и что нет никаких оснований подозревать, что одна из них может оказаться к нему хоть сколько-нибудь причастна. Я попросила описать их внешность. Он рассказал, что миссис Грэнби — особа лет пятидесяти с рыжеватыми, довольно неряшливо причесанными волосами и болезненно желтоватым лицом. Одежда ее весьма живописна и сшита в основном из натурального шелка и других тканей в том же духе. Мисс Каррутерс около сорока, у нее стриженые, как у мужчины, волосы, она пользуется пенсне и носит строгие юбки с пиджаками мужского покроя.

— Надо же, — проговорила я, — дело все усложняется.

Мистер Питерик посмотрел на меня вопросительно, но я не хотела раньше времени раскрывать карты и потому спросила, что именно сказал им сэр Малькольм Олд.

Сэр Малькольм считал, что ему удастся получить благоприятное заключение медицинской экспертизы и придумать, как преодолеть труд-

ности, связанные с отпечатками пальцев. Я спросила мистера Роудса, что он об этом думает, и тот ответил, что все доктора глупы, а он лично не верит, что жена сама себя зарезала.

— Не такой она человек, — сказал он просто, и я ему поверила. Люди с истерическими наклонностями самоубийство обычно не совершают.

Я подумала с минуту, а затем спросила, выходит ли дверь комнаты, где находилась миссис Роудс, непосредственно в коридорчик. Мистер Роудс ответил, что нет; там имелось еще нечто вроде маленькой прихожей, откуда вели двери в туалет и ванную. Заперта и закрыта изнутри на засов была именно дверь, ведущая из спальни в эту прихожую.

— В таком случае, — заметила я, — все очень просто.

Все было и вправду чрезвычайно просто. Дело в том, что никому не пришло в голову взглянуть на ситуацию с другой стороны.

И мистер Питерик и мистер Роудс так на меня уставились, что я смутилась.

— Возможно, — произнес, наконец, мистер Роудс, — мисс Марпл не до конца представляет себе всю сложность этого дела.

— Напротив, — пришлось возразить мне. — Ду-

маю, что очень хорошо представляю. На вопрос, кто виновен в смерти миссис Роудс, может быть всего четыре ответа. Ее могли убить муж, горничная, она могла совершить самоубийство, либо ее мог убить кто-то, кого никто не видел.

— Последнее исключено, — вмешался мистер Роудс. — Пройти через комнату, где я находился, было невозможно: я бы увидел, но даже если бы кто-то ухитрился войти через дверь комнаты, где находилась жена, так, чтобы не заметил электрик, как, черт побери, ему удалось выйти, заперев дверь изнутри, да еще на засов?

Мистер Питерик посмотрел на меня и ободряюще произнес:

— Ну, мисс Марпл?

— Мне бы хотелось задать один вопрос. Мистер Роудс, как та горничная выглядела?

Тот задумался, а потом сказал, что не помнит наверное, но, кажется, она была довольно высокой... А вот светловолосой или темной — сказать трудно. Я обратилась к мистеру Питерику и задала тот же вопрос.

Он тут же вспомнил, что она среднего роста, у нее довольно светлые волосы, голубые глаза и на щеках достаточно сильный румянец.

Мистер Роудс заметил:

— Вы гораздо наблюдательнее меня, Питерик.

Я позволила себе не согласиться. И попросила мистера Роудса описать горничную, которая служит у меня. Ни он, ни мистер Питерик не смогли этого сделать.

— Надеюсь, вы понимаете, о чем это говорит? — спросила я их. — Вы пришли ко мне озабоченные собственными проблемами, а та, что открыла вам дверь, всего лишь *горничная*. То же самое произошло с мистером Роудсом и в гостинице. Ему было достаточно того, что он видит передник и форменное платье. Его увлекла работа. А мистер Питерик общался с той же самой женщиной совсем по другому поводу и с другой целью. Его интересовало, *что она собой представляет.* Как раз на это и рассчитывала убийца.

Видя, что мои собеседники еще так и не уловили, в чем дело, я решила продолжить свою мысль:

— Думаю, — начала я дальнейшие объяснения, — все обстояло следующим образом. Горничная вошла в дверь «А», проследовала с бутылью через номер мистера Роудса в номер к миссис Роудс и вышла в другую дверь, ведущую в проход «В» через прихожую. Неизвестная «Х» — так мы назовем ту особу, которая и совершила

убийство, — вошла через дверь «В» в прихожую, а затем укрылась в... гм... ну, скажем так, в некоем помещении и прождала там, пока горничная, выходя, не прошла мимо. Затем она вошла в комнату миссис Роудс, взяла стилет с туалетного столика (вне сомнения, она тщательно осмотрела комнату еще днем), подошла к самой кровати, ударила им засыпающую женщину, протерла рукоятку стилета, закрыла замок и задвинула засов на двери, через которую вошла, а затем проследовала через комнату, где работал мистер Роудс.

– *Но я бы увидел ее!* — вскричал мистер Роудс. — И электрик увидел бы, как она вошла.

— Нет, — возразила я, — вот здесь вы и ошибаетесь. Вполне естественно, что вы на нее не обратили внимания — *ведь она была одета как горничная.* — Я подождала, пока они вполне уяснят смысл моих слов, и продолжила: — Вас увлекла работа; краем глаза вы могли заметить, как горничная вошла, затем направилась в комнату вашей жены, вернулась и вышла. Одно и то же *платье*, но разные женщины. Точно так же не заметили подмены те, кто пил кофе: горничная входит — горничная выходит. То же самое и с электриком. Вот если бы горничная была хорошенькой и сей джентльмен смог увидеть ее лицо

— тогда бы он ее запомнил, как и любой на его месте, такова человеческая природа, но раз то была всего-навсего обычная женщина средних лет... ну что ж... тогда он мог заметить лишь *платье* горничной, а не саму женщину.

— Но кто же она? — воскликнул мистер Роудс.

— Ну что же, — ответила я, — выяснить это будет немножко трудней. Скорей всего, миссис Грэнби или мисс Каррутерс. Кажется, миссис Грэнби обычно носит парик, так что, переодевшись горничной, она могла бы обойтись без него. С другой стороны, эту роль могла бы сыграть мисс Каррутерс с ее короткой стрижкой под мальчика, для этого ей оставалось лишь надеть парик. Однако узнать, которая же из них, не так трудно. Лично я склоняюсь к тому, что убийцей окажется мисс Каррутерс.

На этом, дорогие мои, эта история и заканчивается. Фамилия Каррутерс оказалась не настоящей, но та постоялица и вправду была той самой женщиной. В их роду многие страдали помутнением рассудка, это передавалось из поколения в поколение. Миссис Роудс, которая вела себя за рулем в высшей степени неосторожно и была опасной лихачкой, действительно как-то раз сбила ее маленькую девочку, и от этого бедняжка мать

помешалась умом. Она весьма хитроумно скрывала свое сумасшествие, за исключением того, что писала намеченной жертве письма, явно свидетельствующие о душевной болезни. Какое-то время она следила за нею, а затем у нее в голове сложился тщательно продуманный план. Вскоре удалось обнаружить парик и платье горничной, которые она первым делом отослала по почте на следующее же утро. Когда ей предъявили улики, она раскисла и сразу созналась. Бедняжка сейчас в Бродмурской лечебнице. Абсолютно сумасшедшее, но очень умно спланированное преступление.

Впоследствии мистер Питерик зашел ко мне и принес очень милое письмо от мистера Роудса — знаете, оно прямо заставило меня покраснеть. Потом старый мой друг обратился ко мне:

— Позвольте спросить только об одной вещи: почему вы подумали, что, скорее всего, преступление совершила Каррутерс, а не Грэнби? Ведь вы никогда не видели ни ту, ни другую.

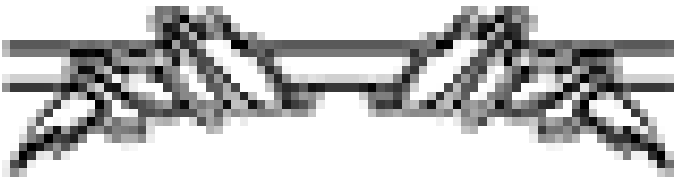
— Ну как же, — ответила я, — все дело в том, что она не выговаривала «г». Вы сами об этом сказали. Судя по книжкам, так говорят многие, увлекающиеся охотой, но в жизни мне приходилось не часто встречать людей с таким выговором, тем

более из числа тех, кому еще нет шестидесяти. Вы ведь сказали, что ей около сорока. Эти проглатываемые «г» навели на мысль, что так должна произносить слова женщина, которая исполняет какую-то роль, но переигрывает.

Не стоит говорить вам, что мистер Питерик на это ответил, но он так рассыпался в комплиментах... И все же я не могу удержаться, чтобы хоть самую маленькую чуточку не почувствовать, что я все-таки собою довольна.

Все же порой кажется невероятным, насколько в этом мире все может обернуться к лучшему. Мистер Роудс женился вновь, да на такой милой, чудесной девушке, и у них такой милый ребеночек, и что бы вы думали? Они пригласили меня быть его крестной. Ну не любезно ли это с их стороны? А теперь прошу меня извинить, если я отняла у вас чересчур много времени; надеюсь, вам так не показалось...

ДЕЛО СМОТРИТЕЛЬНИЦЫ
The Case of the Caretaker



I

— Нуте-с, как наши дела сегодня? — обратился к пациентке доктор Хейдок.

Мисс Марпл слабо улыбнулась ему с белой подушки.

— Кажется, мне действительно лучше, — проговорила она, — но у меня ужасная депрессия.

Не могу отделаться от мысли, что мне лучше было бы умереть. Я ведь уже старая. Никому я не нужна, и заботиться обо мне некому.

Доктор Хейдок перебил ее со свойственной ему бесцеремонностью:

— Да-да, последствие типичное для этой разновидности гриппа. Что вам нужно, так это какое-нибудь укрепляющее средство, которое вас взбодрит.

Мисс Марпл со вздохом кивнула.

— Больше того, — продолжил доктор Хейдок, — лекарство уже у меня в кармане!

И он положил на одеяло продолговатый конверт.

— То, что вам нужно. Что-то вроде головоломки, совсем по вашей части.

— Головоломка? — Мисс Марпл оживилась.

— Мой литературный опус, — сказал доктор и слегка покраснел. — Постарался придать форму рассказа. «Сказал он», «сказала она», «девушка подумала» и так далее. В основе лежат реальные факты.

— Но почему головоломка? — спросила мисс Марпл.

Доктор Хейдок усмехнулся.

— Потому что интерпретировать их предстоит

вам. Хочу проверить, так ли вы умны на самом деле, как хотите казаться.

И он поспешил ретироваться, подобно тому как парфяне обращались в притворное бегство, чтобы верней поразить врага.

Мисс Марпл взяла рукопись и начала читать:

«– А где же новобрачная? – радушно воскликнула мисс Хармон.

Вся деревня пребывала в нетерпении, желая поскорее увидеть богатую и молодую красавицу жену, которую Гарри Лакстон привез из-за границы. Преобладало снисходительное мнение, что Гарри – испорченный молодой повеса – просто везунчик. Все и всегда были к нему снисходительны и терпимы. Даже хозяева окон, пострадавшие от его не выбирающей цели рогатки, обнаруживали, что их негодование исчезает при виде Гарри, умоляющего великодушно его простить. Он бил стекла, воровал яблоки, таскал кроликов, а несколько позже еще и залезал в долги, путался с дочерью хозяина местной табачной лавчонки, потом ему навязчиво помогли выпутаться и

отослали служить в Африку, и вся деревня в лице многочисленных старых дев снисходительно изрекла: «Ну, наконец! Молодо-зелено, теперь он угомонится!»

И вот свершившийся факт: блудный сын вернулся, и не страдальцем, а триумфатором. Гарри Лакстон, как говорится, «стал хорошим». Он взял себя в руки, работал как вол и наконец встретил и успешно охмурил юную девушку англо-французского происхождения, обладательницу значительного состояния.

Гарри мог бы поселиться в Лондоне или приобрести поместье в каком-нибудь респектабельном графстве, славящемся охотой на лис, но он предпочел вернуться в родные края. И здесь – тут уж сплошная романтика – он приобрел брошенное поместье, во флигеле которого провел детство. В особняке Кингсдин-Хаус никто не жил уже почти семнадцать лет. Постепенно он пришел в упадок и запустение. И лишь в одном его обитаемом уголке жил пожилой смотритель с женою. Особняк представлял собой большое, импозантное и одновременно величественное

здание, окруженное заросшим буйными травами садом, деревья обступили его, словно мрачное логово чародея.

Флигель был приятным, без всяких претензий домиком, и его когда-то в течение многих лет арендовал майор Лакстон, отец Гарри. Мальчиком Гарри исходил поместье вдоль и поперек, знал каждый дюйм здешних рощ, а сам старый дом всегда пленял его.

Майор Лакстон умер несколько лет назад, так что на первый взгляд могло показаться, будто Гарри никак не связан с этими местами, – и тем не менее он вернулся и привел молодую жену в дом своего детства.

Разрушенный старый особняк снесли. Целая армия подрядчиков-строителей десантировалась на это место и в удивительно короткий срок, ибо деньги и впрямь способны творить удивительные чудеса, новый дом засиял белизной среди деревьев. Затем появился отряд садовников, за ними последовала вереница фургонов, груженных мебелью.

Дом был готов. Прибыли слуги. И, нако-

нец, дорогой лимузин доставил Гарри с супругой к парадному крыльцу.

Вся деревня поспешила отреагировать на это событие, и миссис Прайс, владелица самого большого в деревне дома, считающая себя главой местного общества, разослала приглашения на вечер, устраиваемый «в честь новобрачной».

Праздник удался на славу, некоторые леди даже сшили ради него новые платья. Все горели возбуждением, любопытством, страстным желанием наконец увидеть это легендарное существо. Говорят, все походило на сказку.

Мисс Хармон, простодушная и невзрачная старая дева, протискиваясь через толпу, образовавшуюся у входа в гостиную, не смогла удержаться и бросила пробный мяч в виде риторического вопроса относительно достоинств приезжей.

Мисс Брент, тоже старая дева, худощавая и невысокого роста, с вечно кислой миною на лице, подхватила его на лету, и ответ, порхая, слетел с ее уст:

– Ах, дорогая, она совершенно очаровательна. Какие чудесные манеры. И

такая молоденькая. Просто завидуешь, когда видишь такую, у которой есть все: и внешность, и деньги, и воспитание – такая утонченная, ни малейшего намека на вульгарность, и наш милый Гарри ее обожает!

– Что вы хотите, – отозвалась мисс Хармон, – они ведь еще молодожены!

Тонкие ноздри мисс Брент понимающе затрепетали.

– Ах, боже мой, неужто вы полагаете...

– Уж мы-то знаем, каков Гарри, – покачала головой мисс Хармон.

– Мы знаем, каким он был! Но теперь-то, думаю...

– Ах, – сокрушенно промолвила мисс Хармон, – мужчин-распутников не переделаешь. Обманул хоть одну – станет обманывать и других. Я их знаю.

– И вправду. Ах, бедняжка, – выражение лица мисс Брент стало менее кислым, – она еще с ним нахлебается. Ее просто необходимо предупредить. Интересно, приходилось ли ей слышать хотя бы что-нибудь о его прежних похождениях?

– Все это настолько ужасно, – возразила

мисс Хармон, – ей лучше не знать. Представьте себя на ее месте. Да еще при том, что аптека у нас лишь одна.

Та, которую прежде знали как дочку хозяина табачной лавки, теперь являлась женой мистера Эджа, аптекаря.

– Однако для миссис Лакстон, – предположила мисс Брент, – все-таки лучше иметь дело с Бутсом из Мач Бенэма.

– Думаю, – заметила мисс Хармон, – Гарри предложит ей это сам.

Еще один многозначительный взгляд.

– И все-таки я полагаю, – продолжала настаивать мисс Брент, – что ей надо знать.

II

– Какие они звери! – воскликнула Клариса Вейн, обращаясь к своему дяде, доктору Хейдоку. – Нет, эти люди – настоящие звери.

Он посмотрел на нее удивленно.

То была высокая темноволосая девушка, симпатичная, импульсивная и добросердечная. Ее большие карие глаза вспыхнули огнем негодования, когда она

продолжила:

– Все эти драные кошки... Все эти сплетни... Все эти намеки.

– О Гарри Лакстоне?

– Ну да, о его интрижке с дочкою лавочника.

– Ах, вот ты о чем! – Доктор пожал плечами. – У большинства людей в молодости бывают подобные истории.

– Конечно, бывают, а потом заканчиваются. Так зачем же теперь вытаскивать их на свет? И продолжать о них толковать спустя многие годы? Это все равно что пировать на мертвых телах, как вурдалаки или кладбищенские воры.

– Позволь сказать, милочка, что тебе так лишь кажется. Видишь ли, им тут почти совсем не о чем разговаривать, так что неизбежно приходится жить скандалами прошлого. Но интересно знать, почему тебя это так сильно огорчает?

Клариса Вейн прикусила губу и покраснела. Затем проговорила глухим от волнения голосом, что прозвучало у нее очень забавно:

– Они... они выглядят такими счастли-

выми. Я имею в виду Лакстонов. Молоды, любят друг друга, все у них так прекрасно. Страшно подумать, что все это могут испортить намеки, сплетни, нашептывания и всеобщая бесчеловечность.

– Гм. Понятно.

Клариса продолжила:

– Мы с ним только что разговаривали. Он так счастлив, полон энергии и увлечен и... да, полон трепета... потому что он смог выполнить заветное желание и отстроить Кингсдин. Он радуется как ребенок. А она... понимаете, у меня такое ощущение, что у нее в жизни еще не было ни одного разочарования. У нее всегда было все. Вы ее сами видели. Что вы о ней думаете?

Доктор ответил не сразу. Иные действительно позавидовали бы Луизе Лакстон, этакому избалованному дитяте фортуны. Но доктора Хейдока ее появление заставило вспомнить припев песенки *«Бедная богачка»,* что была популярна много лет назад...

Хрупкая, невысокая фигурка, льняные волосы, завитые в слишком жесткие кудряшки, обрамляющие лицо, и большие, с

грустинкой, синие глаза. Луиза чуть-чуть сутулилась. Бесконечный поток поздравлений утомил ее. Скорей бы уйти. Хорошо бы прямо сейчас, пусть Гарри лишь намекнет. Она взглянула на него украдкой. Какой высокий, широкоплечий, всегда такой веселый посреди этих ужасных скучных людей.

«Бедная богачка»...

III

– У-у-ф! – это был вздох облегчения.

Гарри обернулся, чтобы бросить на жену полный восхищения взгляд. Они уже ехали домой.

– Дорогой, – проговорила она, – какой это был жуткий вечер!

Гарри усмехнулся.

– Да, жутковатый. Не обращай внимания, моя прелесть. Понимаешь, этого нельзя было избежать. Все эти драные кошки знали меня еще мальчишкой. Они ужасно расстроились бы, если не получили бы возможности взглянуть на тебя вблизи.

Луиза ответила ему гримаской.

– Нам обязательно придется теперь их всех принимать?

– Что? Ну уж нет. Они заявятся к тебе с официальными визитами, чтобы вручить визитные карточки, ты на них ответишь, и тем все закончится. Они больше не станут тебя беспокоить, и ты сможешь завести любых друзей, которые придутся тебе по душе.

Луиза помолчала минуты две.

– Неужели здесь поблизости нет приятных людей?

– Ну почему же. Вот, например, семья Каунти, хотя, пожалуй, и они могут тебе показаться скучноватыми. Интересуются преимущественно выпивкой, собаками и лошадьми. Тебе нужно тоже заняться верховой ездой. Тебе это понравится. В Эглинтоне есть конь, которого мне хотелось бы тебе показать. Красавец, прекрасно выезженный, только очень уж норовист, но это единственный его порок.

Автомобиль притормозил, поворачивая к воротам Кингсдина. Внезапно перед ним возникла уродливая фигура, кто-то

выскочил на середину дороги перед самой машиной, Гарри крутанул руль и выругался, едва успев избежать столкновения. Им вслед раздались проклятия.

Луиза вцепилась в руку мужа.

– Кто эта... эта ужасная старуха?

Гарри помрачнел.

– Это старая Мергатройд. Они с мужем жили смотрителями в старом доме. Жили почти тридцать лет.

– А почему она показала тебе кулак?

Гарри покраснел.

– Она... ну, ей не понравилось, что дом снесли. Конечно, ее уволили. Муж у нее вот уже два года как умер. Говорят, после его смерти она стала вести себя странно.

– Она... она не... не голодает?

Представления Луизы о жизни были туманны и в чем-то наивны. Богатство мешает прямым контактам с реальностью. Гарри рассердился.

– Помилуй боже, Луиза, что за мысли! Разумеется, я назначил ей пенсию... и очень, кстати, хорошую! Подыскал для нее новый дом и все такое.

– Тогда чего же ей нужно? – спросила

сбитая с толку Луиза.

Гарри нахмурился, его брови почти соединились на переносице.

– Откуда мне знать? Она с придурью! Была влюблена в дом.

– Но разве он практически не развалился?

– Конечно, развалился... Прямо куски отваливались... крыша текла... находиться там было опасно. И все равно, думаю, он для нее многое значил. Она так долго там прожила. Ну, я правда не знаю! У старой чертовки, наверное, не все дома.

– Она... – с тревогой произнесла Луиза, – думаю, она прокляла нас. Ой, Гарри, мне страшно.

IV

Луизе казалось, что сумасшедшая злая старуха наложила проклятие на ее новый дом. Когда она ехала куда-нибудь на машине, когда каталась верхом, когда выгуливала собак – ее везде подкарауливала одна и та же зловещая фигура. Словно согнувшаяся под собственной тяжестью, в замызганной шляпе на вися-

щих клочьями седых волосах, медленно бормочет проклятия. Луиза, в конце концов, поверила в правоту слов Гарри – старуха действительно была сумасшедшей. Но от этого не становилось легче. Миссис Мергатройд никогда не заходила в дом, в ее угрозах не было ничего определенного, она не угрожала насилием. Ее сгорбленная фигура всегда маячила лишь за воротами. Обращение за помощью к полиции не принесло бы пользы, и Гарри Лакстон в любом случае был против действий такого рода. По его словам, это лишь вызвало бы всеобщую симпатию по отношению к старой бестолочи. Он принимал случившееся не так близко к сердцу, как Луиза.

– Не беспокойся так, дорогая. В конце концов, ей надоест эта глупая затея с проклятиями. Думаю, это она так просто, чудит.

– Все далеко не так просто, Гарри. Она... она ненавидит! Я чувствую. Она... она желает нам зла.

– Дорогая, она не ведьма, хотя на нее очень похожа! Ты все слишком болезнен-

но воспринимаешь.

Луиза ничего не ответила. Теперь, когда возбуждение, связанное с вселением в новый дом, прошло, она почувствовала себя на удивление одинокой, прямо места себе не находила. Она привыкла жить в Лондоне и на Ривьере. Понятия не имела, что представляет собой сельская жизнь в Англии, и не имела к ней вкуса. Невежда по части садоводства и разведения цветов, она знала только заключительный этап, а именно – «как составить букет». Собаки ей, по правде сказать, были совершенно безразличны. Соседи, с которыми приходилось встречаться, наводили тоску. Больше всего нравились верховые прогулки, иногда с Гарри, а иногда, когда он занимался хозяйством, без него. Она ехала не спеша по рощам и сельским дорогам, наслаждаясь неторопливым шагом красавца коня: его купил для нее Гарри. Но и Принц Хэл, этот, наверное, самый чуткий из всех гнедых скакунов, начинал пугливо фыркать и косить глазом, когда им встречалась согнутая фигура злобной старухи.

Однажды Луиза собрала в кулак все свое мужество. Случилось это во время одной из обычных пеших прогулок. Обогнав миссис Мергатройд, словно не замечая ее, она уже было совсем прошла мимо, но внезапно вернулась и приблизилась к ней.

– Что такое, – сказала она слегка взволнованным голосом. – В чем дело? Чего вы хотите?

Старуха молча смотрела на нее, только мутные глазки моргали на хитром и смуглом, как у цыганки, лице, обрамленном седыми космами. В ее взгляде читалось недоверие. Луиза подумала, не пьет ли она.

Та ответила плаксивым, но вместе с тем угрожающим тоном:

– Спрашиваешь, чего я хочу? Взаправду, чего? То, что у меня взяли. Кто меня выгнал из Кингсдина? Я там жила и девчонкой, и взрослой женщиной аж сорок годков. Выгнать меня было черное дело, и оно выйдет боком и тебе, и ему, ваша беда тоже будет черной!

– Но у вас, – принялась объяснять Луи-

за, – теперь есть чудесный домик и...

Тут старуха взорвалась. Взмахнув руками, она выкрикнула:

– А мне-то чего в этом хорошего? Мне нужно мое собственное жилье и мой собственный очаг, у которого я провела столько лет. А что до тебя и его, то я так скажу: не будет счастья вам в новом красивом доме. Он будет вам черным проклятием! Горе вам, смерть и мои проклятия. Чтоб у тебя лицо сгнило.

Луиза отшатнулась и, спотыкаясь, побежала прочь. *«Я должна отсюда убраться, – думала она. – Мы должны продать дом! Нам нужно уехать».*

В тот момент подобный исход казался ей простым. Но полное непонимание со стороны Гарри поразило ее.

– Уехать? Продать дом? Из-за угрозы сумасшедшей старухи? Ты сошла с ума.

– Нет, не сошла. Но она... она пугает меня. Я знаю, что-то должно случиться.

– Предоставь миссис Мергатройд мне, – заявил Гарри Лакстон мрачно. – Я с ней разберусь.

V

К тому времени между Кларисой Вейн и юной миссис Лакстон установились дружеские отношения. Обе девушки были примерно одного возраста, хотя характер и вкусы их различались. В компании Кларисы Луиза чувствовала себя бодрее. Клариса была такая сильная, такая уверенная в себе. В разговоре с ней Луиза упомянула об угрозах со стороны миссис Мергатройд, но Клариса, похоже, считала эту историю скорей досадной, нежели пугающей.

– Это все так глупо, – сказала она. – Должно быть, сильно действует тебе на нервы.

– Знаешь, Клариса, я... я иногда чувствую себя просто напуганной. Сердце так и начинает колотиться в груди.

– Ерунда, ты не должна допускать, чтобы выходки глупой старухи так на тебя влияли. Она сама скоро от них устанет.

Минуту-другую Луиза не отвечала.

– Ну, что скажешь? – спросила Клариса.

Луиза помолчала еще с минуту, затем

ее прорвало:

– Ненавижу это место! Ненавижу жить здесь. Рощи и этот дом, и ужасную тишину по ночам, и странные крики сов. О, и здешних людей, и все остальное.

– Людей. Каких?

– Тех, кто живет в деревне. Этих вечно подглядывающих, сплетничающих старых дев.

– И что они такое говорят? – спросила резко Клариса.

– Не знаю. Ничего особенного. Но у них вечно гадости на уме. Когда с ними говоришь, возникает чувство, будто нельзя никому верить, вообще никому.

Клариса постаралась ее успокоить:

– Забудь о них. Им нечем заняться, кроме сплетен. Большинство мерзостей, о которых болтают, они сами же и выдумывают.

– Жаль, что мы вообще сюда приехали, – сказала Луиза, – но Гарри здесь так нравится. – Ее голос потеплел.

Клариса подумала: *«Как она обожает его».* И проговорила отрывистым голосом:

– Мне надо идти.

– Скажу шоферу, чтобы он тебя отвез. Приезжай опять поскорее.

Клариса кивнула. Луиза почувствовала облегчение от приезда своей новой подруги. Вернувшись, Гарри застал жену приободрившейся и с тех пор просил ее чаще приглашать Кларису в их дом.

Однажды он сообщил:

– Дорогая, у меня есть для тебя хорошие новости.

– Какие же?

– Я все устроил с Мергатройд. Знаешь, у нее сын в Америке. Ну, я и устроил так, чтобы она к нему поехала. И оплачу ей проезд.

– Ой, Гарри, как чудесно. Теперь, может быть, я все-таки полюблю Кингсдин.

– Полюбишь? Да это самое замечательное место на свете!

Луиза слегка вздрогнула. Ей было не так просто избавиться от суеверных страхов.

VI

Если дамы, проживающие в Сент-Мэри-Мид, поначалу и надеялись получить на-

слаждение, наушничая Луизе о прошлом ее мужа, то вскоре сам Гарри Лакстон развеял их радужные надежды.

Мисс Хармон и Клариса Вейн как раз находились в аптеке мистера Эджа, где первая покупала нафталин, а другая пакетик борной кислоты, когда туда вошли Гарри Лакстон с женой.

Поприветствовав обеих дам, Гарри подошел к прилавку и, едва объявив, что ему нужна зубная щетка, не дал себе закончить начатую фразу и сердечно воскликнул:

– А ну-ка, ну-ка, смотрите, кто тут! Ручаюсь, что это Белла.

Миссис Эдж, поспешившая выйти к прилавку в связи с неожиданным наплывом покупателей, просияла в ответ лучезарной улыбкой, приоткрывшей большие белые зубы. Темноволосая и симпатичная в прошлом девушка теперь превратилась в достаточно миловидную женщину, правда, несколько прибавившую в весе и с немного погрубевшими чертами, но ее большие карие глаза потеплели, когда она произнесла:

– Ну разумеется, это я, Белла, и очень рада опять вас увидеть. Сколько лет прошло.

Гарри обернулся к жене.

– Это Белла, моя прежняя любовь, – объявил он. – Когда-то я совсем потерял от нее голову. Помнишь, Белла?

– Заметь, ты сам это сказал, – ответила миссис Эдж.

Луиза рассмеялась.

– Мой муж обожает встречать старых друзей, – проговорила она.

– О да, – подхватила миссис Эдж, – но и мы вас не забыли, мистер Гарри. Подумать только, женились, а теперь строите новый дом на месте развалин старого Кингсдина, ну просто сказка.

– Вид у тебя прямо цветущий, – не поскупился на комплимент Гарри; миссис Эдж засмеялась и ответила, что с нею-то все в порядке, а вот как насчет его зубной щетки?

Клариса посмотрела на растерянное лицо мисс Хармон и мысленно воскликнула: *«Так их, Гарри! Круши и обезоруживай».*

VII

– Что за чепуху болтают о старой миссис Мергатройд, будто та околачивается у Кингсдина, трясет кулаками и проклинает новый порядок? – неожиданно обратился к племяннице доктор Хейдок.

– Это не чепуха. Все очень серьезно. Луиза ужасно расстраивается.

– Скажи, пусть не тревожится; когда Мергатройды работали смотрителями, они только и делали, что ворчали и жаловались; прожили они в поместье так долго лишь оттого, что пили; больше их никуда просто не взяли бы.

– Я ей скажу, – проговорила Клариса с большим сомнением в голосе. – Только не думаю, что она поверит. Старуха от ярости то и дело кричит на нее.

– Когда Гарри был мальчишкой, она его обожала. Не понимаю.

– Ну что же, – проговорила Клариса. – Они от нее скоро избавятся. Гарри оплачивает ей поездку в Америку.

Тремя днями позже Луиза расшиблась насмерть, упав с лошади. Двое из

развозившего хлеб фургона видели это собственными глазами. При них Луиза выехала из ворот, при них старуха с криком выскочила на дорогу и замахала кулаками, при них конь испугался, прянул в сторону и понес так, что Луиза Лакстон вылетела из седла.

Один из них остался стоять в растерянности у бездыханного тела, тогда как другой бросился к дому за помощью.

Прибежал Гарри Лакстон, и на него было страшно смотреть. Они сняли с фургона дверь и на ней принесли пострадавшую в дом. Та вскоре умерла, не дождавшись доктора и не приходя в сознание».

(На этом рукопись доктора Хейдока заканчивается).

VIII

Когда на следующий день доктор Хейдок подошел к постели больной, он с удовлетворением отметил, что щеки у пациентки порозовели, и вообще мисс Марпл явно ожила.

— Ну, — обратился он к ней, — каков будет ваш

приговор?

— А в чем проблема? — вопросом на вопрос ответила та.

— Ах, дорогая, мне ли вам объяснять?

— Думаю, — сказала мисс Марпл, — все дело в непонятном поведении смотрительницы. Почему она себя так странно вела? Да, людям не нравится, когда их гонят из собственного дома, но ведь дом-то был не ее. Конечно, живя в нем, она привыкла ворчать и жаловаться. Да, все это, разумеется, шито белыми нитками. А кстати, что с ней, где она сейчас?

— Сбежала в Ливерпуль. Случившееся напугало ее. Решила подождать лайнер там.

— Все это кое-кому очень на руку, — проговорила мисс Марпл. — Хотя, думается, задачку с поведением смотрительницы в качестве неизвестного решить достаточно просто. Пожалуй, он ее подкупил, разве не так?

— Это ваше заключение?

— А как же, ведь если такое поведение не входило в ее привычки, если она все, как говорится, «разыграла», то, значит, кто-то заплатил ей за подобный «розыгрыш».

— И вы можете назвать имя этого человека?

— Пожалуй, да. Увы, здесь, кажется, опять за-

мешаны деньги. К тому же я давно заметила, что мужчина всегда отдает предпочтение женщинам какого-то одного типа.

— Теперь, похоже, начинаю понимать.

— Конечно, все сходится. Гарри Лакстон когда-то восхищался Беллой Эдж, этакой бойкой смуглянкой. Ваша племянница Клариса принадлежит к тому же самому типу. Но его бедная женушка была совершенно другой — светловолосой, меланхоличной — совсем не его тип. Так что совершенно ясно: он женился ради денег. И убийцей стал из-за них!

— Вы назвали его убийцей?

— И он этого заслуживает. Привлекателен для женщин и понятия не имеет о морали. Думаю, он хотел заполучить деньги Луизы и жениться на вашей племяннице. Кажется, его видели разговаривающим с миссис Эдж. Но я не думаю, что он все еще к ней привязан. Хотя, сдается мне, ради своих целей он заставил бедняжку думать именно так. Осмелюсь утверждать, что вскоре он мог ею помыкать, как хотел.

— Но как все-таки ему удалось подстроить убийство жены, что вы скажете?

Мисс Марпл помолчала несколько минут, уставившись в одну точку задумчивыми голубыми

глазами.

— Все было рассчитано по минутам, ведь люди из фургона с хлебом должны были стать свидетелями. Они действительно видели старуху и, разумеется, приписали испуг лошади ее появлению. Но лично я предположила бы духовое ружье или, быть может, рогатку. Ну да, как раз в тот момент, когда лошадь миновала ворота. Разумеется, лошадь взбрыкнула и сбросила миссис Лакстон.

Она замолчала, нахмурившись.

— Вполне вероятно, что та умерла при падении. Но в этом он не мог быть уверен. А он, похоже, из тех, кто тщательно все планирует и ничего не оставляет на волю случая. Кроме того, миссис Эдж могла дать ему что-нибудь подходящее так, чтобы ее муж ничего и не знал. Иначе зачем бы Гарри тратить на нее время? Нет, у него должен был находиться под рукой какой-нибудь сильный наркотик, которым он мог воспользоваться до вашего приезда. Посудите сами, если женщину сбросила лошадь и та расшиблась, а затем умерла, не приходя в сознание, — ну что же, в такой ситуации любой доктор ничего не заподозрит, правда? Он все объяснит шоком или чем-нибудь в этом роде.

Доктор Хейдок молча кивнул.

— А почему заподозрили что-то неладное вы? — спросила мисс Марпл.

— Для этого не нужна была какая-то особенная догадливость с моей стороны, — ответил доктор Хейдок. — Ведь всем хорошо известно, что убийца всегда так горд своей сообразительностью, что не принимает должных мер предосторожности. Я как раз начал произносить слова утешения, которые обычно говорят убитому горем мужу, а мне беднягу действительно было чертовски жаль, когда он откинулся на диванчик, чтобы слегка полицедействовать, и у него из кармана выпал шприц. Он тут же схватил его и выглядел таким растерянным, что это сразу навело меня на размышления. Гарри Лакстон в жизни не кололся, здоровье у него отменное, зачем ему шприц?

На всякий случай произвел аутопсию. Обнаружил строфантин. Остальное просто. Строфантин вскоре нашли у Лакстона, Белла Эдж на допросе покаялась и рассказала, что достала его для своего воздыхателя. И наконец, старуха Мергатройд созналась, что именно Гарри наставил ее на стезю обличений и угроз.

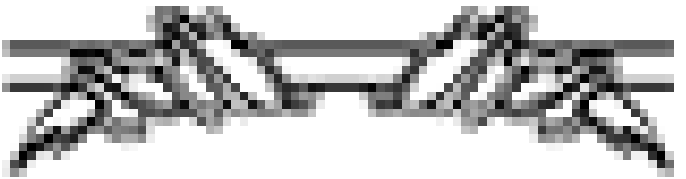
— А как пережила все это ваша племянница?

— Да, этот парень ей нравился, но это не зашло слишком далеко.

Доктор протянул руку и взял рукопись.

— Так что высший балл вам, дорогая мисс Марпл, и высший балл мне за прописанное лекарство. Сегодня вы уже вполне похожи на саму себя.

НЕОБЫЧНАЯ ШУТКА
Strange Jest



I

— А это... — произнесла Джейн Хельер, заканчивая представлять гостей, — это мисс Марпл!

Да, будучи актрисой, она умела поставить точку. При наивысшем взлете, настоящий триумфальный финал. Особый эффект производила и сама необычность ситуации: особа, присут-

ствие коей столь гордо провозглашалось, была всего-навсего скромной и несколько нескладной пожилой леди, да к тому же старою девой. В глазах молодой пары, которая только что познакомилась с нею благодаря любезности Джейн, появились недоверие и намек на унынье. Они прекрасно смотрелись: девушка по имени Чармиан Строуд, стройная и темноволосая, и молодой человек, Эдвард Росситер, добродушный блондин гигантского роста.

— О! — произнесла Чармиан, слегка волнуясь. — Мы так рады с вами познакомиться. — Но сомнение в ее глазах осталось. Она бросила быстрый, вопрошающий взгляд на Джейн Хельер.

— Милочка, — словно отвечая на него, возразила Джейн. — Она совершенно *изумительна*. Предоставьте все ей. Я обещала вам ее привести, и вот она здесь. — Затем она обратилась к мисс Марпл: — *Я знаю, что вы для них все устроите. Для вас это будет просто.*

Мисс Марпл устремила безмятежный взор ясных голубых глаз на мистера Росситера.

— Не расскажете ли вы мне, — проговорила она, — о чем, собственно, идет речь?

— Джейн — наш друг, — нетерпеливо вступила Чармиан. — Мы с Эдвардом оказались в довольно

затруднительном положении. Джейн сказала, если мы придем к ней в гости, она представит нас кое-кому, кто... кто, может быть... кто смог бы...

Эдвард пришел ей на помощь:

— Джейн рассказала, что вы несравненный сыщик, мисс Марпл!

Глаза пожилой леди блеснули, однако она скромно запротестовала:

— О нет, нет, ничего подобного, просто если живешь в деревне, как я, то узнаешь о человеческой природе так много. Но вы меня действительно заинтриговали. Давайте-ка расскажите, что у вас там произошло.

— Увы, это так банально, речь идет всего-навсего о зарытых сокровищах, — начал свою историю Эдвард.

— В самом деле? Звучит прямо захватывающе!

— Ну да. Словно *«Остров сокровищ».* Однако наш случай начисто лишен обычного в таком деле духа романтики. Ни значка на карте, ни черепа и перекрещенных костей, ни указаний, типа «четыре шага налево к северо-западу». Все крайне прозаично: нужно выяснить, где копать.

— А вы уже пробовали?

— Мы, знаете ли, вскопали уже почти целый гектар! Вся земля в поместье готова к высадке

в грунт овощной рассады. Нам только осталось обсудить, что мы начнем поставлять на рынок, цукини или картофель.

— Однако, — прервала его Чармиан, — может быть, мы действительно расскажем вам обо всем по порядку?

— Ну разумеется, дорогая.

— Тогда давайте найдем укромный уголок, пойдем, Эдвард. — И она пошла впереди них через полную людей комнату, где витали клубы табачного дыма, а затем провела вверх по лестнице в маленькую гостиную на третьем этаже.

Когда они сели, Чармиан приступила к рассказу:

— Итак, дело вот в чем! — произнесла она отрывистым голосом. — Все началось во времена, когда жил дядюшка Мэтью; то был наш, как бы это сказать... прапрадядя, так, что ли?.. Он был невероятно стар. Из всех родственников у него остались только Эдвард и я. Он очень любил нас и всегда заявлял, что, когда умрет, оставит деньги нам, поделив поровну. Ну хорошо, он умер в марте этого года и оставил все, что у него было, мне и Эдварду. То, что я сейчас сказала, показалось вам, наверное, бессердечным... Я не хотела сказать, что мы обрадовались его смерти, собственно, мы

очень любили его. Но он долго болел.

И вообще дело в том, что пресловутое «все», оставленное им, оказалось практически ничем. Честно говоря, это оказалось для нас своего рода ударом. Правда, Эдвард?

Добродушный Эдвард подтвердил.

— Видите ли, — пояснил он, — мы на эти деньги немного рассчитывали. Понимаете, когда знаешь, что в будущем тебя ожидает солидная сумма, то ты... как бы сказать... не очень-то вкалываешь и не стараешься заработать деньги своим горбом. Я служу в армии, так что о каком-то приработке к жалованью и говорить нечего, а у самой Чармиан тоже нет ни гроша. Она работает помощником режиссера в репертуарном театре, работа интересная, ей нравится, но совершенно не денежная. У нас были планы по части брака, но мы не тревожились о денежной стороне, потому что оба знали, что в один прекрасный день станем обеспеченными людьми.

— А теперь, как видите, ими не стали! — воскликнула Чармиан. — А что хуже всего, нам потребуется, возможно, продать Энсти, фамильное поместье, а я и Эдвард очень его любим. И Эдвард, и я чувствуем, что просто не вынесем этого! Но если мы не найдем деньги дядюшки

Мэтью, придется это сделать.

— Но послушай, Чармиан, — вмешался Эдвард, — мы все еще так и не подошли к самому главному.

— Ну тогда говори ты.

— Так вот, понимаете ли, — обратился Эдвард к мисс Марпл, — по мере того, как дядюшка Мэтью становился все дряхлее, он проявлял все больше и больше подозрительности, не доверял никому.

— Очень разумно с его стороны, — заметила мисс Марпл. — Порочность человеческой природы не знает предела.

— Возможно, вы и правы. Как бы там ни было, дядюшка Мэтью считал именно так. У него был друг, который потерял деньги, вложив их в банк, и еще один друг, которого разорил адвокат, скрывшийся с его деньгами, да и он сам потерял кое-что при злонамеренном банкротстве одной компании. Он дошел до того, что принялся утверждать, будто единственный здравый и безопасный способ сохранить деньги — это превратить их в наличность и закопать.

— Ага, — произнесла мисс Марпл, — начинаю понимать.

— Так вот. Друзья спорили с ним, доказывали, что при этом он не получит доход по процентам,

но он стоял на своем, говоря, что ему наплевать. Основную часть состояния, заявлял он, нужно хранить в ящике, «засунутом под кровать или закопанном в саду». Таковы были его слова.

— А когда он умер, — продолжила Чармиан, — после него почти ничего не осталось ни на банковских счетах, ни в ценных бумагах, хотя он был очень богат. Так что мы думаем, что он так и поступил, как собирался.

Эдвард счел нужным пояснить:

— Мы узнали, что он продал ценные бумаги и время от времени у него на руках оказывались большие суммы, но никто не знает, что он с ними делал. Так что кажется весьма вероятным, что он действительно претворял в жизнь свои принципы и на самом деле покупал золото и зарывал его.

— Он ничего не сказал перед смертью? Какие-нибудь бумаги, письмо?

— Нет. И это просто сводит с ума. Он лежал несколько дней без сознания, но пришел в себя перед смертью. Посмотрел на нас и ухмыльнулся — очень слабый, но все же смешок. *«У вас все будет хорошо, дорогие мои голубки».* Затем он прикрыл глаз — правый глаз — и подмигнул. А потом умер. Бедный дядюшка Мэтью.

— Прикрыл глаз, — задумчиво проговорила мисс Марпл.

— Это вам что-нибудь говорит? — нетерпеливо спросил Эдвард. — Я было подумал об истории с Арсеном Люпеном, когда что-то было спрятано у кого-то в стеклянном глазу. Но у дядюшки Мэтью не было стеклянного глаза.

Мисс Марпл покачала головой.

— Нет... Сейчас мне трудно что-нибудь предположить.

Чармиан выглядела разочарованной.

— Джейн говорила, вы *сразу* скажете где копать!

Мисс Марпл улыбнулась.

— Видите ли, я не волшебница, я не знала вашего дядю, не знаю, что он был за человек, не знаю дома и поместья.

— А если бы вы все это узнали? — спросила Чармиан.

— Пожалуй, тогда найти разгадку будет совсем легко, как вы думаете? — отозвалась мисс Марпл.

— Легко! — вскричала Чармиан. — Приезжайте сами в Энсти и посмотрите, как это легко!

Возможно, она не ожидала, что приглашение будет воспринято всерьез, но мисс Марпл оживи-

лась и заявила:

— А и вправду, моя дорогая; как это мило с вашей стороны. Всегда мечтала поискать зарытое сокровище. Ну и конечно, — добавила она с лучезарной поздневикторианской улыбкой, — получить при этом неплохой процент!

II

— Теперь вы видите сами! — воскликнула Чармиан, сопровождая слова выразительным жестом.

Они уже завершали большое турне вокруг поместья Энсти. Обошли огород, который избороздили траншеи. Прошли по рощицам, где каждое мало-мальски взрослое деревце было кругом окопано. И бросили печальный взгляд на усеянную ямами поверхность когда-то ровной лужайки. Побывали они также на чердаке, где стояли, словно распотрошенные грабителями, старые чемоданы и сундуки. Довелось им побывать и в подвалах, где тут и там валялись плиты, которыми некогда был вымощен пол, будто вырванные неведомой силой со своих насиженных мест. Стены дома они обмерили и простучали. И каждый более или менее старый предмет обстановки, в котором имелся или мог иметься

потайной ящик, был тщательно обследован.

На столе в кабинете они видели груду бумаг — здесь были все бумаги, что остались от покойного Мэтью Строуда. Ни одна не была уничтожена, у Чармиан и Эдварда уже выработалась привычка снова и снова перебирать их, внимательно перечитывая счета, приглашения и деловую корреспонденцию в надежде отыскать хоть какой-то, незамеченный прежде ключ.

— Как вы думаете, может быть, мы все-таки что-нибудь пропустили во время поисков? — Чармиан посмотрела на собеседницу вопросительно и с надеждой.

Мисс Марпл покачала головой:

— Вы отнеслись к поискам очень добросовестно, дорогая. Пожалуй, если позволите высказать мое мнение, немножко *чересчур* добросовестно. Я, знаете ли, всегда считала, что во всем нужен план. Все это напомнило мне историю моей подруги, миссис Элдрич. У нее была милая крошка горничная, которая потрясающе натирала мастикой линолеум, но она не знала меры ни в чем и однажды так сильно натерла пол рядом с ванной, что, когда миссис Элдрич, помывшись, встала на пробковый коврик, тот заскользил, и она упала, сильно разбилась и даже сломала ногу! Ей очень

не повезло, тем более что дверь ванной комнаты была, разумеется, заперта, и садовнику пришлось приставлять лестницу и залезать в окно — можете представить, как это расстроило миссис Элдрич, ведь она была всегда крайне стыдлива.

Эдвард нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Мисс Марпл быстро проговорила:

— Пожалуйста, простите меня. Я слишком легко отклоняюсь от темы. Но так часто одни вещи напоминают другие. Иногда это наводит на верную мысль. А я лишь хотела сказать, что если бы мы постарались сосредоточиться и подумали хорошенько, в каком подходящем месте...

— Подумайте за нас, мисс Марпл, — сердито произнес Эдвард. — В данный момент мой мозг и мозг Чармиан зияют очаровательной пустотой!

— Успокойтесь, дорогой, успокойтесь. Конечно, на вас столько свалилось. Если не возражаете, я просмотрю все это. — И она указала на стол с бумагами. — Разумеется, если в них нет ничего личного. Не хочу, чтобы выглядело так, будто я лезу в чужие тайны.

— О, не беспокойтесь. Но, боюсь, вы ничего не найдете.

Она присела к столу и принялась методично

перебирать бумаги из разных связок. Каждый раз, взяв следующую, она, едва взглянув, сортировала документы на небольшие аккуратные стопки. Закончив, она какое-то время сидела неподвижно, глядя в пространство перед собой.

— И что дальше, мисс Марпл? — спросил Эдвард не совсем беззлобно.

Мисс Марпл слегка вздрогнула и, казалось, очнулась.

— Прошу прощения. Задумалась. Спасибо.

— Вы обнаружили что-нибудь стоящее?

— Не то чтобы очень, но, полагаю, теперь я, наконец, поняла, что за человек был ваш дядюшка Мэтью. Он похож на моего дядю Генри. Любил незамысловатые шутки. Понятное дело, холостяк... Интересно, в чем дело... Может, раннее разочарование? Любил систему во всем, все по полочкам, все по правилам, но терпеть не мог всему этому следовать — таковы некоторые холостяки!

Стоявшая у мисс Марпл за спиной Чармиан сделала Эдварду знак, говорящий: *«Она тронулась».*

К счастью, мисс Марпл продолжала говорить о покойном дяде Генри:

— Обожал, знаете ли, каламбуры. А многих людей они как раз больше всего и раздражают. Знали бы вы, как может действовать на нервы

простая игра слов. И, кстати, он тоже был очень подозрителен. Все время считал, что слуги его обкрадывают. Конечно, порой случалось и это, но ведь не постоянно. Бедняга, это его так угнетало. В конце концов, он стал их подозревать в том, что они покушаются на его пищу, и в результате отказался есть что-нибудь, кроме вареных яиц! Говорил, что никто не отщипнет от них ни кусочка и не залезет внутрь. Милый дядя Генри, когда-то он был таким весельчаком... обожал кофе после обеда. Всегда говорил, допив чашку: «Здесь мало ваты», — подразумевая, как вы догадываетесь, что в чашке его помещается маловато и хотелось бы выпить еще.

Эдвард почувствовал, что если услышит еще что-нибудь о дяде Генри, то сойдет с ума.

— И кстати, очень любил молодежь, — продолжила мисс Марпл, — но был склонен слегка ее подразнить, если вы понимаете, к чему я клоню. Обожал расставлять мешочки с конфетами там, где ребятишкам никак было их не достать.

Отбросив вежливость, Чармиан проговорила:

— То, что вы говорите, невыносимо!

— Вовсе нет, милая, просто он был старый холостяк и, знаете ли, не привык к детям. На самом деле он был совсем не дурак. Обычно он хранил в

доме уйму денег и завел для них сейф. Вечно хвастался напропалую тем, до чего он безопасный. В результате всех этих его разговоров однажды ночью к нему вломились грабители и при помощи какого-то химического средства проделали в сейфе дырку.

— Так ему и надо, — буркнул Эдвард.

— Да там ничего ведь не оказалось, — возразила мисс Марпл. — Понимаете, на самом деле он хранил деньги совсем в другом месте, а если хотите знать где, то это было в библиотеке, за многотомным собранием проповедей. Говорил, что никто на земле не возьмет с полки такую книгу!

— Послушайте, — с волнением перебил ее Эдвард. — А ведь это мысль. Как насчет библиотеки?

Но Чармиан лишь презрительно покачала головой:

— Думаешь, это не пришло мне в голову? В прошлый вторник я пересмотрела все книги, пока ты был в Портсмуте. Брала, перетряхивала. Нигде ничего.

Эдвард вздохнул. Затем поднялся со стула и попробовал потактичнее избавиться от не оправдавшей доверия гостьи:

— С вашей стороны было очень любезно при-

ехать из Лондона и попытаться нам помочь. Жаль, что ничего из этого не вышло. Боюсь, мы злоупотребили вашей добротой, и вы только зря потратили время. Так что давайте-ка я выведу из гаража машину, и мы еще успеем к поезду, который в три тридцать...

— Однако, — возразила мисс Марпл, — нам все-таки нужно отыскать деньги, как вы думаете? Нельзя сдаваться, мистер Росситер. Если не получилось с первого раза, надо попробовать еще и еще.

— Вы хотите сказать, что собираетесь... хотите попробовать еще раз?

— Честно говоря, — ответила мисс Марпл, — я еще и не начинала. «Сперва поймайте зайца, а уж затем...» — как писала в своей поваренной книге миссис Битон; прекрасная книга, вот только, чтобы готовить по ней, нужна уйма денег; большинство рецептов начинаются просто устрашающе, например: «Возьмите кварту сливок и дюжину яиц»... Да, кстати, о чем это я говорила? Ах да. Мы, так сказать, должны изловить нашего зайца, в том смысле, конечно, что зайцем является дядюшка Мэтью, и остается только решить, куда он мог спрятать деньги. Отгадка должна быть очень простой.

— Простой? — переспросила Чармиан.

— Конечно, милочка. Уверена, он не способен ни на что замысловатое. Какой-нибудь потайной ящик, я, скорее всего, предположила бы это.

— Но вы не можете положить туда слитки золота, — сухо возразил Эдвард.

— Это само собой разумеется. Но нет никаких причин считать, что деньги обращены в золото.

— Он всегда говорил...

— Мой дядя Генри тоже много рассказывал о своем сейфе! Так что у меня есть сильные основания полагать, что он делал это лишь для отвода глаз. Бриллианты... вот они прекрасно поместились бы в потайной ящик.

— Но мы обыскали их все. Мы даже пригласили краснодеревщика, чтобы тот осмотрел всю мебель.

— Правда, милочка? Очень разумно с вашей стороны. Думаю, особое внимание ему следовало уделить письменному столу вашего дяди. Не стоял ли где-нибудь у стены в его кабинете высокий секретер?

— И теперь стоит. Идемте, я вам покажу.

Чармиан провела ее в кабинет к секретеру и опустила откидную столешницу. Их взору предстали ящички и отделения для бумаг. Она

открыла находящуюся в центре дверцу и дотронулась до потайной пружины в левом ящичке. Нижняя доска центральной ниши щелкнула и подалась вперед. Чармиан выдвинула ее, открыв оказавшееся под нею небольшое углубление. Там ничего не было.

— Какое совпадение! — воскликнула мисс Марпл. — У дяди Генри был в точности такой же секретер, только тот был из орехового дерева, а этот из черного.

— Так или иначе, — проговорила Чармиан, — здесь ничего нет, как вы можете сами убедиться.

— Думаю, — улыбнулась мисс Марпл, — ваш краснодеревщик еще зелен. Он многого не знает. В прежние времена мастера были очень изобретательны, когда создавали тайники. Есть такая вещь, как двойной тайник.

Она извлекла шпильку из аккуратного пучка своих седых волос. Разогнув ее, она вставила кончик в то, что казалось маленькой червоточиной в боковой стенке потайного углубления. С небольшим усилием она потянула на себя и вытащила маленький ящичек. Там была пачка пожелтелых писем и сложенная записка.

Эдвард и Чармиан одновременно потянулись к находке. Трясущимися пальцами Эдвард раз-

вернул листок, затем бросил его с отвращением, воскликнув:

— Чертов кулинарный рецепт. Жареная дичь!

В это время Чармиан развязала ленточку, связывающую письма. Она взяла одно письмо из пачки и взглянула на него.

— Любовные письма!

Мисс Марпл отреагировала с поистине викторианским запалом:

— Как интересно! Возможно, здесь разгадка, почему ваш дядя так и остался холостым.

Чармиан принялась читать вслух:

> «Милый Мэтью, кажется, будто прошла вечность с тех пор, как я получила твое последнее письмо. Я пытаюсь развлечь себя выполнением разнообразных возложенных на меня поручений и часто думаю о том, как мне повезло, что я смогла увидать так много разных мест на земном шаре, хотя ни о чем таком и не помышляла, когда отправлялась в Америку; кто знал, что судьба забросит меня на эти далекие острова!»

Чармиан прервала чтение.

— Откуда оно пришло? Ах да! Гавайи! — она

продолжила чтение:

«Увы, здешние дикари все так же далеки от того, чтобы узреть свет веры. Они ходят без одежды и ведут примитивный образ жизни, большую часть времени занимаясь плаванием и танцами да еще тем, что украшают друг друга цветочными гирляндами. Мистер Грей обратил нескольких из них на путь истинный, но это сизифов труд, а потому он и миссис Грей очень расстраиваются. Я стараюсь делать все, чтобы подбодрить и воодушевить его, но и я часто бываю грустна по причине, о которой ты можешь догадаться, мой дорогой Мэтью. Увы, разлука – суровое испытание для любящих сердец. Твое последнее письмо, где ты опять признаешься в любви и клянешься в верности, сильно подбодрило меня. Мое верное и преданное сердце всегда будет принадлежать тебе, дорогой Мэтью, и я остаюсь

Любящей тебя

Бетти Мартин.

P.S. Как и обычно, я посылаю это письмо в конверте, адресованном на имя нашего общего друга Матильды Грейвз. Надеюсь, что Бог простит меня за эту маленькую ложь».

Эдвард присвистнул:

— Миссионер в юбке! Так вот с кем у дядюшки Мэтью был роман. Хотел бы я знать, почему они так и не поженились?

— Похоже, она объехала весь свет, — сказала Чармиан, просматривая письма. — Маврикий... и так далее, и тому подобное. Скорее всего, умерла от желтой лихорадки или чего-то вроде этого.

Раздавшийся сдержанный смешок заставил их вздрогнуть. Мисс Марпл что-то явно развлекло.

— Ну и ну, — произнесла она. — Только представьте себе!

Она читала рецепт жареной дичи. Заметив их вопрошающие взгляды, она зачитала:

— «Жареная дичь. Возьмите подходящую утку, начините яблоками и посыпьте коричневым сахаром. Запеките в духовке на медленном огне, подавайте, полив постным маслом». Ну, как вам это?

— Думаю, даже звучит мерзко, — ответил Эд-

вард.

— Нет, нет, на самом деле это будет, пожалуй, очень хорошо, но что вы думаете *обо всем этом* в целом?

Внезапно лицо Эдварда просияло внутренним светом.

— Вы думаете, это шифр, своего рода криптограмма? — Он выхватил листок. — Послушай, Чармиан, а ведь и вправду, все может быть! Иначе какой смысл хранить кулинарный рецепт в тайнике?!

— Именно, — подтвердила мисс Марпл. — Это о многом, очень многом говорит.

— Я знаю, — вмешалась Чармиан, — в чем тут может быть дело: невидимые чернила! Давайте нагреем. Включайте электрокамин.

Эдвард поспешил выполнить ее распоряжение, но никаких признаков тайнописи при воздействии тепла не проявилось.

Миссис Марпл покашляла.

— Мне все-таки кажется, что вы, пожалуй, *чересчур* усложняете. Этот рецепт всего лишь намек, если можно так выразиться, а вот письма действительно очень важны.

— Письма?

— И в особенности, — проговорила мисс

Марпл, — подпись.

Но Эдвард вряд ли услышал ее слова.

— Чармиан! Гляди! — закричал он в крайнем возбуждении. — Она права. Смотри, конверты старые, все точно, а сами письма были написаны гораздо позже.

— Вот именно, — вставила мисс Марпл.

— Они старые понарошку! Спорю на что угодно, дядюшка сам их подделал...

— Точно, — подтвердила мисс Марпл.

— Все это в целом сплошное надувательство. Никогда не было никакой миссионерши. Это наверняка некий шифр.

— Милые, дорогие дети, ну для чего, зачем вы все так усложняете. Ведь на самом деле ваш дядюшка был человек очень даже незамысловатый. Ему захотелось слегка пошутить, вот и все.

Впервые Эдвард и Чармиан слушали то, что им говорит мисс Марпл, с полным вниманием.

— Но что конкретно вы хотите этим сказать? — спросила Чармиан.

— Я хочу сказать, дорогая, что сейчас вы фактически держите деньги в руках.

Чармиан посмотрела на письма.

— Подпись, дорогая. Она все объясняет. Рецепт лишь подсказка. Уберите яблоки, сахар и все

прочее, тогда что остается *на самом деле?* Ну конечно, *утка,* то есть чушь на постном масле. Понимаете — ерунда, вздор! Поэтому ясно, что следует обратить внимание именно на письма. А кроме того, вспомните и учтите, что сделал дядюшка перед самой смертью. Вы говорите, он подмигнул. Вот и пожалуйста, это и дает в руки ключ к разгадке, все понятно.

— Кто сходит с ума, мы или вы? — проговорила Чармиан.

— Думаю, дорогая, вам приходилось слышать английскую поговорку, означающую несоответствие истинному положению вещей, или она у нынешней молодежи совсем вышла из обихода? «Все это мой глаз да Бетти Мартин», что значит: «Все это одна видимость».

Эдвард от удивления приоткрыл рот, и его взгляд остановился на письме, которое он держал в руках.

— Бетти Мартин...

— Разумеется, мистер Росситер. Как вы совершенно верно заметили, такой нет и никогда не существовало. Письма написаны вашим дядей, и, осмелюсь предположить, он хорошо повеселился, когда их сочинял! Как вы уже упомянули, надписи на конвертах гораздо старше, и конверты,

разумеется, взяты от других писем, об этом вы можете судить хотя бы по тому, что на том конверте, что у вас в руках, наклеена марка 1851 года.

Здесь мисс Марпл выдержала паузу. Она постаралась сделать ее достаточно выразительной.

— Тысяча восемьсот пятьдесят первый. По-моему, это все объясняет.

— Кому угодно, только не мне, — возразил Эдвард.

— И не удивительно, — проговорила мисс Марпл, — признаюсь, я бы тоже не поняла; слава богу, меня в свое время просветил мой внучатый племянник Лионель. Прелестный парнишка и страстный собиратель марок, знает о них все. Он-то и рассказал мне о редких и дорогих марках и о том, что на аукционе появилась удивительная находка. Я хорошо запомнила, как он упоминал одну марку, *голубую двухцентовую* тысяча восемьсот пятьдесят первого года. Кажется, она стоила что-то порядка двадцати пяти тысяч долларов. Вообразите! Полагаю, другие марки должны быть такими же редкими и дорогими. Не сомневаюсь, ваш дядюшка купил их через агентов и тщательно «замел следы», как пишут в детективных рассказах.

Эдвард издал стон. Затем сел и закрыл руками

лицо.

— Что такое? — встревожилась Чармиан.

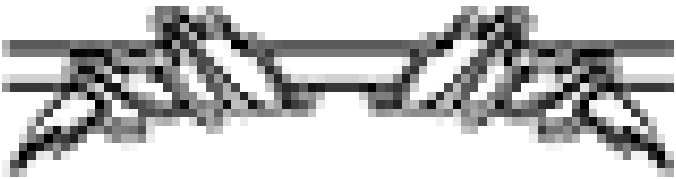
— Ничего. Я лишь вдруг ужаснулся мысли, что если бы не мисс Марпл, мы вполне могли бы сжечь эти письма как неприличные, да еще уважать себя за благородный поступок!

— О да, — согласилась мисс Марпл, — как раз этого и не понимают старые джентльмены, обожающие свои шуточки. Помнится, дядя Генри послал своей любимой племяннице на Рождество пятифунтовую банкноту. Положил ее в рождественскую открытку, заклеил края, а сверху надписал: «С любовью и наилучшими пожеланиями. Боюсь, это все, что я в этом году могу себе позволить». Бедная девочка расстроилась, в душе обозвала его подлецом и бросила открытку в огонь, так что потом ему пришлось подарить ей то же самое еще раз.

Чувства Эдварда к дяде Генри преобразились внезапно и полностью.

— Мисс Марпл, — произнес он торжественным тоном, — я сейчас принесу бутылку шампанского. И мы выпьем за здоровье дяди Генри.

МЕРКА СМЕРТИ
Tape-Measure Murder



I

Мисс Политт взялась за большое железное кольцо — из тех, что в Англии украшают парадную дверь, одновременно служа колотушкой и чем-то вроде дверного звонка, — и вежливо постучалась. Немного подождав, она постучалась опять. При этом сверток, придерживаемый левой

рукой, выскользнул, и она поправила его. В нем находилась обнова для миссис Спенлоу — зеленое зимнее платье, готовое для примерки. На левой руке у мисс Политт висела также черная шелковая сумочка, в которой лежали портновский метр, подушечка для булавок и удобные большие ножницы.

Мисс Политт была высокой, худощавой и остроносой особою с вечно поджатыми губами и редкими седыми, со стальным отливом волосами.

Прежде чем постучать в дверь кольцом в третий раз, пришедшая помедлила. Обернувшись, она посмотрела вдоль домов и увидала, что по улице кто-то быстро идет в ее сторону.

— Добрый день, мисс Политт, — громко прозвучал низковатый женский голос, и к ней подошла мисс Хартнелл, добродушная, но словно траченная молью дама лет пятидесяти.

— Добрый день, мисс Хартнелл, — отозвалась портниха. Говорила она тонюсеньким голоском и слова выговаривала, жеманничая. Когда-то в молодости ей довелось побывать в горничных у великосветской дамы. — Извините, пожалуйста, — продолжила она, — не знаете ли вы случайно, может ли оказаться так, что хозяйки,

миссис Спенлоу, в данный момент нет дома?

— Понятия не имею, — ответила мисс Хартнелл.

— Получилось неловко. Сегодня миссис Спенлоу должна примерять новое платье. Она сама назначила мне на три тридцать.

Мисс Хартнелл сверила время по наручным часам.

— Уже чуть больше половины, — согласилась она.

— Ну да, я уже стучалась три раза, но никто не откликается, так что я начала опасаться, что вдруг миссис Спенлоу забыла или куда-нибудь ушла. Она не забывает обычно, когда назначает кому-то время, а платье нужно ей к послезавтрашнему дню.

Мисс Хартнелл прошла за ворота и направилась к мисс Политт, стоявшей на крыльце виллы Лабурнум.

— Почему это Глэдис не подходит к двери? — заинтересовалась она. — Ах, ну конечно же, сегодня четверг, у Глэдис нынче выходной. Думаю, миссис Спенлоу просто заснула. Боюсь, вы слишком тихо стучите этой штуковиной.

Ухватившись за кольцо, она принялась оглушительно барабанить им в дверь, то и дело нанося

дополнительные удары свободной рукой. При этом она зычно взывала: «Эй, там, отзовитесь!»

Никто не отвечал.

— Право же, не стоит беспокоиться, — пробормотала мисс Политт, — должно быть, миссис Спенлоу забыла и ушла, я зайду в другой раз. — И она стала пробираться к воротам краем дорожки.

— Чепуха, — властно заявила мисс Хартнелл. — Никуда она не могла уйти. Я бы ее заметила. Заглянем-ка лучше в окошко и посмотрим, есть ли тут кто живой.

И она засмеялась обычным своим добродушным смехом, давая понять, что пошутила, и, не слишком вглядываясь, посмотрела в ближнее окно — не слишком вглядываясь, потому что прекрасно знала, что в парадную гостиную, окна которой выходили на улицу, редко кто заходит — мистер и миссис Спенлоу предпочитали проводить время в маленькой гостиной на задней стороне дома.

Но сколь ни мимолетен оказался этот брошенный ею взгляд, она подошла к окну не зря. Ей действительно не удалось там увидеть никого живого. Зато она успела заметить лежащую на коврике перед камином миссис Спенлоу — та

была мертва.

— Конечно, я не потеряла голову, — рассказывала позже мисс Хартнелл. — Если бы не я, этой клуше Политт ни за что не догадаться, что делать. «Не теряй голову! — велела я ей. — *Ты останешься здесь,* а я отправлюсь за констеблем». Та принялась лепетать что-то вроде того, будто не желает, чтобы ее бросали, но я не обратила на ее слова ни малейшего внимания. С такими, как она, нужно обращаться потверже. Я давно заметила, что эти люди обожают зря суетиться и поднимать шум. И вот я совсем было собралась уйти, как из-за угла выходит мистер Спенлоу.

Тут мисс Хартнелл всегда делала многозначительную паузу. Это давало возможность слушателям спросить:

— А как он *выглядел?*

Мисс Хартнелл тогда отвечала:

– *Я, честно говоря, заподозрила его сразу!* Что-то он был уж *слишком* спокоен. Совсем не выглядел удивленным. Вы можете говорить что угодно, только это противоестественно: услышать, что жена мертва, и не проявить никаких чувств.

И все соглашались с этим суждением.

Согласилась и полиция. Столь отрешенный вид мистера Спенлоу показался представите-

лям закона до того подозрительным, что те, не тратя зря времени, принялись выяснять, какие финансовые последствия для сего джентльмена повлекла смерть жены. Когда же выяснилось, что все деньги принадлежали миссис Спенлоу и по завещанию, составленному вскоре после свадьбы, переходили к мужу, подозрения еще больше усилились.

Мисс Марпл — старая дева с очень приятным лицом и, как поговаривали, с язычком куда менее приятным, — жившая в доме, что стоял рядом с домом приходского священника, стала одною из первых, к кому обратились в поисках свидетельских показаний. Уже через какие-то полтора часа после установления факта убийства к ней пришел полицейский констебль Пальк и принялся с важным видом теребить в руках записную книжку.

— Если не возражаете, мэм, — приступил он, — у меня к вам несколько вопросов.

— Они связаны со смертью миссис Спенлоу? — осведомилась мисс Марпл.

Пальк удивился:

— Могу спросить, мэм, как вы узнали?

— Рыба, — пояснила мисс Марпл.

Ответ, при всей его краткости, поведал констеб-

лю очень о многом. Он сразу сообразил, что весть об убийстве принес его собеседнице разносчик из рыбной лавки — заодно с рыбой на ужин.

— Она лежала, — кротко продолжила мисс Марпл, — на полу в гостиной; ее задушили — по всей видимости, очень узким ремнем. Однако на месте преступления орудие убийства не обнаружено.

На лице Палька отразился гнев.

— И как этому мальчишке Фреду вечно удается разнюхать все до подробностей... — начал он.

Однако мисс Марпл искусным приемом не дала ему договорить.

— Смотрите, — оборвала она констебля, — у вас в мундире торчит булавка.

Констебль Пальк растерянно принялся рассматривать мундир.

— А ведь утверждают, будто английская пословица «когда булавку ты найдешь, весь день с удачей проживешь» часто сбывается, — проговорил он.

— Надеюсь, примета сбудется и на сей раз. А теперь напомните, о чем вы хотели меня спросить.

Констебль Пальк откашлялся, принял важный вид и глянул в записную книжку.

— Мистером Артуром Спенлоу, мужем жертвы,

сделано заявление. Мистер Спенлоу, таким образом, утверждает, будто в два тридцать или около того ему позвонила мисс Марпл и спросила, не сможет ли он прийти в четверть четвертого, поскольку та желает о чем-то с ним проконсультироваться. Скажите, мэм, это правда?

— Разумеется, нет, — ответила мисс Марпл.

— Вы не звонили мистеру Спенлоу в два тридцать?

— Ни в два тридцать, ни в какое-либо другое время.

— Ага, — произнес констебль Пальк и с видом глубокого удовлетворения подкрутил ус.

— А что еще утверждает мистер Спенлоу?

— Далее он заявил, что, как вы и просили, отправился к вам, причем вышел из дому в десять минут четвертого, а когда явился по назначению, был проинформирован служанкой, что вас «нету дома».

— А вот это верно, — отметила мисс Марпл. — Он действительно сюда приходил, но я была на заседании женского общества.

— Ага, — вновь протянул констебль Пальк.

— Да скажите же наконец, констебль, — воскликнула мисс Марпл, — в чем вы подозреваете мистера Спенлоу?

— Не следовало бы ничего утверждать на данной стадии расследования с полной определенностью, но мне сдается — заметьте, я не называю имен, — будто кто-то ловко старается уйти в кусты.

— Мистер Спенлоу? — задумчиво произнесла мисс Марпл.

Ей нравился мистер Спенлоу. То был худощавый, низенький человечек, речь которого всегда была строгой и вместе с тем чрезвычайно светской; его как бы окружала аура респектабельности. Казалось странным, что ему пришлось перебраться в деревню, ведь было ясно, что всю свою жизнь он провел в городах. Но мисс Марпл удалось однажды узнать, в чем дело: «Еще когда я был мальчишкой, — признался он ей, — мне хотелось когда-нибудь перебраться за город и развести сад. Я всегда испытывал своего рода привязанность к цветам. Да и моя жена, кстати, раньше владела цветочным магазином. Там я и увидел ее в первый раз».

Едва прозвучали эти сухие слова, как завеса повседневности вдруг приподнялась, и за нею открылась романтическая картина: другая, помолодевшая миссис Спенлоу прогуливалась там на фоне цветов.

Однако на самом деле мистер Спенлоу не знал о цветах совсем ничего. Он понятия не имел о таких вещах, как семена, подрезка, высаживание в грунт, различия между однолетними и двулетними растениями. У него в голове сложился некий абстрактный образ — образ уютного садика позади виллы, усеянного яркими, благоухающими цветами. И он попросил мисс Марпл — почти жалостно — стать его наставницей, а впоследствии часто задавал ей вопросы и заносил ответы в маленький блокнот.

Человек он был уравновешенный. Собственно, потому им и заинтересовалась полиция. С терпением и настойчивостью она собирала всевозможные сведения о покойной, и вскоре они стали достоянием всей деревни Сент-Мэри-Мид.

Покойная миссис Спенлоу когда-то давным-давно работала служанкой в богатом доме. Она уволилась, когда вышла замуж за младшего садовника, и они вместе открыли в Лондоне цветочный магазин. Дела по части торговли шли хорошо, чего нельзя было сказать о здоровье садовника, который начал прихварывать и в конце концов умер. Его вдова занялась магазином и поставила торговлю на широкую ногу. Дела шли все лучше и лучше. Затем она продала его за

очень хорошую цену и во второй раз отправилась в плавание по волнам супружества, на сей раз вместе с мистером Спенлоу, ювелиром средних лет, стоявшим во главе небольшого и не слишком процветающего семейного дела. Спустя некоторое время они его тоже продали и переселились в Сент-Мэри-Мид.

Миссис Спенлоу была дамою обеспеченной. Доходы от принадлежавшего ей цветочного заведения она, согласно собственным словам, вкладывала, «посоветовавшись с духами», то есть в самые разные предприятия. Духи, как это ни удивительно, давали ей исключительно здравые советы.

Все капиталовложения приносили хорошую прибыль, порой превосходившую самые смелые ожидания. Но, несмотря на постоянно возрастающую веру в духов, миссис Спенлоу в основном удавалось избегать общения с медиумами и уклоняться от участия в столоверчении — наоборот, она совершила молниеносный побег в область некой туманной религии индийского происхождения, коей предалась тем не менее всею душой и которая основывалась преимущественно на разнообразных формах глубокого дыхания.

Однако к тому времени, как миссис Спенлоу

прибыла в Сент-Мэри-Мид, в ее духовной жизни наступил новый период, который следовало бы назвать рецидивом ортодоксального англиканства. Она часто и подолгу бывала в доме священника и усердно посещала церковные службы. Покровительствовала местной торговле в лице нескольких деревенских лавочников, интересовалась тем, что происходит в округе, а также играла по маленькой в бридж. Обыкновенная сельская жизнь. И вдруг ни с того ни с сего убийство.

II

Полковник Мельчетт, главный констебль, вызвал инспектора Слэка.

Слэк имел репутацию полицейского, не ведающего сомнений. Если какая-то мысль приходила ему в голову, он был твердо уверен, что она правильная. Не сомневался он и теперь.

— Виноват муж, — заявил он.

— Вы так считаете?

— Совершенно уверен, сэр. Да на него достаточно только взглянуть. На лбу написано: «Убийца». Ни малейших признаков горя или какого-либо другого человеческого чувства. Вернулся к дому, зная уже, что она мертва.

— А не пытался ли он хотя бы разыграть из себя обманутого мужа?

— Кто угодно, только не он, сэр. Слишком гордый. Некоторые джентльмены не способны ломать комедию. Это упрямство.

— Другие женщины? — осведомился полковник Мельчетт.

— Не удалось обнаружить следов ни одной из них. Конечно, он хитрая бестия. Умеет спрятать концы в воду. Насколько я понимаю, он был просто сыт по горло своей женой. У нее водились деньжата, и, я вам доложу, ладить с ней было непросто — у нее одна сумасбродная фантазия вечно сменяла другую. Он хладнокровно решил избавиться от нее и зажить одному припеваючи.

— Пожалуй, такое вполне можно предположить.

— Голову на отсечение, так оно и было. Тщательно разработал план. Выдумал телефонный звонок...

— Не удалось выяснить, действительно ли ему звонили? — оборвал его Мельчетт.

— Нет, сэр. Это значит, либо он лжет, либо звонили из телефонной будки. В деревне лишь два телефона-автомата: на станции и на почте. Почта сразу отпадает. Миссис Блейд запоминает каждо-

го, кто входит и выходит. Станция не исключена. Поезд приходит в два двадцать семь, и тогда на ней бывает народ. Но главное в том, что *он сам утверждает,* будто ему звонила именно мисс Марпл, чего никак быть не может. Звонили явно не из ее дома, а сама она уходила на заседание женского общества.

— А как вы относитесь к вероятности того, что мужа намеренно решил убрать с дороги кто-то, задумавший убить миссис Спенлоу?

— Кажется, вы намекаете на молодого Теда Джерарда, сэр? Я поработал и с ним; что в его случае против нас, так это полное отсутствие мотивов. Похоже, ему не достанется ничего.

— И тем не менее он весьма неприятный субъект. Старая история с присвоением чужого имущества лежит заметным пятном на его репутации.

— Я вовсе его не выгораживаю. Но все-таки нужно отметить, что он пошел тогда к своему боссу и откровенно во всем признался. А его наниматели поступили далеко не мудро.

— Из оксфордской шатии, — охарактеризовал Теда полковник Мельчетт. — Как там у них учат в их секте — «абсолютная честность, чистота, любовь и самоотвержение»?

— Да, сэр. Осознал вину, решил действовать напрямую и признаться в том, что стянул деньги. Обратите внимание, я не утверждаю, что здесь не могло быть какой-то хитрости с его стороны. Возможно, он догадался, что его подозревают, и решил сыграть на чистосердечном раскаянии.

— У вас чересчур скептический склад ума, Слэк, — заметил полковник. — А вы, кстати говоря, беседовали с мисс Марпл?

— А какое *она* имеет ко всему этому отношение, сэр?

— Да, в общем-то, никакого. Но ведь она, знаете ли, в гуще событий, и до нее доходят многие сведения. Почему бы вам не пойти и не поболтать с ней? Она очень наблюдательная старушка.

Слэк переменил тему разговора:

— Я хотел спросить у вас одну вещь, сэр. Фирма, предоставляющая услуги ювелира на дому, где начал карьеру подозреваемый... Помните дело о краже драгоценных камней в квартире сэра Роберта Аберкромби? Пропали изумруды, стоившие уйму денег. Их так и не нашли. Я просматривал материалы; должно быть, это произошло, когда там служила эта Спенлоу, хотя в то время она, наверное, была совсем девчонкой. Она не была замешана, как вы думаете, сэр? Спенлоу, знаете

ли, тогда был одним из тех грошовых ювелиров... так, паренек, выполняющий роль ширмы.

Мельчетт покачал головой:

— Не думаю, что вы здесь что-нибудь откопаете. В то время она даже не знала Спенлоу. Я хорошо помню то дело. В полицейских кругах существовало мнение, что тут замешан сын потерпевшего, Джим Аберкромби, страшный повеса и мот. Куча долгов, и сразу после кражи они все уплачены... Говорят, какая-то богачка, но я не слишком-то верю... Старик Аберкромби вроде как пытался замять дело, чуть ли не взять назад заявление.

— Это всего лишь предположение, сэр, — возразил Слэк.

III

Мисс Марпл приняла инспектора Слэка с чувством глубокого удовлетворения. Особенно когда услышала, что его прислал сам полковник Мельчетт.

— Как это, право, любезно со стороны полковника Мельчетта. Я и не знала, что он меня помнит.

— Помнит и даже очень. Сказал, что если вам неизвестно что-нибудь о происходящем в Сент-Мэри-Мид, то это и вправду не заслуживает внимания.

— Он чересчур любезен, но я действительно ничего не знаю. О недавнем убийстве, разумеется.

— Вы знаете, что об этом говорят.

— Конечно, знаю, но разве годится зря повторять досужие сплетни?

— Я у вас, так сказать, для неофициальной беседы, — проговорил Слэк, пытаясь казаться добродушным. — Все, как вы понимаете, останется между нами.

— Вы хотите сказать, что действительно интересуетесь тем, что говорят люди? И есть ли в их словах доля правды?

— Именно так.

— Ну конечно же, об этом только и делали, что судили да рядили. И, как вы понимаете, существуют два разных лагеря. Начну с тех, кто думает, будто убийца и вправду муж. В таких случаях мужа или жену всегда подозревают в первую очередь, не так ли?

— Возможно, — мягко согласился инспектор.

— Приходится жить в столь тесном соседстве, сами понимаете. Опять же зачастую денежный вопрос. Мне доводилось выслушивать мнение, что раз деньги были у миссис Спенлоу, то мистеру Спенлоу ее смерть выгодна. В мире царит злоба, и порой самые жестокие предположения как раз,

увы, и оказываются истиной.

— Он и взаправду наследует кругленькую сумму.

— Вот именно. И может показаться вполне вероятным, что он задушил ее, затем вышел через заднюю дверь, прошел через поля к моему дому, спросил, дома ли я, представил так, будто я ему звонила, отправился потом обратно и обнаружил жену якобы задушенной в его отсутствие, в надежде, разумеется, что преступление спишут на какого-нибудь бродягу или грабителя, разве не так?

Инспектор кивнул.

— А что касается денежных вопросов... И возможных ссор между ними в последнее время...

Мисс Марпл не дала ему договорить.

— Но ведь их не было.

— Вы знаете это наверное?

— Если бы они ссорились, об этом знал бы каждый! Глэдис Брент, их служанка, разнесла бы сплетни по всей округе.

— Она могла и не знать... — проговорил инспектор не слишком уверенно и получил в ответ улыбку, полную сочувствия.

— Но есть и другие мнения, — продолжила мисс Марпл. — Вспомним о Теде Джерарде.

Симпатичный молодой человек действительно останавливает на себе взгляд. Боюсь только, восхищенные взгляды оказывают на таких несколько большее влияние, чем следовало бы. Взять нашего предпоследнего викария — просто магическое воздействие! Девушки валом валили к нему в церковь и на вечернюю службу, и на утреннюю. А множество женщин постарше стали принимать необыкновенно активное участие в жизни прихода; и вы бы видели, какие они ему шили тапочки, какие вязали шарфы! Бедный юноша так смущался...

Да, но к чему же все это, на чем я остановилась? Ах да, этот юноша, Тед Джерард... Конечно, о нем судачат немало. Он так часто приезжал из Лондона к ней в гости. Хотя миссис Спенлоу сама мне говорила, что он член какой-то... «оксфордской группы», кажется, так. Религиозное движение. Думаю, они там люди искренние и очень серьезные, и на миссис Спенлоу все это производило большое впечатление.

Мисс Марпл перевела дыхание и продолжила:

— И я уверена, что нет оснований думать, будто за этими визитами стоит нечто большее, но вы знаете, каковы люди. Очень многие у нас в деревне убеждены, что этот юноша вскружил

голову миссис Спенлоу и та одолжила ему кучу денег. И, нужно сказать, его действительно видели в тот день на станции. В поезде... в лондонском поезде, который отправляется в два двадцать семь пополудни. Но, думаю, вы согласитесь, что вовсе не трудно выскользнуть из вагона с другой стороны, скрытно пройти вдоль железнодорожной насыпи, скрываясь за нею, перелезть через забор, а затем вернуться кружным путем, прячась за живыми изгородями, — так можно запросто миновать выход со станции. Так что вовсе не обязательно, чтобы его видели идущим по дороге к их вилле. И вот еще: поговаривают, будто миссис Спенлоу была одета довольно необычно.

— Необычно?

— В кимоно. Не в платье, — мисс Марпл покраснела. — Такие вещи, знаете ли, наводят некоторых людей на определенные мысли.

— Думаете, кимоно вправду наводит на определенные мысли?

— О нет, *я так не думаю;* пожалуй, кимоно было вполне уместно.

— Вы полагаете, оно было уместно?

— При соответствующих обстоятельствах, конечно. — Взгляд у мисс Марпл стал холодным и задумчивым.

— В таком случае это дает нам другой мотив. Ревность мужа.

— Нет-нет, мистер Спенлоу никогда не стал бы ревновать. Он из тех, кто не видит дальше своего носа. Если б жена его бросила и перед уходом оставила записку, приколотую к подушечке для булавок, это стало бы для него первым сигналом об измене.

Инспектора Слэка смущал ее пристальный взгляд. Ему пришло в голову, что в ходе всего разговора мисс Марпл пытается навести его на некую, все время ускользающую от него мысль. Вот и теперь она проговорила многозначительно:

— А *вы* не обнаружили прямо на месте ничего, способного стать ключом к разгадке, инспектор?

— Теперь уже не оставляют отпечатки пальцев и сигаретные окурки, мисс Марпл.

— А я думаю, — предположила та, — что это как раз очень старомодное преступление.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил инспектор довольно резко.

Мисс Марпл ответила не сразу:

— Думаю, вам сможет помочь констебль Пальк. Он первым побывал на э-э-э... на «месте, где произошла драма», как пишут в газетах.

IV

Мистер Спенлоу неторопливо уселся в шезлонг. Выглядел он расстроенным. Тихим, как всегда, голосом он проговорил, четко выговаривая слова:

— Может, у меня и разыгралось воображение. Да и слух теперь далеко не тот, что прежде, но я четко расслышал, как сегодня один мальчуган сказал позади меня: «Это он, да? Тот самый?» У меня создалось впечатление, будто он считает, что я... я убил жену, которую так любил.

Мисс Марпл ответила, аккуратно состригая с куста розы засохший цветок:

— Не сомневаюсь, что в его намерения как раз и входило создать у вас такое впечатление.

— Но как могла подобная мысль возникнуть в детской головке?

Мисс Марпл покашляла.

— Наслушался разговоров старших, конечно.

— Вы хотите сказать, что все тоже так думают?

— Добрая половина жителей Сент-Мэри-Мид.

— Но, дорогая мисс Марпл, что могло дать им повод? Я был искренне привязан к жене. Она, к сожалению, не любила деревенскую жизнь так сильно, как мне бы хотелось, но полное согласие по всем вопросам, увы, недостижимый идеал.

Уверяю вас, я очень остро ощущаю утрату.

— Наверное, так и есть. Но, простите за такие слова, по вас этого не скажешь.

Мистер Спенлоу встал, вытянувшись во весь небольшой рост.

— Моя дорогая мисс Марпл, когда-то, много лет назад, я прочитал об одном китайском философе, который, потеряв горячо любимую жену, продолжал спокойно бить в гонг на улице — обычное занятие досужих китайцев, я полагаю, — словно ничего не случилось. Люди в том городе высоко оценили его стойкость духа.

— Однако, — сказала мисс Марпл, — люди в Сент-Мэри-Мид реагируют на такие вещи совсем по-другому. Китайская философия им чужда.

— Но вы-то понимаете?

Мисс Марпл кивнула.

— Мой дядя Генри, — пояснила она, — был человеком исключительного самообладания. Его девизом была фраза: «Скрывай чувства». Он, кстати, тоже очень любил цветы.

— Я тут как раз думал, — подхватил Спенлоу, будто с каким-то рвением, — что, может быть, устрою живую беседку с восточной стороны дома. Розы нежных тонов и, пожалуй, глицинии. А еще есть такие цветы звездочками, никак не могу

вспомнить, как они называются...

Тоном, которым она обычно разговаривала с трехлетним внучатым племянником, мисс Марпл проговорила:

— У меня тут есть замечательный каталог, да еще с картинками. Пожалуйста, посмотрите его, а мне надо сходить в магазин.

Оставив мистера Спенлоу сидеть в саду и наслаждаться каталогом, мисс Марпл поднялась в спальню, торопливо завернула одно из своих платьев в оберточную бумагу и, выйдя из дома, быстро пошла к почте. Мисс Политт, портниха, жила как раз над почтовым отделением.

Но мисс Марпл не спешила войти и подняться к ней. Было ровно два тридцать; минуту спустя подошел рейсовый автобус из Мач Бенэма и остановился у дверей почты. В Сент-Мэри-Мид это всегда являлось событием дня. Из него выскочила почтмейстерша и принялась выгружать посылочные ящики, большая часть которых имела отношение к торговой стороне ее деятельности, потому что в почтовом отделении она приторговывала конфетами, дешевыми книжками и детскими игрушками.

Минуты четыре мисс Марпл оставалась на почте одна.

Едва почтмейстерша возвратилась, мисс Марпл поднялась наверх и объяснила мисс Политт, что хотела бы перешить платье из серого крепа, изменив, по возможности, фасон на более модный. Мисс Политт обещала подумать, что можно сделать.

V

Главный констебль несколько удивился, когда ему доложили, что его хочет видеть мисс Марпл. Войдя, она рассыпалась в извинениях.

— Ах извините... я так сожалею, что побеспокоила вас. Знаю, вы очень заняты, но вы всегда настолько любезны, полковник Мельчетт, что я все-таки подумала: дай-ка зайду к вам, а не к инспектору Слэку. Есть одна вещь, знаете ли, но мне совсем не хочется, чтобы у констебля Палька были из-за нее неприятности. По правде говоря, мне кажется, ему вообще не следовало бы ничего трогать.

Полковник Мельчетт был слегка обескуражен.

— Пальк? — спросил он. — Тот, что констеблем в Сент-Мэри-Мид, кажется, так? Чего он натворил?

— Он взял булавку. Я видела ее воткнутой в его мундир. И еще тогда мне пришло в голову: а что,

если он действительно подобрал ее с пола в доме у миссис Спенлоу?

— Ну что же, в этом нет ничего невероятного. А, собственно, что в этом такого? Булавка и есть булавка. Вообще-то он действительно поднял булавку как раз рядом с телом миссис Спенлоу. Явился вчера и напрямик доложил об этом Слэку. Пожалуй, это вы его надоумили? Конечно, на месте преступления ничего трогать нельзя, но, опять же, чего особенного в булавке? Обыкновенная булавка и только. Такой может пользоваться любая женщина.

— О нет, полковник Мельчетт, здесь вы ошибаетесь. Возможно, для мужчины она и выглядит как обычная, но это не так. Это совсем особенная булавка, очень тонкая булавка, такие продаются коробками, такими пользуются в основном портные.

Мельчетт посмотрел на нее пристальным взглядом, и в нем забрезжил огонек понимания. Миссис Марпл радостно закивала головой:

— Ну да, разумеется. Это же так очевидно. Она была в кимоно, потому что собиралась примерить новое платье. Прошла в парадную гостиную, мисс Политт заявила, что ей нужно что-то измерить, и поднесла портновский метр к ее шее,

затем ей осталось лишь затянуть его. Говорят, нет ничего проще. А после этого, конечно, она вышла, закрыла наружную дверь и начала стучать в нее, словно только что пришла. Но булавка доказывает, что она *побывала в доме*.

— Так, значит, вашего Спенлоу выманила из дому мисс Политт?

— Да. Из почтового отделения в два тридцать. Как раз, когда приходит автобус и на почте всегда пусто.

— Но из-за чего, моя дорогая мисс Марпл! — воскликнул полковник Мельчетт. — Скажите мне ради бога, из-за чего? У каждого преступления должен быть мотив.

— Судя по тому, что мне известно, полковник Мельчетт, у этого преступления давняя история. Оно заставило меня вспомнить о моих двоюродных братьях, Гордоне и Энтони. Что бы ни сделал Энтони, все у него получалось или все сходило с рук, в то время как с беднягой Гордоном все обстояло наоборот. Беговые лошади начинали хромать, курс его акций всегда падал, недвижимость обесценивалась. Думаю, обе дамы являлись соучастницами.

— В чем?

— В краже. Давным-давно. Изумруды, я слыша-

ла, были очень ценными. Горничная и служанка. Потому что трудно иначе объяснить одну вещь: каким образом, когда служанка и садовник поженились, им удалось достать столько денег, чтобы открыть цветочный магазин?

Единственный ответ состоит в том, что она потратила свою долю в... добыче, назовем это так. Все, что она ни предпринимала, все удавалось. Деньги приносили деньги. Ну а другой, горничной, просто не повезло. Она пришла к тому, что стала обыкновенной деревенской портнихой. Затем они снова встретились. Сперва, думаю, все обстояло не так плохо, но появился мистер Тед Джерард.

Нашу миссис Спенлоу, видите ли, к тому времени начала мучить совесть, и у нее возникла страстная тяга к религии. Молодой человек явно склонял ее «облегчить душу признанием» и, так сказать, «очиститься»; пожалуй, она все более склонялась к этой мысли. Но мисс Политт воспринимала все совсем по-другому. Ее тревожило лишь то, что она пойдет в тюрьму за кражу, которую совершила много лет назад. Поэтому ей пришло в голову разом покончить со всем этим. Кажется, она всегда была с гнильцой. Поверьте, она не моргнув послала бы на виселицу милого,

но глуповатого мистера Спенлоу.

— Мы... э-э-э... можем проверить вашу версию... э-э-э в этом вопросе. Попробуем идентифицировать эту Политт с той горничной, которая служила у Аберкромби, однако...

— Это будет совсем просто, — подбодрила его мисс Марпл. — Она из тех, кто сразу сломается, стоит лишь припереть к стенке. А кроме того, понимаете, я... э-э-э... завладела ее портновским метром. Стянула вчера, во время примерки. Когда та его хватится, то подумает, что его взяла полиция... Знаете, она совсем темная женщина и подумает, будто с его помощью так или иначе, но сумеют доказать ее виновность.

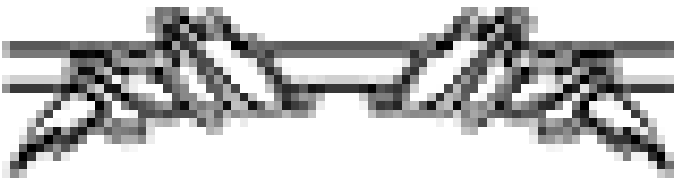
Она улыбнулась и добавила ободряюще:

— Уверяю, это совсем не трудно.

Он тоже улыбнулся. Когда-то давным-давно его любимая тетушка совершенно таким же тоном уверяла его, что он обязательно сдаст экзамены в военную академию.

И он сдал их.

ДЕЛО ЛУЧШЕЙ ИЗ ГОРНИЧНЫХ
The Case of the Perfect Maid



I

— Ой, будьте добры, мадам, вы позволите с вами поговорить?

Может, кто и подумал бы, что подобная просьба абсурдна, поскольку крошка Эдна, служившая у мисс Марпл горничной, уже с нею разговаривала в данный момент, но мисс Марпл, сразу распо-

знав здесь оборот речи, поспешила ответить:

— Разумеется, Эдна, войди и притвори дверь. В чем дело?

Послушно закрыв дверь, Эдна вошла и принялась в сильном волнении теребить уголок передника.

— Ну, Эдна? — ободряюще произнесла мисс Марпл.

— Ой, мэм, пожалуйста... все дело в моей кузине Глэдди.

— Боже, — проговорила мисс Марпл и мысленно поспешила предположить самое худшее, хотя, увы, и самое обычное из несчастий, подстерегающих молоденьких девушек. — Надеюсь, она не... гм... не попала в беду?

Эдна поспешила ее успокоить:

— О нет, мадам, ничего подобного. Глэдди не из таких. Просто у нее горе. Видите ли, она потеряла место.

— Боже, как мне ее жаль. Она ведь служила в поместье Олд-Холл, кажется, так? У этой... у этих... мисс Скиннер?

— Да, мэм; конечно, мэм; и это ужасно огорчает бедную Глэдди, страшно огорчает.

— Но Глэдис и раньше часто меняла место работы, разве не так?

— Ну да, мадам. Ей вечно не сидится на месте, если вы понимаете, о чем я говорю. Но, видите ли, она всегда уведомляла хозяев об уходе первая!

— А в этот раз все обернулось по-другому? — сухим тоном спросила мисс Марпл.

— Да, мэм, и это до жути ее огорчило.

Мисс Марпл была несколько удивлена. Глэдис, которая иногда заходила к ним в свой выходной попить чаю на кухне, запомнилась ей как весьма крепко сбитая, вечно хихикающая молодая особа, которую практически невозможно выбить из колеи душевного равновесия.

— Понимаете, мэм, — продолжила Эдна, — все дело в том, как это произошло... В том, какой вид при этом был у мисс Скиннер.

— И какой, — осведомилась мисс Марпл терпеливо, — вид имела мисс Скиннер?

На сей раз Эдне удалось придать своему сообщению несколько большую содержательность:

— Ой, мэм, для Глэдди это был такой удар. Понимаете, у мисс Эмили пропала одна из брошек. Из-за нее поднялся такой трам-тарарам, какого отродясь не бывало; само собой, кому такое понравится, это очень огорчительно, мэм, если вы понимаете, что я хочу сказать. Глэдди помогала искать, обшарила весь дом, и тут заявляется мисс

Лавиния и говорит, что обратится в полицию, и вскоре брошка нашлась: оказывается, она лежала аж у задней стенки ящика в ее туалетном столике, уж можете представить, как моя Глэдди была рада. И как раз на следующий день опять беда — разбилась тарелка, и тут мисс Лавиния так вскипела, что тут же предупредила Глэдди, что через месяц та будет уволена. Но Глэдди догадывается, что это вовсе не из-за тарелки и что мисс Лавиния просто придралась к этому поводу, и все явно из-за брошки: все думают, что она ее взяла и положила обратно, когда пригрозили полицией, а Глэдди такого делать не станет, не пойдет ни за что на свете, и она опасается, что дело выплывет наружу, пойдут сплетни на ее счет, а для простой девушки это очень серьезно, сами понимаете, мэм.

Мисс Марпл кивнула. Она хоть и не испытывала особой симпатии к пышнотелой заносчивой Глэдис, но была вполне уверена в ее совершенной честности и хорошо понимала, что эта история должна ее глубоко огорчить.

— Как вы думаете, мэм, — сказала Эдна с тоской, — не могли бы вы чем-нибудь помочь? У Глэдди такая трагедия.

— Скажи ей, пусть будет умнее, — решительно

проговорила мисс Марпл. — Если она не брала ту брошь, а я уверена, что не брала, у нее нет причины расстраиваться.

— Все выйдет наружу, — произнесла Эдна мрачно.

— Я э-э-э... собираюсь проходить нынче мимо дома мисс Скиннер; по дороге зайду и поговорю с ней.

— О, благодарю вас, мадам, — ответила Эдна.

II

Олд-Холл представлял собой большой особняк Викторианской эпохи, окруженный парком и лесными угодьями. Поскольку оказалось, что его невозможно сдать или продать целиком, то некий предприимчивый делец разделил его на четыре квартиры с горячей водой и центральным отоплением, тогда как окружающие угодья остались в совместном пользовании квартиросъемщиков. Эксперимент удался. Одну из квартир заняла богатая, эксцентричная старая леди с горничной. У этой леди проснулась любовь к кормлению птиц, и теперь она проводила все дни напролет в обществе пернатой братии. Вторую квартиру снял отставной судья из Индии с супругой. Очень юная пара, молодожены, вселились в третью, а

четвертую всего пару месяцев назад взяли две незамужние леди по фамилии Скиннер. Эти четыре клана съемщиков не торопились установить более близкие отношения друг с другом, поскольку их, собственно, ничего не объединяло. Говорят, домовладелец заявил, что его это очень устраивает. Чего он действительно боялся, так это их тесной дружбы с последующими разрывами и, соответственно, потоками жалоб.

Мисс Марпл была знакома со всеми съемщиками, хотя ни одного из них не знала достаточно хорошо. Старшая из сестер Скиннер, мисс Лавиния, была «рабочей лошадкой», как называют таких людей в правлениях фирм, а младшая сестра, мисс Эмили, большую часть суток проводила в постели, страдая от всевозможных заболеваний, которые, по мнению прочих жителей Сент-Мэри-Мид, являлись преимущественно воображаемыми. Одна только мисс Лавиния искренне верила в мученичество сестры и, восхищенная тем, как терпеливо сносит та тяжесть недуга, была у нее на посылках и охотно бегала до деревни и обратно, чтобы принести то одно, то другое, «если сестрице вдруг чего-нибудь захотелось».

Общее мнение жителей Сент-Мэри-Мид состо-

яло в том, что если бы мисс Эмили страдала хотя бы вполовину так сильно, как говорила, то уже давно послала бы за доктором Хейдоком. Но мисс Эмили, когда ей на это намекали, прикрывала глаза и слабым, но полным гордости голосом заявляла, что ее случай особенный, что лучшие специалисты в Лондоне не могут в нем ничего понять и что один чудесный молодой человек рекомендовал ей поистине революционный курс терапии, и она очень надеется поправить здоровье, следуя его указаниям. Никакой деревенский лекарь, скорее всего, просто не поймет, чем она больна.

— А я думаю, — заявила однажды мисс Хартнелл, привыкшая говорить обо всем прямо, — что она поступает очень умно, не посылая за мистером Хейдоком. Наш милый доктор, в свойственной ему чистосердечной манере, сказал бы ей, что с ней все в порядке и что не из-за чего так чрезмерно страдать! И это пошло бы ей на пользу!

Однако за недостатком столь радикального лечения мисс Эмили продолжала валяться на диване, окружать себя странного вида коробочками с пилюльками, отвергать почти любую еду, которая для нее готовилась, и непременно

просить чего-нибудь эдакого — обычно того, что было очень трудно достать.

III

Дверь перед мисс Марпл открыла та самая «Глэдди», причем вид у нее был еще более подавленный, чем ожидала гостья. Мисс Лавинию она застала в гостиной (представлявшей собой четверть прежней парадной залы, из которой еще выкроили столовую, комнату для приемов, а также ванную комнату и чулан), и хозяйка встала, чтобы приветствовать вошедшую.

Лавиния Скиннер была сухопарой особой лет пятидесяти, высокой и костлявой. Она обладала хриплым голосом и резкими манерами.

— Рада вас видеть, — просипела она. — Эмили нынче лежит пластом, совсем плоха, бедняжка. Хорошо бы она поболтала с вами, это могло бы ее взбодрить. Но временами она чувствует, что просто не в состоянии ни с кем встречаться. Она поразительно терпелива, моя бедная.

Мисс Марпл вежливо что-то ответила и завязала беседу. Слуги были главным предметом любого разговора в Сент-Мэри-Мид, так что направить в нужное русло и этот не составило труда. Мисс Марпл обмолвилась, будто слышала, что от них

уходит милая девушка по имени Глэдис Холмс.

Мисс Лавиния кивнула:

— В среду как раз будет неделя, как мы решили с ней расстаться. Бьет все подряд — сами понимаете.

Мисс Марпл вздохнула и посетовала, что теперь со многим приходится мириться. Трудно зазвать девушек жить в деревне. Неужели мисс Скиннер действительно считает, что ей лучше расстаться с Глэдис?

— Знаю, что слуг найти трудно, — согласилась мисс Лавиния. — Эти Деверо, например, так никого и не нашли... Но я и не удивляюсь... Постоянно ссорятся, ночи напролет пляшут под этот джаз... Едят в любое время суток... Эта милочка понятия не имеет о том, как вести хозяйство. Жалко ее мужа! А вот еще и Ларкины потеряли служанку. Конечно, при таком индийском темпераменте самого судьи и его любви к чота-хазри, как он это называет, которая в нем обычно просыпается в шесть утра, да еще миссис Ларкин вечно поднимает шум; в общем, неудивительно, что она ушла. Конечно, Джанет, которая служит у миссис Кармайкл, прочно обосновалась на своем месте, хотя, на мой взгляд, она совершенно несносна и крайне бесчеловечно обращается со старой леди.

— Тогда не думаете ли вы, что, может, стоило бы переменить решение относительно Глэдис? Она и вправду хорошая девушка. Я знаю всю их семью: очень честные, лучше не бывает.

Мисс Лавиния отрицательно покачала головой.

— У меня есть свои причины, — сказала она многозначительно.

— У вас пропала брошь, — проговорила мисс Марпл, — я понимаю...

— Кто это, интересно, проболтался? Наверняка она сама. Говоря откровенно, я почти уверена, что ее взяла она, а потом испугалась и положила обратно... Хотя, конечно, нехорошо утверждать что-либо подобное, пока нет полной уверенности. — И она поспешила переменить тему. — Давайте-ка все-таки пойдем проведаем Эмили, мисс Марпл. Уверена, это пойдет ей на пользу.

Мисс Марпл смиренно прошла вслед за мисс Лавинией, подождала, пока та постучит в дверь, и в ответ на просьбу была торжественно введена в лучшую комнату, где были приспущены шторы и царил полумрак. Мисс Эмили находилась в постели, явно наслаждаясь подобным освещением и собственными загадочными страданиями.

Тусклый свет едва освещал это исхудавшее

существо, казавшееся безвольным; соломенные с проседью волосы были неряшливо, но обильно накручены вокруг головы, так что вьющиеся пряди как бы разлетались во все стороны, отчего вся конструкция напоминала птичье гнездо, которым не стала бы гордиться ни одна уважающая себя птица. В комнате стоял запах одеколона, старого печенья и камфоры.

Полуприкрыв глаза, тонким слабым голосом Эмили Скиннер пояснила, что у нее «один из плохих дней».

— Самое плохое в слабом здоровье, — проговорила мисс Эмили меланхолично, — это знать, что ты в тяжесть всем, кто тебя окружает. Лавиния очень заботится обо мне. Лавви, милочка, мне ужасно не хочется тебя утруждать, но не могла бы ты наполнять грелку, как я люблю: если грелка полная, то слишком давит, а если там не очень много воды, то она сразу остывает!

— Прости, дорогая. Давай ее мне. Я из нее вылью немного.

— Ну раз уж так, то, может, наполнишь ее заново? И нет ли у нас в доме сухариков? Хотя нет, нет... забудь. Я смогу без них обойтись. Только немножко некрепкого чаю и ломтик лимона... Что, нет лимонов? Извини, но я не смогу пить

чай без лимона. Боюсь, молоко утром было слегка подкисшее. Так что теперь не хочется даже думать о чае с молоком. Ну, неважно. Могу обойтись и без чая. Только я чувствую такую ужасную слабость. Говорят, устрицы придают силы. Как ты думаешь, может быть, съесть несколько штучек? Нет, нет, слишком поздно теперь отправляться на их поиски, не хочу доставлять хлопот. Лучше уж попощусь до утра.

Лавиния вышла, невнятно бормоча под нос что-то о велосипедной поездке в деревню.

Мисс Эмили слабо улыбнулась гостье и объяснила, что терпеть не может кого-нибудь беспокоить.

В тот вечер мисс Марпл призналась Эдне, что, по всей видимости, ее миссия не увенчалось успехом.

Вскоре она сделала неприятное открытие, что слухи о нечестности Глэдис начали распространяться по деревне.

На почте к ней подскочила мисс Визерби.

— Дорогая Джейн, представляете, ей дают рекомендательное письмо, в котором говорится о старательности, трезвости и рассудительности, но ни слова о честности. По-моему, это говорит само за себя. Кажется, там случилась какая-то

история с брошью. Наверно, за этим что-нибудь кроется, ведь сами понимаете, в наше время со слугами так просто не расстаются, разве что произойдет нечто действительно серьезное. Непросто им будет кого-нибудь найти. Девушки не пойдут служить в Олд-Холл, вот и все. По выходным оттуда страшновато выбираться в деревню вечером. Увидите, Скиннеры больше никого не найдут. И тогда этой жуткой притворщице, скорее всего, придется вылезти из-под одеяла и начать что-то делать самостоятельно!

Каково же было огорчение для всей деревни, когда стало известно, что сестры Скиннер наняли через агентство новую служанку, которая, по имевшимся сведениям, была само совершенство, бриллиант чистейшей воды.

— Имеет рекомендацию от прежних хозяев, у которых проработала три года, характеризующую ее с самой лучшей стороны, предпочитает жить в деревне и даже просит меньшее жалование по сравнению с Глэдис. Похоже, нам действительно крупно повезло.

— Действительно, — проговорила мисс Марпл, которой мисс Лавиния сообщила все эти детали в рыбной лавке. — Настолько хорошо, что даже не верится.

Все же среди жителей Сент-Мэри-Мид возобладало мнение, что сей образец совершенства в последний момент пойдет на попятный и не приедет.

Однако эти предположения не оправдались, и вся деревня вскоре смогла наблюдать этот бриллиант в образе горничной по имени Мэри Хиггинс, когда та проехала по главной улице в автомобиле таксомоторной компании «Ридз» прямиком в Олд-Холл. Общественное мнение было вынуждено признать, что она обладает приятной наружностью, весьма представительного вида и очень изящно одета.

Когда мисс Марпл вновь посетила Олд-Холл с целью вербовки помощников для проведения намечавшегося церковного праздника, дверь открыла сама Мэри Хиггинс. Как служанка она действительно не имела равных с точки зрения внешности: лет сорока, с превосходными черными волосами, розовощекая, с едва слышным уважительным голосом, совсем таким, как надо, — столь отличающимся от громкого и гнусавого речитатива Глэдис, — а ее пышная фигура эффектно облачена в черное платье с белыми передником и чепцом — «ну прямо настоящий образец славной доброй служанки прежних

времен» — так всем описывала ее потом мисс Марпл.

Мисс Лавиния выглядела уже менее озабоченной, чем обычно, и хотя посетовала, что не может поучаствовать в устраиваемом приходом благотворительном празднике, потому что ей нельзя оставить сестру надолго, но тем не менее сделала солидный денежный взнос и обещала смастерить побольше перочисток и связать партию детских носочков для благотворительной распродажи.

Весь ее внешний вид говорил о наступлении эры благополучия, и мисс Марпл не могла не отметить этого вслух.

— Я понимаю, как многим обязана Мэри, и очень рада, что у меня хватило решимости избавиться от прежней служанки. Мэри просто незаменима. Прекрасно готовит, а как подает!.. Содержит нашу квартирку в изумительной чистоте... Даже матрасы перетряхивает каждый день. И так чудесно ладит с Эмили!

Мисс Марпл поспешила осведомиться об Эмили.

— Ох, бедняжка! В последнее время ей так нездоровится. Тут уж ничего не поделаешь, она не виновата, но иногда это все так усложняет. Например, хочет, чтобы ей приготовили что-то

особенное, затем, когда это ей подаешь, говорит, что сейчас не может ничего есть, а потом через полчаса передумает, а все уже остыло и никуда не годится, так что приходится стряпать заново. Конечно, это создает уйму лишней работы, но, к счастью, Мэри, похоже, против нее совсем не возражает. Она говорит, что привыкла обслуживать инвалидов и понимает их. С ней так приятно иметь дело.

— Боже мой, — отозвалась мисс Марпл. — Как вам повезло!

— Вот уж действительно. Мне и вправду кажется, что Мэри нам послана по нашим молитвам.

— И все-таки мне кажется, — проговорила мисс Марпл, — что она слишком хороша; в такое с трудом верится. На вашем месте я бы... короче, была бы поосторожней.

Лавиния Скиннер, очевидно, не поняла смысла этого замечания.

— О! — воскликнула она. — Уверяю вас, я делаю все, чтобы ей у нас было хорошо. Не знаю, что с нами станется, если она уйдет.

— Не думаю, что ее уход произойдет раньше, чем она к нему подготовится. — И мисс Марпл очень пристально посмотрела на собеседницу.

— Если домашние дела не доставляют беспо-

койства, — проговорила мисс Лавиния, — это снимает с нас такое бремя, правда ведь? А как у вас поживает малышка Эдна?

— У нее все хорошо. Не слишком-то много мозгов, конечно. Не то что у вашей Мэри. Зато я знаю о ней все, потому что она из нашей деревни.

Уже выходя, она услыхала громкий раздраженный голос пресловутой страдалицы: «Зачем вы дали компрессу высохнуть?! Доктор Аллертон предупредил особо, что его надо постоянно смачивать. Ну ладно, ладно, хватит. А теперь хочу чашку чая и вареное яйцо — запомните, его нужно варить ровно три с половиной минуты, и пришлите ко мне мисс Лавинию».

Мэри, всегда готовая услужить, появилась в дверях спальни и, сказав Лавинии: «Мисс Эмили зовет вас, мадам», — пошла к входной двери, чтобы открыть ее для мисс Марпл, а по дороге помогла ей надеть пальто и подала зонтик — все самым безупречным образом.

Мисс Марпл взяла зонтик, уронила его, попыталась поднять, выронила сумочку, да так, что она раскрылась. Мэри терпеливо начала собирать разные вывалившиеся из нее вещицы — носовой платок, ежедневник, старомодный кожаный кошелек, пару шиллингов, три монетки помель-

че и, наконец, обсосанный кусочек полосатого мятного леденца.

Мисс Марпл посмотрела на него с некоторым смущением.

— О, господи, — проговорила она. — Его, должно быть, подложил мне у миссис Клемент ее сынишка. Помню, он все время его обсасывал, а потом стал играть с моей сумкой. Тогда, наверное, и засунул. Ужасно липкий, правда?

— Мне взять его, мадам?

— Вы будете так любезны? Большое спасибо.

Последним, что поднесла Мэри владелице сумочки, оказалось зеркальце, обретя которое вновь мисс Марпл воскликнула радостно:

— Какое счастье, что оно не разбилось.

Засим она отбыла, оставив Мэри почтительно стоять у дверей с абсолютно бесстрастным лицом; в руке она держала обсосок полосатого леденца.

IV

Еще десять дней жители Сент-Мэри-Мид продолжали выслушивать восторги о блестящих достоинствах редкого сокровища, обретенного мисс Лавинией и мисс Эмили.

На одиннадцатый день деревня проснулась в большом волнении.

Мэри, этот бриллиант, образец совершенства, исчезла! Ее кровать осталась несмятой, а передняя дверь — приоткрытой. Беглянка потихоньку выскользнула ночью.

Пропала не только Мэри! Вместе с нею пропали две броши и пять колец мисс Лавинии, а также три кольца, подвеска, браслет и четыре броши, принадлежавшие мисс Эмили! То был только пролог катастрофы.

У миссис Деверо пропали бриллианты, которые она хранила в незапертом ящике комода, и ценные меха, недавно подаренные ей на свадьбу. У судьи и его жены тоже взяли драгоценности и порядочную сумму денег. Больше всех пострадала миссис Кармайкл. У нее в квартире имелись не только очень дорогие камни, но и большие деньги, которые пропали. У Джанет был выходной вечер, а ее хозяйка привыкла в сумерках бродить по садам, подзывать птиц и бросать им крошки. Так выяснилось, что Мэри, эта чудо-служанка, имела ключи от всех квартир!

Нужно признаться, что происшедшее доставило обитателям Сент-Мэри-Мид немало злорадного удовольствия. Ведь мисс Лавиния так хвасталась своей расчудесной Мэри.

«А на самом деле, боже мой, она была обыкно-

венной воровкой!»

Последовали и новые прелюбопытнейшие открытия. Мэри не просто растворилась в пространстве, вдобавок и агентство, которое прислало ее и поручилось за ее надежность, забило наконец тревогу и обнаружило, что та Мэри Хиггинс, которая к ним обратилась и относительно которой они получили рекомендательные письма, на самом деле никогда не существовала. То было действительно имя добропорядочной служанки, которая прежде жила у некой добропорядочной сестры старшего священника, да только настоящая Мэри Хиггинс преспокойно продолжала жить в своем Корнуолле, в маленьком городишке.

— Чертовски умна, та еще штучка, — вынужден был признать инспектор Слэк. — И если хотите знать мое мнение, эта дамочка работает с целой шайкой. Год назад в Нортумберленде произошел очень похожий случай. Дело не раскрыли, и она осталась на свободе. Ну уж мы-то не попадем впросак в отличие от ребят из Мач Бенэма!

Инспектор Слэк всегда был уверен в себе.

Тем не менее прошло несколько недель, и Мэри Хиггинс могла праздновать победу, ведь она оставалась на свободе. Напрасно инспектор Слэк

удвоил энергию и напрочь перестал соответствовать собственной фамилии.

Мисс Лавиния не переставала лить слезы. Мисс Эмили была так огорчена и так встревожена состоянием собственного здоровья, что даже послала за доктором Хейдоком.

Вся деревня пребывала в ужасном волнении, желая узнать его мнение о том, насколько оправданы претензии мисс Эмили считаться больной, но ведь нельзя спрашивать о таких вещах напрямик. Однако через посредство мистера Мика, помощника аптекаря, который иногда бывал в обществе Клары, служанки миссис Прайс Ридли, произошла утечка информации. Тогда и узнали, что доктор Хейдок прописал микстуру, главными компонентами которой являлись асафетида и валериана, и которая, как утверждал мистер Мик, употреблялась в армии как главное средство для лечения симулянтов!

Вскоре стало известно, что мисс Эмили, не вполне удовлетворенная тем вниманием, которое оказал ей доктор, заявила, что при том состоянии здоровья, в котором она пребывает, благоразумие велит ей находиться в Лондоне, поблизости от врача-специалиста, разбирающегося в ее болезни. Это, по ее словам, было и в

интересах Лавинии.

Квартира была сдана в поднаем.

V

Несколько дней спустя мисс Марпл зашла в полицейский участок в Мач Бенэме и спросила, можно ли ей повидать инспектора Слэка; вид у нее был взволнованный, на щеках горел румянец.

Инспектор Слэк недолюбливал мисс Марпл, но имел основания полагать, что главный констебль, полковник Мельчетт, придерживается иного мнения. Поэтому он ее принял, хотя и неохотно.

— Здравствуйте, мисс Марпл, чем могу быть полезен?

— Простите меня, — проговорила мисс Марпл, — кажется, вам некогда.

— Куча работы, — ответил инспектор, — но могу уделить несколько минут.

— Еще раз простите, — извинилась мисс Марпл, — тогда постараюсь рассказать покороче. Хотя порой, знаете ли, так непросто все объяснить в трех словах, вы не находите? Нет, думаю, навряд ли. Но, понимаете ли, я не получила современного образования... Меня учила обыкновенная

гувернантка — так, ничего особенного, из тех, кто заставляет детей запоминать даты правления королей Англии и вообще рассказывает понемногу обо всем... По доктору Бреверу... Три вида заболеваний пшеницы... Во-первых, такое заболевание, как блайт; в этом случае она просто вянет; во-вторых, мучнистая роса... постойте-ка, а что же в-третьих? Не то ржавчина, не то головня?

— Вы пришли говорить со мною о головнях и ржавчине? — спросил инспектор Слэк и вдруг покраснел.

— О, нет, нет, — поспешно открестилась мисс Марпл от всяких попыток развить данную тему. — Это лишь к слову, для примера. Ну, там еще, как иголки разные изготовляют и все такое. Словом, вокруг да около, пространные рассуждения, но совершенно не приучает концентрировать внимание на чем-то действительно важном. А это мне как раз и предстоит сделать, ведь речь пойдет, как вы понимаете, о Глэдис, горничной мисс Скиннер.

— Мэри Хиггинс, — поправил ее инспектор Слэк.

— Ну да, так звали вторую горничную, но я имею в виду именно Глэдис Холмс. Девица довольно нахальная и слишком увлечена собой,

однако действительно кристально честная, и последнее настолько важно, что прошу обратить на данный факт особое внимание.

— Насколько мне известно, против нее не выдвинуто никаких обвинений, — заметил инспектор.

— Знаю, что не выдвинуто, но это еще хуже. Потому что, знаете, люди продолжают строить всевозможные предположения... Ах, господи, я так и знала, что у меня не получится объяснить все как следует. Я хочу сказать, что сейчас самое главное — найти Мэри Хиггинс.

— Разумеется, — подтвердил инспектор Слэк. — Есть ли у вас на этот счет какие-нибудь идеи?

— Собственно говоря, есть, — ответила мисс Марпл. — Можно задать вам один вопрос? Могут ли пригодиться ее отпечатки пальцев?

— Увы, — произнес инспектор, — здесь-то нас она и перехитрила. Всю свою работу выполняла в резиновых перчатках или в рабочих рукавицах и проявила большую осторожность: тщательно вытерла после себя все, к чему могла прикоснуться, — ну, вы знаете, различные предметы, которые обычно стоят в спальне или ванной. Мы не смогли обнаружить ни единого ее отпечатка!

— А если бы у вас имелись отпечатки, это смог-

ло бы помочь?

— Вероятно, мадам. Они могут иметься в картотеке Скотленд-Ярда. Думаю, эта работа у нее не первая!

Просияв, мисс Марпл кивнула. Открыв саквояж, она извлекла оттуда небольшую картонную коробочку. В ней лежало обернутое ватой зеркальце.

— Обычно я ношу его в сумочке, — пояснила мисс Марпл. — На нем ее отпечатки. Думаю, они должны быть достаточно четкими, ведь перед тем, как взять зеркальце в руки, она прикоснулась к очень липкому веществу.

Инспектор Слэк посмотрел на нее изумленно:

— Вы сняли с нее отпечатки пальцев намеренно?

— Разумеется.

— Вы подозревали ее уже тогда?

— Мне, знаете, пришло в голову, что она, пожалуй, чересчур хороша, чтобы я приняла все за чистую монету. Фактически я так и сказала мисс Лавинии, но она просто не обратила внимания на мой намек! Боюсь, вы хорошо знаете, инспектор, что я не верю в чудеса, тем более когда перед тобой чудо совершенства, этакий бриллиант. У большинства из нас есть недостатки, а работа по

дому позволяет им проявиться очень скоро!

— Ну что же, — проговорил инспектор Слэк, обретая вновь душевное равновесие, — я очень вам признателен, можете не сомневаться. Отошлю это в Скотленд-Ярд, и увидим, какой они дадут ответ.

Тут он осекся. Слегка наклонив голову набок, мисс Марпл смотрела на него испытующе и очень многозначительно.

— А как вы поглядите на то, инспектор, чтобы поискать его не так далеко?

— Что вы хотите сказать, мисс Марпл?

— Объяснить это непросто, но когда вы наталкиваетесь на какую-то необычную вещь, то вы, как правило, ее замечаете. Хотя зачастую такие вещи оказываются совершенными пустяками. У меня, знаете ли, было предчувствие; я имею в виду историю с Глэдис и брошью. Она честная девушка; брошь она не брала. Тогда почему же мисс Скиннер подумала, что она ее взяла? Мисс Скиннер не глупа, далеко не глупа! Так почему она так сильно хотела уволить девушку, хорошую служанку, когда слуг так тяжело найти? Это, право же, очень странно. И я заинтересовалась. Очень заинтересовалась. И я заметила еще одну необычную вещь! Мисс Эмили очень мнительна,

прямо до ипохондрии, по части своего здоровья, но ведь, как правило, ипохондрики обожают врачей. Так что, наверное, она первая из всех, страдающих подобной мнительностью, кто не пожелал обратиться к тому или иному доктору сразу же по приезде.

— О чем вы говорите, мисс Марпл?

— Я говорю о том, знаете ли, что мисс Лавиния и мисс Эмили весьма необычные леди. Мисс Эмили почти все время проводит в затемненной комнате. И если ее расчудесные волосы на самом деле не парик, я ...я готова поужинать собственным шиньоном! А клоню я вот к чему: худенькой, бледной, седой, вечно хныкающей женщине практически ничего не стоит порой превращаться в розовощекую пухленькую брюнетку. И мне так и не удалось найти никого, кому довелось бы видеть мисс Эмили и Мэри Хиггинс одновременно.

Сколько угодно времени, чтобы выяснить, что представляют собой другие ключи, сколько угодно времени, чтобы вызнать всю подноготную остальных жильцов дома, а потом — избавиться от служанки из местных. Мисс Эмили предпринимает затем ночную прогулку на свежем сельском воздухе и на следующий день появля-

ется на железнодорожной станции в качестве Мэри Хиггинс. А когда приходит нужный момент, Мэри Хиггинс исчезает и вослед ей несутся крики «держи вора!». Я вам скажу, где ее искать, инспектор. На диване в доме Эмили Скиннер! Возьмите у нее отпечатки пальцев, если не верите мне, но вы увидите, что я права! Парочка ловких воровок, вот кто такие эти Скиннеры, и, вне всякого сомнения, они действуют заодно с каким-нибудь смышленым барыгой, или как там у вас называют скупщиков краденого. Но теперь им не отвертеться, их песенка спета! Я не собираюсь позволить, чтобы одну из наших девушек подобным образом лишили права на получение рекомендации, в которой ее честности отдавалось бы должное. Нет никого честнее, чем Глэдис Холмс, и все об этом еще узнают! Прощайте!

И мисс Марпл гордо прошествовала к выходу — прежде, чем к инспектору Слэку вернулся дар речи.

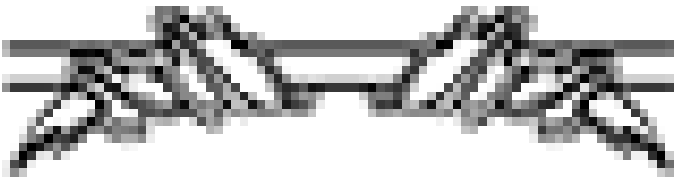
— Ничего себе, — пробормотал он. — А что, если она права?

Вскоре ему пришлось удостовериться в правоте мисс Марпл в очередной раз.

Полковник Мельчетт поблагодарил Слэка за хорошую службу, а мисс Марпл зашла на кухню,

когда Глэдис пила там чай с Эдной, и обещала помочь устроиться на хорошую работу в приличном доме, когда она такую подыщет.

СВЯТОЕ МЕСТО
Sanctuary



I

Жена викария вышла из-за угла своего дома, едва удерживая в руках охапку хризантем. На ее грубые, прочно сшитые туфли в изобилии налипла жирная садовая земля; частички почвы попали ей даже на нос, о чем она, разумеется, не подозревала.

Подойдя к старой, висевшей на одной петле калитке, она вступила с ней в единоборство, ибо та никак не хотела открываться. Налетевший порыв ветра подхватил было ее замасленную фетровую шляпку и снова опустил на голову — еще более набекрень.

— Тьфу ты! — воскликнула Банч[3].

Прозвище это миссис Хармон получила по вполне понятной причине еще в детстве, и с тех пор оно прилипло к ней намертво, хотя родители-оптимисты и нарекли ее когда-то Дианой.

Крепче прижав хризантемы, она протиснулась в калитку и, пройдя через церковный двор, подошла к дверям церкви.

Ноябрьский воздух был мягким и сырым. Плывущие по небу облака оставляли то здесь, то там лоскутки голубого неба. Внутри, в церкви, было темно и холодно. Ее протапливали только к службе.

— Бр-р-р! — выразительно произнесла жена викария. — Лучше управиться поскорее. А то здесь умрешь от холода.

С быстротою, свидетельствующей о долгой практике, она приготовила всю необходимую

---

[3] notes: 3
Пучок, букет *(англ.).*

утварь: вазы, кувшин с водой, подставки для цветов. «Жаль, что у нас нет лилий, — подумала миссис Хармон, — до чего надоели эти жалкие хризантемы». Проворными пальцами она брала их по одной и ставила в вазу.

В создаваемых ею букетах никогда не было ничего художественного или оригинального, ничего особенного, но ведь и сама Банч не отличалась ни оригинальностью, ни художественным вкусом, однако в них чувствовалось что-то домашнее, приятное. Она осторожно взяла вазы и пошла к алтарю по проходу между скамьями. И тут выглянуло солнце.

Его лучи проникали сквозь восточное окно, украшенное грубоватым витражом с преобладающими синим и красным цветами — подарок богатого прихожанина во времена королевы Виктории. Эта неожиданно обильная красочность заставила ее почти вздрогнуть. «Как драгоценные камни в ювелирной лавке», — подумалось ей. Внезапно она остановилась, заметив что-то впереди. На ступенях алтаря смутно виднелась какая-то неясная тень.

Осторожно поставив цветы, Банч подошла к ступеням и, наклонившись посмотреть, что там, увидела лежащего ничком человека. Она

опустилась рядом с ним на колени и медленно, осторожно перевернула. Ее пальцы нащупали пульс — такой слабый и неровный, что это говорило само за себя, так же как и зеленоватый оттенок бледного лица. Ей пришло на ум, что он, без сомнения, умирает.

То был мужчина лет сорока пяти, одетый в темный поношенный костюм. Она отпустила его обмякшую руку, к которой только что прикасалась, и посмотрела на другую. Та была стиснута в кулак у самой груди. Приглядевшись, она увидела, что в кулаке зажато нечто, напоминающее клок шерсти или большой носовой платок, и он прижимал это к ребрам. Вокруг стиснутой руки виднелись засохшие капли какой-то коричневатой жидкости, и Банч угадала в ней запекшуюся кровь. Миссис Хармон приподняла голову и нахмурилась.

До сих пор глаза человека были закрыты, но в это мгновение он внезапно открыл их и устремил взгляд на ее лицо. Взгляд не был ни удивленным, ни блуждающим. Он казался вполне живым и все понимающим. Губы зашевелились, и Банч подалась вперед, чтобы уловить слова или, вернее, слово. Ибо лишь одно слово и было произнесено:

– *Святое...*

Ей показалось, что, когда он произнес — нет, скорее даже выдохнул это слово, — его лицо словно осветилось изнутри едва заметной улыбкой. Нет, она не могла ошибиться, потому что мгновение спустя он опять повторил:

— Святое...

Затем последовал слабый продолжительный вздох, и глаза умирающего снова закрылись. Ее пальцы вновь коснулись его запястья. Пульс еще прощупывался, но стал чуть заметным, прерывистым. Миссис Хармон встала, приняв решение.

— Не двигайтесь, — попросила она, — старайтесь не двигаться. Я схожу за помощью.

Раненый снова открыл глаза, но теперь устремил взор на разноцветные лучи солнца, проникающие сквозь витраж. Его губы пробормотали что-то, чего Банч не смогла вполне разобрать. К ее недоумению, ей показалось, что незнакомец прошептал имя ее мужа.

— Джулиан? — переспросила она. — Вы искали здесь Джулиана?

Раненый не ответил. Теперь он лежал закрыв глаза, дыхание стало неглубоким, едва заметным.

Миссис Хармон повернулась и быстро пошла из церкви. Выйдя на крыльцо, она взглянула на

часы и удовлетворенно кивнула. Доктор Гриффитс должен еще вести прием. До него всего пара минут ходьбы. Она сразу прошла через приемную, не тратя времени, чтобы постучать или позвонить в дверь, и заглянула в кабинет.

— Идите скорее, — настойчиво позвала она, — в церкви человек умирает.

Спустя несколько минут доктор Гриффитс уже бегло осмотрел раненого.

— Можно перенести его в ваш дом? Там я смогу лучше о нем позаботиться, — произнес он, вставая с колен, — хотя сомневаюсь, чтобы от этого был прок.

— Конечно, — отозвалась Банч, — пойду все приготовлю. И пришлю Харпера с Джонсом, хорошо? Чтобы помочь вам его нести.

— Спасибо. Я вызову от вас карету «Скорой помощи», но, боюсь, пока она едет... — Он замолчал, не докончив.

— Внутреннее кровотечение? — спросила Банч.

Доктор Гриффитс кивнул.

— И каким только ветром его сюда занесло? — проговорил он.

— Думаю, он провел тут всю ночь, — предположила Банч. — Харпер отпирает церковь

утром, когда идет работать, но обычно не заходит внутрь.

Всего минут пять спустя доктор Гриффитс уже повесил на место телефонную трубку и вернулся в жилую комнату, где на диване, застланном на скорую руку шерстяными одеялами, лежал раненый. Банч только-только успела прибраться после осмотра больного и теперь держала в руках тазик с водой.

— Вот такие дела, — сообщил Гриффитс. — «Скорая» вызвана, полиция уведомлена.

Он постоял, хмурясь и глядя на лежащего перед ним пациента. Тот по-прежнему не открывал глаза, но каким-то нервным, судорожным движением все время пытался прижать к боку левую руку.

— В него стреляли, — сказал Гриффитс. — Стреляли в очень тесном помещении. Он скатал свой носовой платок, сделав из него что-то вроде тампона, и затолкал в рану, чтобы остановить кровотечение.

— Он мог пройти большое расстояние после того, как это случилось? — спросила Банч.

— О да, это вполне возможно. Известен случай, когда смертельно раненный человек встал и пошел вдоль по улице словно ни в чем не бывало

и лишь минут пять или десять спустя внезапно потерял сознание. Так что совсем не обязательно в него стреляли в церкви. Вовсе нет. Точно так же это могло случиться и на некотором расстоянии от нее. А кроме того, он мог выстрелить сам в себя, уронить револьвер, а потом направиться в церковь, повинуясь какому-то внутреннему зову. Не совсем понимаю, почему он пришел в церковь, а не в дом викария.

— А я знаю *почему*, — сообщила Банч. — Он так и сказал: «Святое место».

Доктор недоуменно взглянул на нее.

— Святое место? — переспросил он.

— А вот и Джулиан, — Банч обернулась на звук шагов мужа, донесшийся из прихожей. — Джулиан! Иди сюда.

В комнату вошел преподобный Джулиан Хармон. Он казался старше своих лет оттого, что всегда напускал на себя какой-то ученый рассеянный вид.

— Боже мой! — произнес Джулиан Хармон, останавливая мягкий и удивленный взгляд на хирургических инструментах и на распростертом на диване безжизненном теле.

— Он был в церкви, умирал, — принялась объяснять Банч, экономя, как всегда, слова. — У него

огнестрельная рана. Ты знаешь его, Джулиан? Кажется, он произнес твое имя.

Священник подошел к дивану и посмотрел на умирающего.

— Бедняга, — проговорил он и покачал головой. — Нет, я его не знаю. Почти уверен, что прежде не видел его никогда.

В это мгновение лежащий снова открыл глаза. Он перевел взгляд с доктора на Джулиана Хармона и с него на его жену. Умирающий стал вглядываться в ее лицо. Гриффитс шагнул к нему и настойчивым тоном сказал:

— Не могли бы вы объяснить нам...

Но незнакомец, не отрывая глаз от хозяйки дома, пробормотал слабым голосом:

— Прошу... *прошу...*

Затем по его телу прошла легкая дрожь, и он умер...

Сержант Хейз лизнул карандаш и перевернул страницу блокнота.

— Итак, это все, что вы мне можете рассказать, миссис Хармон?

— Да, все, — сказала Банч. — Вот вещи из его карманов.

На столе рядом с локтем сержанта Хейза лежали бумажник, видавшие виды старые часы с

инициалами «В.С.» и обратный билет до Лондона. Ничего больше.

— Удалось выяснить, кто он? — осведомилась Банч.

— В полицию звонили некие мистер и миссис Экклз. По-видимому, он ее брат. Убитого звали Сэндборн. В последнее время у него были проблемы и со здоровьем, и с нервами. Недавно он почувствовал себя хуже. Позавчера вышел из дома и не вернулся. И у него был револьвер.

— А здесь он сошел с поезда и застрелился, — подхватила собеседница. — Но почему?

— Ну, понимаете ли, у него была депрессия...

Банч не дала ему договорить.

– *Я не о том.* Я спрашиваю: почему он оказался здесь?

Поскольку сержант Хейз явно не знал ответа на сей вопрос, он предпочел ответить уклончиво:

— Он приехал автобусом, что прибывает в пять десять.

— Приехал, но *почему?* — настаивала Банч.

— Не знаю, миссис Хармон, — сдался наконец сержант Хейз. — Это нельзя объяснить. Если рассудок помрачен...

Но Банч докончила вместо него:

— То это можно сделать где угодно. И все-таки,

мне кажется, необязательно садиться на автобус и ехать в такую глушь, как наша. Ведь он, кажется, здесь никого и не знал?

— Трудно сказать наверняка, — промямлил сержант.

Он виновато покашлял и проговорил, вставая со стула:

— Собственно говоря, если вы, мэм, не возражаете, то, может быть, вы позволите, чтобы мистер и миссис Экклз приехали поговорить с вами.

— Конечно, не возражаю, — отозвалась Банч, — само собой разумеется. Но только что я могу им сказать?

— Ну, вы уж там как-нибудь, — порекомендовал сержант.

— Единственное, что утешает, — проговорила Банч, провожая его до крыльца, — что это не убийство.

К воротам подъехал автомобиль. Взглянув на него, сержант Хейз предположил:

— Похоже, миссис и мистер Экклз уже добрались сюда, мэм, чтобы потолковать с вами.

Жена викария поняла, что ей придется хорошенько заставить себя выполнить эту нелегкую повинность. «В конце концов, — подумалось ей, — я всегда могу позвать на помощь Джулиана.

Когда люди теряют близких, служитель церкви всегда окажется кстати».

Пожалуй, она не смогла бы сказать ясно, какими она представляла себе мистера и миссис Экклз, однако, приветствуя их, она не могла отделаться от чувства, что сильно удивлена. Мистер Экклз оказался тучным багровощеким мужчиной, который в иных обстоятельствах, вероятно, был жизнерадостным весельчаком. Миссис Экклз наверняка обожала выставлять себя напоказ, хотя сейчас это не слишком бросалось в глаза. Отличительной чертой ее внешности был маленький злой рот с поджатыми губами. Ее голосок звучал высоко и пронзительно.

— Можете сами представить, миссис Хармон, какой это был страшный удар, — произнесла она.

— Конечно, — ответила Банч, — понимаю. Прошу вас, садитесь. Могу ли я предложить вам... хотя, пожалуй, для чая еще рановато...

Мистер Экклз сделал протестующий жест пухлой ручкой.

— Нет, нет не утруждайте себя ради нас, — возразил он. — Мы и так вам обязаны; уверяю, вы так любезны. Мы просто хотели... ну... вы понимаете... что там сказал бедняга Вильям и все такое?

— Он долго пробыл за границей, — принялась объяснять миссис Экклз, — и я уверена, что его жизнь там была не сахар. Очень уж он тихим стал, когда вернулся домой, все время в депрессии. Заявлял, что мир не стоит того, чтобы в нем жить, что ему не к чему стремиться и нечего ждать. Бедный Билл, он вечно хандрил.

Банч ничего не ответила, но посмотрела на них пристально.

— Представляете, стянул револьвер мужа, — продолжила миссис Экклз через секунду-другую. — Ничего не сказал. Потом приезжает сюда на автобусе. Думаю, очень мило с его стороны. Не захотел сделать это в нашем доме.

— Ах, бедняга, — вздохнул мистер Экклз, — но не нам его осуждать.

Опять повисла короткая пауза, после которой мистер Экклз продолжил:

— Он оставил какую-нибудь записку? Что-либо на прощанье, хоть несколько слов? — И он пристально посмотрел на хозяйку дома ясными глазками, довольно похожими на поросячьи.

Миссис Экклз между тем подалась вперед, словно с нетерпением ожидала ответа.

— Нет, — спокойным голосом ответила Банч. — Он пришел умирать в церковь, желая найти

убежище в святом месте.

— Убежище? — переспросила миссис Экклз, и в ее голосе прозвучало непонимание. — Убежище? Кажется, я не вполне...

Ее перебил мистер Экклз:

— В святом месте, дорогая, — нетерпеливо разъяснил он, — вот что имеет в виду супруга священника. Ты же ведь знаешь, самоубийство — грех. Думаю, он хотел помолиться Богу о прощении.

— Перед самой смертью он пытался что-то сказать, — припомнила Банч. — «Прошу...» — начал он, да так и не смог закончить.

Миссис Экклз приложила к глазам носовой платок и потянула носом.

— О, господи, — проговорила она. — Как это жутко трогательно, правда?

— Ну полно, полно, Памела, — отозвался муж. — Не принимай чересчур близко к сердцу. Тут уж ничем не поможешь. Бедный Вилли. Теперь наконец он обрел покой. Большое вам спасибо, миссис Хармон. Надеюсь, мы не слишком оторвали вас от дел. Мы понимаем, как много их у жены викария.

На прощанье они пожали ей руку. Уже уходя, Экклз неожиданно обернулся к ней и сказал:

— Ах да, вот еще что. Надеюсь его одежда у вас?

— Одежда? — нахмурилась Банч.

— Ну да, — пришла на помощь мужу миссис Экклз, — нам бы хотелось забрать все его вещи. Мы, знаете, так сентиментальны.

— У него в карманах лежали часы, бумажник и железнодорожный билет, — сообщила Банч. — Я отдала их сержанту Хейзу.

— Тогда все в порядке, — сказал мистер Экклз. — Надеюсь, он их нам передаст. Все, что нам нужно, должно быть в бумажнике.

— Там находилась только однофунтовая банкнота, — возразила Банч, — больше ничего.

— Никаких писем? Ничего вроде этого?

Банч покачала головой.

— Что же, тогда еще раз спасибо, миссис Хармон. А вот насчет пиджака — наверно, полицейский тоже его забрал или как?

Банч нахмурила брови, напрягая память.

— Нет, — проговорила она. — Кажется, нет... Дайте-ка припомнить. Мы с доктором сняли его, чтобы осмотреть рану. — Она обвела комнату рассеянным взглядом. — Должно быть, я унесла его наверх вместе с тазиком и полотенцами.

— Если не возражаете, миссис Хармон, то мне

бы хотелось... Он будет нам дорог... Этот пиджак, видите ли, последняя вещь, которую он носил. Поймите, жена у меня такая сентиментальная по этой части.

— Разумеется, — согласилась Банч. — Однако не почистить ли мне его сперва? Боюсь, он довольно сильно... как бы... запачкан.

— О нет, нет, нет, это ничего.

Банч нахмурилась.

— Тогда дайте сообразить, где... Простите, я на минутку. — Она поднялась наверх и вернулась лишь через несколько минут. — Простите, — произнесла она, переводя дыхание. — Женщина, что помогает мне по хозяйству, положила его вместе с другой одеждой, приготовленной для чистки. Я не сразу нашла. Вот он. Сейчас заверну в оберточную бумагу.

Она проделала это, несмотря на протесты, и после нового прощания, сопровождающегося еще одним излиянием слов благодарности, Экклзы отбыли.

Возвращаясь от входной двери, Банч медленно пересекла прихожую и прошла в кабинет. Преподобный Джулиан Хармон оторвался от сочинения проповеди и поднял на нее потеплевший взгляд. Он уже было совсем испугался, что его так и

оставят блуждать в лабиринтах политических отношений между Иудеей и Персией времен царя Кира.

— Что, дорогая? — произнес он с надеждой.

— Джулиан, — обратилась к нему Банч. — Объясни мне точно, какова связь между понятиями «убежище» и «святое место».

Джулиан Хармон с благодарным видом отложил в сторону листки с проповедью.

— Видишь ли, — начал он, — святым местом в римских и греческих храмах являлась *целла,* то есть святилище, где помещалась статуя бога. В английском языке с этим словом связано и понятие убежища, ибо латинское слово *«ara»,* обозначающее алтарь, переводится так же, как «убежище, защита». — В его голосе зазвучали ученые нотки, и он продолжил: — В 399 году от Рождества Христова право на получение убежища в христианских храмах было признано окончательно и бесповоротно. В Англии наиболее раннее упоминание о праве на убежище в церкви содержится в кодексе законов короля Этельберта, то есть от Рождества Христова в шестьсот...

И он продолжал говорить в том же духе еще какое-то время, но затем, как это часто случалось, его смутило то, с каким видом жена выслушивает

его ученые рассуждения.

— Дорогой, — проговорила она, — *ты действительно прелесть.*

И, наклонившись, она поцеловала его в кончик носа. Джулиан ощутил себя собачкой, вознагражденной за умело исполненный хитрый трюк.

— Экклзы у нас уже побывали, — сообщила Банч.

Ее муж нахмурился.

— Экклзы? Я вроде не помню...

— Ты их не знаешь. Это сестра человека из церкви и ее муж.

— О боже, тебе следовало меня позвать.

— В этом не было необходимости, — возразила Банч. — Они не нуждались в утешении. Так что хотелось бы мне знать... — Она слегка нахмурила брови. — Если я оставлю тебе завтра в духовке запеканку из риса, мяса и овощей, ты продержишься до моего возвращения? Мне придется съездить в Лондон и мчаться на всех парусах.

— Парусах? — Муж посмотрел на нее непонимающе. — Ты имеешь в виду гонки на яхтах или что-нибудь в этом роде?

Банч рассмеялась.

— Нет, дорогой. Я хотела сказать, что мне нужно незамедлительно съездить на специальную рас-

продажу холщовых тканей в универмаг Берроуза и Портмана. Ну там, понимаешь, всякие простыни, скатерти, полотенца, салфетки. Не знаю, что мы делаем с нашими салфетками, что они так быстро изнашиваются. Кроме того, — добавила она с задумчивым видом, — думаю, мне следует навестить тетушку Джейн.

II

Мисс Джейн Марпл, та самая милейшая пожилая леди, о которой шла речь, уже десять дней наслаждалась прелестями столичной жизни, уютно устроившись в расположенной на мансарде квартирке своего племянника.

— Как это мило со стороны моего дорогого Реймонда, — проворковала она. — Они с Джоан уехали на десять дней в Америку и настояли, чтобы я поселилась тут и немножко развлеклась. А теперь, голубушка Банч, расскажи мне скорей о том, что, судя по всему, тебя очень волнует.

Банч была у мисс Марпл любимой крестницей, и старушке доставило большое удовольствие наблюдать за тем, как та, сдвинув на самый затылок свою лучшую фетровую шляпку, начала рассказ.

Отчет о происшедшем был ясен и краток. Мисс Марпл кивнула, едва Банч закончила.

— Понятно, — произнесла она. — Ну да, понятно.

— Вот почему мне так захотелось тебя навестить, — извинилась Банч. — Я, видишь ли, не так умна...

— Но ты *умна,* дорогая.

— Нет, вовсе нет. Не так умна, как Джулиан.

— Джулиан, конечно, обладает весьма солидным интеллектом, — не стала спорить мисс Марпл.

— Вот именно, — согласилась Банч. — У Джулиана интеллект, а у меня же, напротив, способность рассуждать здраво.

— У тебя полно здравого смысла, Банч, и ты очень смышленая.

— Понимаешь, я никак не могу решить, что мне следует делать. Я не могу посоветоваться с Джулианом, потому что... я имею в виду, Джулиан, он такой прямолинейный.

Мисс Марпл, оказывается, прекрасно поняла, что хотела сказать ее крестница, и ответила:

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Мы женщины... ну, в общем, совсем другое дело. Однако вернемся к произошедшему. Ты рассказала, что случилось, Банч, но мне бы сперва хотелось поточнее узнать, что ты думаешь.

— Тут что-то не так, — ответила та. — Тот умирающий в церкви знал все о том, что в этом святом месте он имеет право на убежище. Он произнес те слова как раз так, как это сделал бы Джулиан. То есть он был начитан и образован. И если бы это было самоубийство, он не притащился бы после в церковь и не стал говорить о святом месте. Он явно подразумевал, что имеет право на убежище, что предполагает наличие как преследования, так и веры в то, что в церкви он в безопасности. Преследователи не могут причинить там зло. Когда-то человека не могла там достать даже рука закона.

Она вопросительно посмотрела на мисс Марпл. Та кивнула. Банч продолжила:

— А Экклзы, которые к нам приезжали, совсем другие. Грубые и невежественные. И вот еще что. Те часы — часы умершего. На задней крышке были инициалы «В.С.» А внутри — я их открывала — мельчайшими буковками написано: «Волтеру от отца» и дата. *Волтер.* А Экклзы все время называли его Вильям или Билл.

Мисс Марпл явно хотела что-то сказать, но Банч не смогла удержаться и затараторила:

— Конечно же, не всех называют тем именем, под которым они крещены. То есть я хорошо

понимаю, что вас могут окрестить Вильямом и называть Порги, или Карротс, или как-либо еще. Но сестра не станет называть вас Вильямом или Биллом, если вас зовут Волтер.

— Ты думаешь, что она не его сестра?

— Я совершенно уверена, что она ему не сестра. Они были ужасны — оба. Они явились в наш дом забрать его вещи и выведать, не сказал ли он что-то перед смертью. Когда я сказала, что нет, они почувствовали облегчение — я поняла это по их лицам. Мне думается, — подытожила Банч, — что это Экклз его застрелил.

— Убийство? — спросила мисс Марпл.

— Да, — подтвердила Банч, — убийство. Вот почему я пришла к тебе, дорогая.

Последнее замечание могло бы показаться неуместным для непосвященного, но в определенных кругах за мисс Марпл укрепилась репутация человека, сведущего по части убийств.

— Перед смертью он сказал мне «прошу», — продолжила Банч. — Он хотел, чтобы я для него что-то сделала. Самое ужасное, я не имею понятия, что именно.

Мисс Марпл поразмышляла секунду-другую, а затем обратилась к вопросу, который уже приходил в голову ее собеседнице.

— А почему он вообще там оказался? — спросила она.

— Вы намекаете, — проговорила Банч, — что если вам нужно убежище в святом месте, вы можете заскочить в любую церковь где угодно. Для этого нет нужды садиться в автобус, который ходит лишь четыре раза в день, и выходить в таком глухом местечке, как наше.

— Он обязательно приехал с какой-то целью, — подумала вслух мисс Марпл. — Он явно приехал, чтобы с кем-то встретиться. Чиппинг-Клеорн совсем небольшая деревушка, Банч. Тебе, должно быть, самой приходило кое-что в голову насчет того, к кому бы он мог приехать?

Банч перебрала в памяти обитателей деревушки и в сомнении покачала головой.

— Собственно говоря, — ответила она, — это мог быть кто угодно.

— Он никого не назвал по имени?

— Он произнес имя Джулиан, верней, я подумала, что он произнес это имя, пожалуй, это могла быть какая-то Джулия. Однако, насколько я знаю, у нас в Чиппинг-Клеорне вовсе нет никакой Джулии.

Она прищурила глаза, стараясь воскресить в памяти все, что произошло в тот день. Человека,

лежащего на ступенях алтаря, свет, льющийся через витраж из красных и синих стеклышек, которые солнце делало похожими на ювелирные украшения из драгоценных камней.

— Ювелирные... — задумчиво произнесла мисс Марпл.

— А теперь, — продолжила Банч, — я подхожу к самому важному. К тому, из-за чего я сегодня на самом деле и приехала. Понимаешь, Экклзы разыграли целый спектакль, желая заполучить пиджак. Мы сняли его, когда доктор осматривал раненого. То был, наверное, самый старый и поношенный из всех пиджаков — зачем он им понадобился, непонятно. Они притворились, что все дело в сентиментальных воспоминаниях, да это все чепуха. Но все равно я пошла его искать и, когда поднималась по лестнице, вспомнила, как раненый все время схватывал что-то рукой, как будто что-то нащупывал в пиджаке. Так что когда я взяла пиджак в руки, то осмотрела его очень внимательно и увидела, что в одном месте подкладка пришита заново и другими нитками. Поэтому я ее слегка оторвала и нашла под ней кусочек бумаги. Я ее вынула и снова аккуратно пришила подкладку подходящей по цвету ниткой. Я была очень осторожна и не думаю, чтобы

Экклзы догадались, что я это сделала. Мне так *кажется*, но я не могу быть вполне уверена. Потом я спустилась вниз, отдала им пиджак и придумала кое-что, чтобы объяснить, почему задержалась.

— Кусочек бумаги? — переспросила мисс Марпл.

Банч открыла сумочку.

— Я не стала показывать его Джулиану, — объяснила она, — потому что он бы сказал, что его следует отдать Экклзам. Но я подумала, что лучше привезти его тебе.

— Багажная квитанция, — определила мисс Марпл, внимательно ее разглядывая. — Лондонский вокзал Паддингтон.

— А в кармане у него лежал обратный билет до Паддингтона, — добавила Банч.

И обе женщины посмотрели друг другу в глаза.

— Это взывает к действию, — решительно заявила мисс Марпл. — Но, думается, следует соблюдать осторожность. А не заметила ли ты, милочка, не шел ли кто за тобой следом, когда ты сегодня приехала в Лондон?

— Следом! — воскликнула Банч. — Неужели ты думаешь...

— Знаешь ли, я думаю, это вполне *возможно*, — проговорила мисс Марпл. — А когда что-то

возможно, то, мне кажется, следует принять меры предосторожности. — Она резко встала. — Дорогая, ты приехала сюда под предлогом, что тебе нужно сходить на распродажу. Поэтому я считаю, что самым правильным для нас будет *пойти* на распродажу, но, прежде чем нам туда отправиться, возможно, следует кое-что сделать. Полагаю, — добавила мисс Марпл таинственно, — что мне в ближайшее время не понадобится старый костюм из крапчатого твида с бобровым воротником.

Примерно полтора часа спустя две дамы, одетые далеко не лучшим образом и выглядящие довольно потрепанно, со свертками белья под мышками, добытого в нелегкой борьбе, присели в маленьком уединенном кафе под названием «Яблоневая ветвь», чтобы подкрепиться стейком и фасолевым пудингом, за которым последовали яблочный пирог и заварной крем.

— Полотенца для лица настоящего довоенного качества, — с восторгом произнесла мисс Марпл, учащенно дыша. — И, кстати, на них буква «Дж». Как повезло, что у Реймонда жену зовут Джоанна. Я отложу их и не буду пользоваться, пока нет особой нужды, и тогда они ей пригодятся, если я преставлюсь раньше, чем ожидаю.

— Мне в самом деле нужны салфетки, — сказала Банч. — И мне достались по-настоящему дешевые, хоть и не такие, как те, что ухватила передо мной та рыжая тетка.

В этот момент в «Яблоневую ветвь» вошла молодая дама, шикарно одетая и впечатляющая обилием румян и губной помады. Она обвела помещение рассеянным взглядом и спустя секунду-другую подошла торопливым шагом к их столику. Положив у локтя мисс Марпл какой-то конверт, она обратилась к ней:

— Возьмите, мисс, — сказала дама отрывисто.

— Спасибо Глэдис, — ответила мисс Марпл. — Большое спасибо. Вы очень любезны.

— Всегда рада сделать вам одолжение, — проговорила Глэдис. — Эрни постоянно говорит: «Всему хорошему ты научилась у этой твоей мисс Марпл, когда была у нее в услужении». И можете быть уверены, что я всегда готова угодить вам, мисс.

— Какая милая девочка, — отметила мисс Марпл, как только Глэдис вышла. — Такая добрая и всегда готова прийти на помощь.

Она заглянула в конверт и затем передала его собеседнице.

— А теперь, дорогая, тебе следует быть как можно более осторожной, — напомнила она. —

Между прочим, как ты думаешь, в мелчестерском полицейском участке все еще служит тот милый юный инспектор, с которым мне доводилось иметь дело?

— Не знаю, — ответила Банч. — Наверное.

— Ну а если нет, — проговорила мисс Марпл задумчиво, — я всегда могу позвонить главному констеблю. Уж он-то, *думаю,* меня помнит.

— Конечно, помнит, — согласилась Банч. — Попробовал бы кто не запомнить. Другой такой нет. — Она встала.

Приехав на вокзал Паддингтон, Банч прошла в багажное отделение и протянула квитанцию. Спустя пару секунд ей был вручен довольно потертый старый чемодан, и с ним она проследовала на перрон.

Поездка домой прошла без происшествий. Когда поезд подошел к Чиппинг-Клеорну, Банч встала и подняла чемодан. Но едва она вышла из вагона, как подбежавший мужчина внезапно выхватил чемодан и бросился прочь по платформе.

— Стой! — закричала Банч. — Остановите его, остановите. Он взял мой чемодан.

Контролер, проверявший билеты при входе на перрон на этой захолустной станции, был настоящий тугодум, и едва он промямлил: «Эй

вы, послушайте, так нельзя...» — как роскошный удар в грудь откинул его в сторону, и мужчина с чемоданом выбежал со станции. Неподалеку его ждала машина. Засунув в нее чемодан, он уже собирался последовать за ним, но, прежде чем ему удалось это сделать, на его плечо легла рука стража закона, и голос полицейского констебля Абеля произнес:

— Ну, в чем дело?

Тут, запыхавшись, прибежала со станции Банч.

— Он выхватил мой чемодан. Я с ним только что сошла с поезда.

— Ерунда, — ответил мужчина. — Не понимаю, что имеет в виду эта леди. Это мой чемодан. Это я только что сошел с ним с поезда.

Он непонимающе посмотрел на нее, словно искал справедливости. Никто бы не догадался, что полицейский констебль Абель любил поболтать с миссис Хармон в нерабочее время, обсуждая достоинства и недостатки применения навоза и костной муки для выращивания роз.

— Так вы говорите, мадам, что это ваш чемодан? — задал вопрос полицейский констебль Абель.

— Да, — отвечала Банч. — Именно так.

— А вы, сэр?

— А я говорю, чемодан мой.

Мужчина был высок, темноволос и хорошо одет, у него был певучий голос и прекрасные манеры. Из машины раздался женский голос:

— Конечно, это твой чемодан, Эдвин. Я тоже не понимаю, что нужно этой женщине.

— Придется выяснить, — вмешался полицейский констебль Абель. — Если это ваш чемодан, мадам, что, по-вашему, в нем лежит?

— Одежда, — сообщила Банч. — Длинный крапчатый пиджак с бобровым воротником, два шерстяных джемпера и пара туфель.

— Ну что же, все понятно. — И констебль повернулся к темноволосому мужчине.

— Я костюмер, работаю в театре, — объяснил тот с важным видом. — В этом чемодане находится театральный реквизит, который я привез из Лондона для любительского спектакля.

— Прекрасно, сэр, — сказал полицейский констебль Абель. — Ну а теперь не заглянуть ли нам внутрь, чтобы выяснить, что же там находится? Можно пройти в полицейский участок, но если вы спешите, то отнесем чемодан обратно на станцию и откроем там.

— Годится, — согласился темноволосый. —

Между прочим, меня зовут Мосс, Эдвин Мосс.

Констебль взял чемодан, и они пошли на станцию.

— Мы только пройдем в посылочное отделение, Джордж, — сказал он контролеру.

Полицейский констебль Абель положил чемодан на прилавок посылочного отделения и открыл замок. Чемодан не был заперт. Банч и мистер Эдвин Мосс стояли по обе стороны от него и обменивались неприязненными взглядами.

— Ага! — произнес полицейский констебль Абель, открывая крышку чемодана.

Внутри его, аккуратно сложенные, лежали длинный, довольно поношенный твидовый пиджак с бобровым воротником, а также два шерстяных джемпера и пара прогулочных туфель.

— Все в точности, как вы сказали, мадам, — отметил полицейский констебль Абель, поворачиваясь к миссис Хармон.

Никто не посмел бы назвать мистера Эдвина Мосса бесчувственным человеком. Его испуг и раскаяние не знали предела.

— Я страшно извиняюсь, — начал он. — Правда, ужасно извиняюсь. Умоляю поверить мне, дорогая леди, когда я говорю вам, как сильно, сильно я сожалею. Мое поведение было непростительным,

совершенно непростительным... — Он посмотрел на свои часы. — Я крайне спешу. Возможно, мой чемодан уехал вместе с поездом, — еще раз приподняв шляпу, проговорил он медоточивым голосом, обращаясь к Банч: — Пожалуйста, пожалуйста извините меня. — И спешно бросился вон из посылочного отделения.

— И вы позволите ему уйти? — спросила Банч полицейского констебля Абеля заговорщическим шепотом.

Тот медленно и бесстрастно прикрыл один глаз, словно подмигивая.

— Он не уйдет далеко, мэм. Вернее сказать, он не уйдет далеко без должного наблюдения, если вы понимаете, на что я намекаю.

— О, — облегченно вздохнула Банч.

— Та пожилая леди звонила по телефону, — поведал полицейский констебль Абель, — Та самая, что приезжала из Лондона несколько лет назад. Умнющая, правда? Однако ну и заваруха была сегодня. Не удивлюсь, если завтра утром инспектор или сержант наведаются к вам насчет всего этого.

III

Явился не кто иной, как сам инспектор Крэддок, о котором вспоминала мисс Марпл. Он приветствовал миссис Хармон улыбкой старого друга.

— Опять преступление в Чиппинг-Клеорне! — воскликнул он жизнерадостно. — У вас тут нет недостатка в сенсациях, не так ли, мисс Хармон?

— Я бы могла без них обойтись, — проговорила Банч. — Вы пришли задать мне какие-то вопросы или для разнообразия желаете рассказать что-нибудь сами?

— Сперва кое-что расскажу, — пообещал инспектор. — Начну с того, что на мистера и миссис Экклз с некоторых пор уже обратили внимание. Есть основание полагать, что они связаны с несколькими грабежами в Западной Европе. Во-вторых, хотя мистер Экклз действительно *имеет* брата по фамилии Сэндборн, который недавно вернулся из-за границы, тот человек, которого вчера вы нашли умирающим в церкви, был определенно не Сэндборн.

— Я знала, что это так, — ответила Банч. — Начать с того, что его звали Волтер, а не Вильям.

Инспектор кивнул.

— Его звали Волтер Сент-Джон, и сорок во-

семь часов назад он сбежал из Чаррингтонской тюрьмы.

— Ну разумеется, — прошептала себе под нос Банч. — Его преследовала рука закона, и он искал убежища в святом месте. — Затем она обратилась с вопросом: — Так что же он сделал?

— Мне придется начать довольно издалека. Это запутанная история. Несколько лет назад некая танцовщица совершала турне, выступая в различных мюзик-холлах. Не думаю, чтобы вы когда-либо о ней слышали, но она специализировалась на некоем сюжете из «Сказок тысяча и одной ночи» под названием «Аладдин в пещере сокровищ». При этом на ней были украшения из фальшивых бриллиантов и больше почти ничего. То была, пожалуй, не бог весть какая танцовщица, но зато она была, как бы это сказать... привлекательна. Так или иначе, некий азиатский принц воспылал к ней очень большой симпатией. Среди всего, что он ей подарил, было великолепное изумрудное ожерелье.

— Те самые знаменитые драгоценные камни раджи? — произнесла Банч восторженно.

Инспектор Крэддок кашлянул.

— Ну, несколько осовремененная версия, миссис Хармон. Их связь длилась не очень долго и

оборвалась, когда вниманием нашего принца завладела некая кинозвезда, чьи запросы оказались уже не столь скромными. Зобейда — под этим именем наша танцовщица выступала на сцене — души не чаяла в своем ожерелье, постоянно его носила, и в конце концов его украли. Оно исчезло из ее театральной гримерной, и мы долго подозревали, что, может быть, она сама организовала его исчезновение. Такое иногда проделывали, чтобы привлечь к себе внимание или даже по мотивам еще более бесчестным. Ожерелье так и не нашли, но во время расследования внимание полиции привлек этот самый Волтер Сент-Джон. Он был человек образованный и получил хорошее воспитание, но затем разочаровался в жизни, опустился и стал работать на ювелирную фирму с довольно сомнительной репутацией, которую подозревали в том, что она служит ширмой для продажи краденых драгоценностей. Были основания полагать, что ожерелье прошло через его руки. В конце концов, он предстал перед судом, был осужден и попал в тюрьму, правда, совсем по другому делу, связанному с кражей других ювелирных изделий. Ему оставалось отсидеть совсем немного, так что его побег оказался для всех довольно неожиданным.

— Но почему он приехал сюда? — спросила Банч.

— Нам бы самим очень хотелось это знать, миссис Хармон. Его злоключения, по-видимому, начались с того, что он сперва поехал в Лондон. Он не навестил никого из своих старых знакомых, но побывал у одной старушки по имени миссис Джейкобс, которая раньше работала театральной костюмершей. Та не сказала ни слова о том, зачем он к ней приезжал, но, согласно показаниям соседей, он ушел от нее с чемоданом.

— Понятно, — догадалась Банч, — он оставил его в камере хранения на вокзале Паддингтон, а затем приехал сюда.

— К тому времени, — продолжил инспектор Крэддок, — Экклз и его сообщник, называвший себя Эдвин Мосс, уже шли по его следу. Им хотелось заполучить тот чемодан. Они видели, как он садился в автобус. Должно быть, они обогнали его на автомобиле и следили, где и когда он сойдет.

— А потом убили? — спросила Банч.

— Именно, — ответил Крэддок. — Стреляли в него. Револьвер принадлежал Экклзу, но я склонен полагать, что стрелял Мосс. А теперь, миссис Хармон, нам очень хотелось бы знать, где находится тот самый чемодан, который Волтер

Сент-Джон на самом деле оставил на Паддингтонском вокзале?

Банч улыбнулась.

— Скорее всего, тетушка Джейн уже его получила, — проговорила она, — Я хочу сказать — мисс Марпл. Это был ее план. Она послала свою бывшую служанку с чемоданом, куда положила свои вещи, в багажное отделение на вокзале, и мы поменялись квитанциями. Я забрала ее чемодан и поехала с ним на поезде. Она явно ожидала, что его у меня попытаются отобрать.

Теперь настал черед инспектора Крэддока улыбнуться.

— Так она и сказала, когда позвонила. Я еду в Лондон, чтобы встретиться с ней. Кстати, хотите поехать со мной, миссис Хармон?

— Ну-у... — протянула Банч раздумывая, — ну-у... собственно говоря, это очень кстати. Прошлым вечером у меня болел зуб, так что мне действительно нужно съездить в Лондон и посетить моего зубного врача, правда?

— Определенно, — заверил ее инспектор Крэддок.

Мисс Марпл перевела взгляд с лица инспектора Крэддока на порозовевшее от волнения лицо миссис Хармон. Чемодан лежал на столе.

— Конечно, я не открывала его, — заверила пожилая леди. — Я не осмелилась и помыслить об этом до прибытия официального лица. Кроме того, — добавила она с притворно застенчивой и одновременно озорной улыбкой, которая так часто украшала юных девиц во времена королевы Виктории, — он заперт.

— Хотите попробовать угадать, что там внутри, мисс Марпл? — осведомился инспектор.

— Я бы, пожалуй, предположила, — проговорила мисс Марпл, — что здесь окажутся театральные костюмы Зобейды. Дать вам долото, инспектор?

Долото действительно пригодилось. Едва чемодан приоткрылся, как обе дамы тихонько вздохнули от изумления. Льющийся из окна солнечный свет осветил то, что показалось им неимоверным сокровищем, — целую груду искрящихся драгоценных камней, красных, голубых, зеленых, оранжевых.

— Пещера Аладдина, — выдохнула мисс Марпл. — Блестящие камушки, в которых девочка так любила танцевать.

— Да, — проговорил инспектор Крэддок. — Но, как вы думаете, чего в них настолько привлекательного, что потребовалось убить человека, чтобы их заполучить?

— Полагаю, она была умной девушкой, — проговорила мисс Марпл задумчиво. — Кажется, инспектор, она умерла?

— Да, три года назад.

— И она обладала таким замечательным изумрудным ожерельем, — сказала мисс Марпл, продолжая размышлять. — Наша танцовщица вынула камни из оправы и прикрепила их то здесь, то там на свой театральный костюм, где их можно было принять за цветные стекляшки. Затем она сделала дубликаты, вот их-то и украли. Неудивительно, что ожерелье никто не пытался продать. Вор вскорости обнаружил, что камни поддельные.

— Здесь лежит конверт, — сообщила Банч, отодвигая в сторону часть блестящих стразов.

Инспектор Крэддок взял письмо из ее рук и вынул два листка, похожих на документы.

— «Свидетельство о браке между Волтером Эдмундом Сент-Джоном и Мэри Мосс», — прочел он вслух. — Это было настоящее имя Зобейды.

— Так, значит, они поженились, — проговорила мисс Марпл. — Понятно.

— А что там еще? — спросила Банч.

— Свидетельство о рождении их дочери Джу-

эл[4].

— Джуэл? — воскликнула Банч. — Ну конечно, Джуэл! Крошка Джилл! Вот оно что. Теперь понятно, зачем он приехал в Чиппинг-Клеорн. *Вот что он пытался мне сказать.* Джуэл. Ведь вы знаете семью Мунди. Они живут на вилле Лабурнум, присматривают за чьей-то девчушкой. Очень привязаны к ней. Она им как внучка. Конечно, теперь я вспомнила, ее *действительно* звали Джуэл, да только теперь они и все остальные зовут ее только Джилл. С миссис Мунди с неделю назад случился удар, а старик очень болен, у него воспаление легких. Они оба собирались ложиться в больницу. Мне пришлось немало похлопотать, чтобы найти для Джилл хорошую семью, где она смогла бы пожить. Я не хотела, чтобы ее забрали в приют. Наверно, ее отец узнал об этом в тюрьме и потому сбежал, а затем ему удалось получить чемодан у старой костюмерши, у которой его оставил он или его жена. Думаю, если драгоценные камни действительно принадлежали ее матери, то теперь их можно использовать, чтобы устроить судьбу девочки.

— Почему бы и нет, миссис Хармон. *Если толь-*

---

[4] notes: 4

Д ж у э л (Jewel) — драгоценный камень, ювелирное изделие *(англ.).*

ко они действительно здесь.

— А где же им еще быть! — весело воскликнула мисс Марпл.

IV

— Слава богу, ты наконец вернулась, — облегченно вздохнул преподобный Джулиан Хармон, приветствуя милую и ненаглядную женушку. — Миссис Берт, когда тебя нет, старается как может, однако на ланч она мне подала ну *очень* уж необычные пирожки с рыбой. Я не хотел ее огорчать, но даже Тиглатпаласар не мог их есть, так что пришлось выбросить их в окно.

— Тиглатпаласар, — проговорила Банч, поглаживая кота, вскочившего ей на колени и замурлыкавшего, — ну очень уж разборчив по части рыбы. И я частенько ему говорю, что нельзя быть таким привередой!

— А как твой зуб, дорогая? С ним все в порядке?

— Да, он почти не болел, и я опять навестила тетушку Джейн...

— Прелестная старушка, — перебил ее муж. — Кажется, за последнее время она совершенно не постарела.

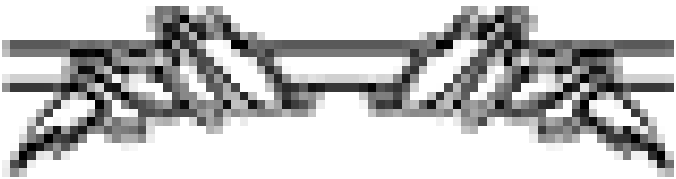
— Ни чуточки, — улыбнулась Банч.

На следующее утро Банч принесла в церковь новую охапку хризантем. Солнечный свет опять проникал туда через восточное окно, и Банч опять стояла на ступенях алтарного возвышения в его лучиках — разноцветных, как огоньки на усеянных камнями ювелирных украшениях. И она проговорила едва слышным голосом:

— С твоей дочуркой все будет хорошо. *Я позабочусь об этом.* Обещаю.

Затем, прибравшись в церкви, она прошла на свое обычное место и, преклонив колени, помолилась немного, прежде чем отправиться домой расхлебывать последствия двухдневного пренебрежения обязанностями хозяйки.

ПРИЧУДА ГРИНШО
Greenshaw's Folly



I

Они обогнули обсаженную кустарником аллею.

— Ну, вот мы и пришли. Думаю, это как раз то, что тебе нужно, — сказал Реймонд Вест.

От восторга у Хораса Биндлера даже дух перехватило.

— Господи! — вскричал он. — Глазам своим не верю! — Его голос упал до благоговейного шепота: — Нет, это что-то неслыханное. Настоящее чудо. Лучший образец эпохи.

— Я знал, что тебе понравится, — с удовлетворением заметил Реймонд Вест.

— Понравится?! Да это... это... — Так и не найдя слов, Хорас деловито расстегнул ремешок фотоаппарата и немедля приступил к съемке.

— Это будет жемчужиной моей коллекции! — восторженно объяснял он. — Ты даже не представляешь, как увлекательно собирать подобные несуразности. Придумал лет семь назад... В ванне, как сейчас помню. Последний шедевр я обнаружил в Генуе, в Кампо-Санто, но он и в подметки не годится этому монстру! Как он, кстати, называется?

— Понятия не имею, — пожал плечами Реймонд.

— Но должно же у него быть какое-то название?

— Ну... Местные жители окрестили его «Причудой Гриншо».

— Гриншо — это тот, кто его построил?

— Ага. То ли в шестидесятых, то ли в семидесятых годах прошлого века. Такой местный герой...

Вырвался из нищеты и сколотил сказочное богатство. В одном только мнения расходятся — с чего это ему вздумалось вдруг выстроить такую штуку. Одни говорят, он уже просто не знал, куда девать деньги, другие — что хотел произвести впечатление на кредиторов. Если верно второе, то номер не удался, потому что кончил он полным банкротом или чем-то вроде этого. Отсюда и название.

Щелкнул затвор фотоаппарата.

— Порядок, — удовлетворенно произнес Хорас. — Кстати, напомни мне как-нибудь показать тебе триста десятый номер своей коллекции. Совершенно невероятная каминная доска итальянской работы... Черт возьми! Интересно все-таки, о чем он думал, сооружая это страшилище?

— Ну это-то можно себе представить, — сказал Реймонд. — Он посещал замки Луары. Видишь вон те башенки? Потом, видимо, попал под обаяние Востока. Вот тут, несомненно, влияние Тадж-Махала. А вот флигель явно в мавританском стиле. И конечно же традиции венецианской дворцовой архитектуры. Мне все это даже очень импонирует.

— Интересно, где он разыскал архитектора, который взялся воплотить все это в реальность?

Реймонд пожал плечами.

— Думаю, как раз с этим проблем не было. Архитектор обеспечил себя на всю жизнь, а Гриншо, наоборот, разорился.

— А можно посмотреть на дом с другой стороны? Или там уже частные владения? — поинтересовался Хорас.

— Вообще-то мы уже в частных владениях, — ответил Реймонд, — но это не важно.

— А что теперь здесь? Приют для сирот? Пансион? Готов поспорить, что не школа: слишком уж тихо, да и спортплощадок нет.

— Ты не поверишь... Здесь все еще живут Гриншо! Каким-то чудом им удалось сохранить дом. Сначала его унаследовал сын — редкостный, кстати сказать, был скряга. Всю жизнь провел в дальней комнате, исхитрившись не потратить ни пенни. Возможно, впрочем, у него их и не было. Теперь здесь хозяйничает его дочь. Довольно эксцентричная пожилая особа.

Рассказывая все это, Реймонд мысленно поздравлял себя с тем, что догадался показать гостю «Причуду Гриншо». Ох уж эти литературные критики! Ну зачем, спрашивается, делать вид, что прямо-таки мечтаешь провести выходные в сельской местности, если начинаешь скучать, не

успев туда добраться? Реймонду позарез нужно было дотянуть до завтра, когда должны прийти воскресные газеты. Как удачно, что он догадался показать ему эту штуку! «Причуда Гриншо» обогатит его знаменитую коллекцию.

Обогнув угол дома, они вышли к запущенному газону, по краю которого располагались несколько поросших цветами альпийских горок. Завидев склонившуюся над ними женскую фигуру, Хорас в полном восторге дернул Реймонда за рукав.

— Бог мой! — вскричал он. — Ты только взгляни на ее платье! Набивной ситец! А рисунок? Эти цветочки... Неподражаемо! В таких раньше горничные ходили. О, незабвенные времена! Детство, деревня... Открываешь утром глаза, а над тобой стоит горничная в ситцевом платье и чепчике, и все это так накрахмалено, что хрустит при каждом движении! Ты хоть представляешь себе, что такое чепчик? Я, например, как сейчас помню: муслиновый[5] такой, с лентами... Хотя нет, ленты, кажется, были у другой, которая прислуживала за столом. Ну да не важно... В общем, это была самая настоящая горничная, и она держала в руках огромный медный таз с горячей

---

[5] notes: 5
М у с л и н — легкая шелковая ткань.

водой. Знаешь, дружище, я уже почти не жалею, что согласился приехать.

В эту минуту женщина выпрямилась и обернулась к ним. В руке она держала маленькую садовую лопатку. Ее внешность производила странное впечатление. Седые волосы неряшливыми жидкими прядями падали на плечи, на голове красовалась нелепая соломенная шляпа — в Италии такие обычно надевают лошадям, — пестрое платье доходило почти до щиколоток, а с обветренного и не слишком чисто умытого лица оценивающе смотрели удивительно проницательные глаза.

— Простите нас за вторжение, мисс Гриншо, — начал, приближаясь к ней, Реймонд Вест. — Надеюсь, вы простите нас, узнав, что мой гость, мистер Хорас Биндлер (тот снял шляпу и поклонился), всерьез увлекается историей и... э... памятниками архитектуры.

Реймонд Вест произнес это с той непринужденностью, которая сразу отличает модного писателя от простого смертного.

Мисс Гриншо оглянулась на громоздящееся за ее спиной фантастическое сооружение.

— Да, — просто согласилась она, — у нас действительно очень красивый дом. Дедушка построил

его, когда меня еще и на свете не было. Говорят, ему хотелось поразить местных жителей.

— Уверен, мадам, это ему удалось, — учтиво сказал Хорас Биндлер.

— Мистер Биндлер известный литературный критик, — счел нужным сообщить Реймонд.

На мисс Гриншо это не произвело ни малейшего впечатления. Она спокойно продолжала:

— Для меня этот дом — воплощение дедушкиной мечты. Люди недалекие частенько советуют мне продать его и переехать в современную квартиру. *Но что мне там делать?* Это мой дом, и я здесь живу. Всегда жила.

Мисс Гриншо задумчиво продолжала:

— Нас, сестер, трое было. Лора вышла замуж за помощника приходского священника. Папа не дал им ни пенса. Сказал, духовному лицу деньги ни к чему. Лора умерла родами. Ребенок тоже... Нетти сбежала с учителем верховой езды. Папа, конечно, тоже лишил ее наследства. Красивый был парень, этот Гарри Флетчер, но что толку? Не думаю, чтобы Нетти была с ним счастлива. Теперь и она умерла... Остался ее сын. Иногда он мне пишет, да только какой из него Гриншо? *Я последняя в нашем роду.*

Она гордо расправила плечи и поправила свою

нелепую шляпу. Потом, неожиданно обернувшись, резко спросила:

— Да, миссис Крессвелл, в чем дело?

Появившаяся из дома женщина была полной противоположностью мисс Гриншо. Ее пышные волосы пепельного цвета были тщательно подкрашены, завиты и уложены. Так, должно быть, прихорашивались в старину маркизы, отправляясь на костюмированный бал. У нее так же был прекрасно развитый бюст, а голос, когда она заговорила, оказался неожиданно глубоким, и дикция была прекрасная, и лишь едва заметные паузы перед наиболее труднопроизносимыми словами выдавали, что в детстве она картавила. На ней было темное вечернее платье — слишком блестящее, чтобы оказаться настоящим шелком.

— Рыба, мадам, — коротко сказала она. — Я имею в виду треску. Ее так и не доставили. Я просила Альфреда, но он отказался.

Мисс Гриншо фыркнула.

— Отказался?

— Да, мадам. И в крайне нелюбезных выражениях.

Мисс Гриншо поднесла ко рту два испачканных в земле пальца и оглушительно свистнула, умудрившись при этом еще и крикнуть:

— Альфред! Альфред, поди сюда!

Из-за угла дома на зов появился молодой человек с красивым дерзким лицом. В руке он держал лопату. Он приблизился и наградил миссис Крессвелл взглядом, который никак нельзя было назвать дружелюбным.

— Звали меня, мисс?

— Да, Альфред. Я слышала, ты не хочешь идти за рыбой. В чем дело?

— Кто сказал, не хочу? Схожу, коли надо, — мрачно отозвался молодой человек. — Вам стоит только приказать.

— Да, пожалуйста, Альфред. Мне нужна к ужину рыба.

— Хорошо, мисс. Иду.

Уходя, он еще раз вызывающе глянул на миссис Крессвелл. Та вспыхнула и тихо пробормотала:

— Нет, это решительно невыносимо!

— Знаете, о чем я подумала? — повернулась к ней мисс Гриншо. — Эти господа — как раз то, что нам нужно.

Миссис Крессвелл удивленно на нее воззрилась.

— Простите, мадам, я не совсем...

— Для дела, о котором мы говорили, — пояснила мисс Гриншо и, повернувшись к Реймонду

Весту, осведомилась: — Я ведь не ошибаюсь? Лицо, в пользу которого составлено завещание, действительно не имеет права быть свидетелем?

— Нет, — согласился тот, — не ошибаетесь.

— Я так и знала, — кивнула мисс Гриншо. — Уж настолько-то я в законах разбираюсь.

Она бросила лопатку в корзину для сорняков.

— Вы, оба, кажетесь мне заслуживающими доверия. Не отка́житесь подняться со мной в библиотеку?

— С удовольствием, — галантно согласился Хорас.

Они прошли в просторную гостиную, когда-то выдержанную в желто-золотых тонах. Теперь парча драпировки совсем выцвела, а мебель покрыл толстый слой пыли. Пройдя через большой, тускло освещенный холл, они поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в одну из комнат.

— Дедушкина библиотека, — объявила мисс Гриншо.

Хорас с нескрываемым любопытством огляделся. Комната была полна диковин. Повсюду, в самых неожиданных местах, красовались головы сфинксов; один из углов полностью занимала огромная бронзовая скульптура, изображающая, по-видимому, Поля и Виржини; у стены

громоздились колоссальные бронзовые часы с украшениями в классическом стиле. Едва их увидев, Хорас поклялся себе, что сфотографирует их, чего бы это ему ни стоило.

— У нас здесь собрано очень много книг, — заметила мисс Гриншо.

Реймонд небрежно пробежался взглядом по корешкам и не нашел ни одной сколько-нибудь интересной. Непохоже было, чтобы их вообще кто-нибудь когда-то читал. Это были великолепно переплетенные тома классической литературы, изданные лет девяносто назад и с тех пор пылящиеся в библиотеке каждого желающего считать себя начитанным джентльменом. На полках виднелась и более легкомысленная литература — тоже конца прошлого века, — но и эти книги вряд ли когда-нибудь кто открывал.

Мисс Гриншо подошла к массивному письменному столу и, покопавшись в его недрах, извлекла оттуда сложенный лист пергамента.

— Мое завещание, — объявила она. — Надо же кому-то оставить свои деньги. Так уж принято. Очень бы не хотелось, чтобы они достались сыну барышника. Гарри Флетчер был привлекательный мужчина, но и мерзавец тоже порядочный. Уверена, его сынок не многим лучше. Нет, нет,

— продолжала она, как будто кто-то пытался ей возразить, — я уже приняла решение. Я оставлю все Крессвелл.

— Вашей экономке?

— Да. Я ей все уже объяснила. Я прекращаю платить ей жалованье, но зато она становится наследницей всего моего имущества. Меня это в значительной мере избавит от текущих расходов, а ее заставит вести себя более подобающе... Во всяком случае, не хамить и не пытаться, чуть что, уволиться. Вы, я думаю, уже заметили, что она весьма высокого о себе мнения. Учитывая, что ее отец был водопроводчиком, *нечего ей нос задирать.*

Она развернула пергамент, взяла ручку и, обмакнув ее в чернила, вывела свою подпись:

«Катрин Дороти Гриншо».

— Вот так, — удовлетворенно выговорила она. — При свидетелях. Теперь распишитесь вы, и документ обретет законную силу.

Она передала ручку Реймонду Весту. Тот немного замялся, почувствовав вдруг странное нежелание делать то, о чем его просили, но затем взял ручку и стремительно вывел свою подпись, прекрасно известную каждому его поклоннику.

Утренняя почта ежедневно приносила ему до полудюжины писем с просьбой осчастливить их авторов подобным росчерком.

Хорас взял у него ручку, и, в свою очередь, расписался.

— Дело сделано, — сказала мисс Гриншо.

Она направилась к полкам и в нерешительности застыла, обводя взглядом ряды книжных корешков. Потом, открыв застекленную дверцу, решительно вынула какую-то книгу и вложила в нее сложенный пергамент.

— Я знаю, где нужно хранить такие вещи, — сказала она.

– *«Тайна леди Одли»*, — пробормотал Реймонд Вест, успевший заметить название, пока хозяйка ставила книгу на место.

Мисс Гриншо снова фыркнула.

— В свое время это был бестселлер. Не такой, конечно, как ваши...

Она дружески ткнула Реймонда в бок. Оказывается, она знает, что он пишет книги. Правда, бестселлерами его труды еще никто не называл. Даже теперь, когда с возрастом его взгляды на жизнь несколько смягчились, он писал исключительно о мрачных сторонах нашей действительности.

— Скажите, пожалуйста, — вмешался Хорас,

сгорая от нетерпения, — а можно сфотографировать вон те часы?

— Да ради бога! — отозвалась хозяйка. — По-моему, их привезли с парижской выставки.

— Вполне возможно, — согласился Хорас, щелкая затвором.

— После смерти дедушки сюда мало кто заходил, — сказала мисс Гриншо. — Вот в этом столе полно его дневников. Думаю, там нашлось бы немало интересного. Только вот прочесть не могу: зрение... А так хотелось бы их опубликовать! Но ведь для этого, вероятно, их нужно как-нибудь обработать?

— Так наймите кого-нибудь, — посоветовал Реймонд.

— В самом деле? Хорошая мысль. Надо подумать.

Реймонд взглянул на часы.

— Ну, не будем злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Рада была знакомству, — благосклонно отозвалась хозяйка. — А то я сперва приняла вас за полицейских.

— Почему это? — спросил ее Хорас, никогда не отличавшийся особым тактом.

— Не знаешь, сколько времени, спроси у поли-

цейского, — пропела она игриво, толкнула его в бок и расхохоталась.

— Отличный выдался день, — вздохнул Хорас, когда они возвращались. — Ну и домик! Вот только мертвого тела в библиотеке не хватает. Знаешь, в старинных романах каждое сколько-нибудь приличное убийство обязательно происходило именно в такой вот библиотеке.

— Это не ко мне, дружище. Об убийствах надо беседовать с моей тетей.

— Тетей? Ты про мисс Марпл? — недоуменно переспросил Хорас.

Обаятельная старушка, которой он был представлен накануне, казалась абсолютно несовместимой с каким бы то ни было насилием.

— Ну да, — подтвердил Реймонд, — убийства ее конек.

— Ты меня просто заинтриговал, дружище. В самом деле?

— Именно. В криминалистике есть три категории людей: во-первых, собственно убиенные... Во вторую категорию входят те, кто обеспечивает первую, а в третью те, кто изобличает вторую. Тетя Джейн относится к третьей.

— Шутишь!

— Ни в коем случае. И это в один голос под-

твердят тебе отставной комиссар Скотленд-Ярда, несколько старших констеблей и парочка инспекторов лондонской уголовной полиции.

— Однако у вас тут скучать не приходится, — заметил Хорас.

За чаем, на котором присутствовали жена Реймонда Джоан Вест, ее племянница Луиза Оксли и старая мисс Марпл, приятели упомянули о своих дневных приключениях, подробно повторив все, что им рассказала мисс Гриншо.

— Лично у меня остался *неприятный* осадок, — закончил Хорас. — И эта женщина: не то маркиза, не то экономка... Теперь, когда она знает, что хозяйка завещала ей все свое состояние, с нее, по-моему, станется подсыпать ей в чай мышьяку.

— А вот мы спросим у тети! — воскликнул Реймонд. — Тетя Джейн, так подсыплет или нет? *Как вы думаете?*

— Я думаю, — сурово отвечала мисс Марпл, — что не следует иронизировать по поводу мышьяка. *Его слишком легко купить.* Впрочем, поскольку его используют для уничтожения сорняков, он скорее всего и так уже лежит где-нибудь в сарае.

— Ну, тетушка, — воскликнула Джоан, — это же слишком просто.

— Завещание-то она составила, — вмешался Реймонд, — только сильно сомневаюсь, что кроме этого уродливого дома, на который никто и не позарится, там значится что-то еще.

— Почему это не позарится? — возразил Хорас. — Для какой-нибудь кинокомпании или отеля это просто находка.

— Все равно они много за него не дадут, — не сдавался Реймонд.

Мисс Марпл покачала головой.

— Боюсь, Реймонд, насчет денег ты как раз ошибаешься. Гриншо — тот, безусловно, был из тех, кому «легко досталось, легко ушло». И похоже, он действительно спустил все до пенни, оставив сыну лишь дом. Но сынок-то его был из совершенно иного теста. Знаешь, когда человек всю жизнь экономит каждый пенни, он так или иначе что-нибудь да скопит. Ну, а раз мисс Гриншо пошла в отца, подозреваю, что деньги у нее есть, и немалые.

— Ты слышишь, Луиза? — повернулась Джоан к племяннице. — Это как раз для тебя.

Луиза, недавно, по ее собственному выражению, «разбежавшаяся» с мужем и оставшаяся теперь с двумя детьми на руках при весьма ограниченных доходах, вопросительно подняла

брови.

— Я имею в виду, — пояснила Джоан, — что, если мисс Гриншо действительно хочет издать дневники и ей нужно подготовить их к публикации...

— А ведь это мысль, — одобрил Реймонд.

Луиза наконец поняла.

— Это бы мне подошло, — тихо согласилась она. — Мне кажется, я бы сумела.

— Так я ей напишу, — предложил Реймонд.

Мисс Марпл явно думала о чем-то своем.

— Хотела бы я знать, — задумчиво проговорила она, — что миссис Гриншо имела в виду, сказав о полицейском?

— Думаю, она просто пошутила.

— Это напоминает мне... — Мисс Марпл энергично тряхнула головой. — Да, это определенно напоминает мне мистера Нейсмита.

— А кто это такой? — удивился Реймонд.

— Один пчеловод, — ответила мисс Марпл. — Замечательные акростихи[6] для воскресных газет составлял. Большой был шутник... Иногда, правда, это приводило к неприятностям.

Наступила неловкая пауза. Ввиду очевидного

---

[6] notes: 6

А к р о с т и х — стихотворение, в котором начальные буквы каждой строки, читаемые сверху вниз, образуют какое-либо слово или фразу.

отсутствия всякой связи между упомянутым Нейсмитом и мисс Гриншо оставалось только предположить, что в силу преклонного возраста милая тетя Джейн *что-то напутала.*

II

Коллекция Хораса Биндлера больше не пополнялась, и вскоре он вернулся в Лондон. Тем временем Реймонд Вест действительно написал мисс Гриншо письмо, в котором предложил ей кандидатуру своей знакомой, миссис Луизы Оксли, для работы над дневниками, и по прошествии нескольких дней получил ответное письмо, написанное причудливым тонким почерком, каким писали в старину. Мисс Гриншо сообщала, что прямо-таки горит желанием воспользоваться услугами миссис Оксли и, соответственно, назначала ей встречу.

В указанное время Луиза отправилась к мисс Гриншо. Предложение оказалось весьма выгодным, и уже на следующий день она приступила к работе.

— Не знаю, как тебя и благодарить, — говорила она вечером Реймонду. — Так удачно все получилось... По пути на работу я как раз буду успевать отводить детей в школу и забирать их,

возвращаясь домой. Просто удивительно, как все чудесно устроилось. Никогда бы не поверила, что такие старосветские дамы еще существуют, если б сама не увидела.

Вернувшись вечером после первого рабочего дня, Луиза делилась впечатлениями.

— Экономку я почти и не видела. Принесла мне в половине двенадцатого кофе с печеньем и тут же исчезла. На редкость жеманная особа. Губы поджаты, слова лишнего не скажет... Подозреваю, она злится, что меня взяли на работу. А садовника Альфреда просто ненавидит. Жутко ленивый парень, из местных... Они друг с другом даже не разговаривают. Ну, мисс Гриншо, конечно, выше всех этих дрязг.

Говорит: «Сколько себя помню, с прислугой всегда так. При дедушке уж точно. У нас тогда было три садовника, мальчишка-посыльный и целых восемь служанок. И все они дни напролет только и делали, что между собой грызлись».

На следующий день Луиза возвратилась домой с новостью:

— Представляете, сегодня утром мисс Гриншо попросила меня позвонить своему племяннику.

— Племяннику?

— Да. Он, кажется, актер. Этим летом его труппа

выступает в Борхэме. Я позвонила в театр и попросила передать ему приглашение на завтрашний ланч. Что интересно, от своей экономки она это скрывает. Чем-то, видно, та ее рассердила.

— С нетерпением будем ждать завтрашнего выпуска сериала, — насмешливо заметил Реймонд.

— Но ведь и правда все как в сериале! Примирение с племянником, кровь все же не вода, составляется новое завещание...

— Тетя Джейн, вы о чем-то задумались.

— Да, действительно. Скажи, дорогая, а полицейский больше не упоминался?

— Полицейский? — удивилась Луиза. — Да нет, кажется. С чего бы?

— Ну как же... Помнишь ее замечание? — сказала мисс Марпл. — Должно же оно было *что-то* значить!

На следующий день Луиза явилась на работу в отличном расположении духа. Парадная дверь, как всегда, была распахнута настежь. Окна в доме тоже, кстати, никогда не запирались. Мисс Гриншо совершенно не боялась грабителей по той простой причине, что любой оставшийся в доме предмет весил никак не меньше тонны и вряд ли годился для продажи.

Проходя через холл к лестнице, ведущей на-

верх, Луиза привычно бросила взгляд на большой портрет Натаниэля Гриншо, висевший над камином. Гриншо, сидевший в огромном кресле и поглаживающий спускающуюся на грудь массивную золотую цепь, казался ей типичным представителем викторианской эпохи в период ее расцвета. Внушительный живот, обрюзгшее лицо, двойной подбородок... Неожиданно она подумала, что в молодости Натаниэль Гриншо был, пожалуй, недурен собой. Если бы еще не чудовищные брови и пышные черные усы... Да, тогда он определенно походил бы на Альфреда. Садовника она видела только что, возле дома. Заметив ее, он тут же выбросил сигарету, отошел от дерева и принялся энергично сметать сухие листья. «Какая жалость, — еще подумала тогда Луиза. — Такой красивый и такой лентяй».

Поднявшись на второй этаж, она вошла в библиотеку, прикрыла за собой дверь и, достав пишущую машинку и дневники, приготовилась работать. Выглянув в открытое окно, она заметила мисс Гриншо, прилежно ковырявшуюся на своих альпийских горках. Последние два дня были дождливыми, и сорняки сильно разрослись. Мисс Гриншо была в своем неизменном красновато-коричневом платье в цветочек.

Луиза, горожанка до мозга костей, мельком подумала, что никакая сила не заставила бы что-то пропалывать ее, Луизу, и принялась за работу.

В половине двенадцатого в библиотеку вошла миссис Крессвелл. Настроение у нее, похоже, было даже хуже, чем обычно. С грохотом поставив поднос на стол и глядя поверх Луизиной головы, она сообщила:

— Гости к ланчу, а в доме ни крошки! *И что мне теперь, интересно, делать?* Альфреда, понятно, нигде нет.

— Когда я пришла, он подметал на центральной аллее, — сказала Луиза.

— Понятно. Подметал. Это как раз по нем.

Миссис Крессвелл величественно выплыла из комнаты и захлопнула за собой дверь. Луиза улыбнулась. Интересно, что за племянник у Гриншо.

Выпив кофе, она вернулась к работе и скоро увлеклась, настолько, что совсем не замечала времени. Мемуары Натаниэля Гриншо с каждой страницей становились все откровеннее. Старик, видимо, вошел во вкус. Добравшись до отрывка, целиком посвященного достоинствам какой-то служанки из соседнего городка, Луиза подумала, что одной редакторской правкой здесь явно не

обойтись.

От столь пикантного чтения ее отвлек донесшийся из сада крик. Подбежав к открытому окну, Луиза увидела мисс Гриншо, которая, шатаясь, брела к дому, прижимая обе руки к горлу. Луиза не сразу даже заметила странный предмет, торчащий между ее пальцами. Тонкий, длинный, украшенный на конце перьями... Не веря своим глазам, Луиза поняла наконец, что из горла мисс Гриншо торчит самая настоящая стрела.

— ... он... в меня... из лука... помогите... — донесся до Луизы хрип. Глаза мисс Гриншо на миг встретились с глазами Луизы, но она тут же уронила голову.

Луиза бросилась к двери и яростно принялась дергать ручку. Дверь не открывалась. Прошло несколько секунд, прежде чем она осознала, что ее заперли. Она вновь бросилась к окну.

— Я заперта!

Мисс Гриншо, уже с большим трудом удерживаясь на ногах, звала теперь экономку, окно которой находилось рядом с библиотечным.

— ... в полицию... телефон...

Качаясь как пьяная, она вошла в дом и исчезла из поля зрения Луизы. Минутой позже снизу послышался звон разбитой посуды, упало что-то

тяжелое, и наступила тишина. Луиза прекрасно могла представить себе, что там случилось. Мисс Гриншо, из последних сил цепляясь за маленький столик с севрским чайным сервизом, опрокинула его и упала сама.

В отчаянии Луиза принялась колотить в дверь библиотеки, не переставая громко звать на помощь. Устав наконец от бессмысленного сражения с дверью, она снова бросилась к окну. Но ни водосточной трубы, ни вьющихся растений, по которым можно было бы спуститься вниз, она не увидела... Зато увидела голову экономки, осторожно высунувшуюся из соседнего окна.

— Миссис Оксли, помогите же. Выпустите меня. Меня заперли!

— Меня тоже.

— Какой кошмар! Я уже вызвала полицию. Здесь есть телефон. Чего я не пойму, так это почему я не слышала, как меня заперли? Вот вы... вы слышали, как ключ повернулся в замке?

— Н-нет. Господи, но что же нам делать? И почему Альфред не отзывается?

Луиза изо всех сил закричала:

— Альфред! Альфред!

— Сильно подозреваю, что он ушел обедать. Который теперь час?

Луиза взглянула на свое запястье.

— Двадцать пять минут первого.

— Ему еще пять минут работать. Впрочем, он не упустит случая улизнуть пораньше.

— Вы думаете... вы думаете...

Луиза хотела спросить: «Вы думаете, она мертва?» — но слова застряли у нее в горле.

Оставалось только ждать. Она уселась на подоконник. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем из-за угла дома появилась внушительная фигура в шлеме. Луиза высунулась из окна, и констебль, прикрыв рукой глаза от яркого солнца, задрал голову.

— Что тут у вас? — недовольно спросил он.

Луиза и миссис Крессвелл, каждая из своего окна, наперебой принялись объяснять ему, что случилось.

Констебль поморщился и, не спеша, достал карандаш и блокнот.

— Дамы, я вас попрошу... Во-первых, ваши имена. Потом, зачем вы заперлись в своих комнатах...

— Мы не запирались, нас кто-то запер. Поднимитесь же и выпустите нас наконец!

— Всему свое время, — степенно молвил констебль и, войдя в дом, скрылся из виду.

Снова потекли долгие минуты ожидания. Вскоре послышался шум автомобиля, и через несколько минут, показавшихся Луизе часом, они оказались на свободе — сначала миссис Крессвелл, а затем и она сама. Прибывший на место происшествия сержант полиции оказался куда более расторопным, чем констебль.

— А мисс Гриншо... — Голос Луизы дрогнул: — Как она?

Сержант откашлялся.

— Глубоко сожалею, мадам, но, как я уже сообщил миссис Крессвелл, мисс Гриншо мертва.

— Что значит мертва? — возмутилась миссис Крессвелл. — Убита, вы хотели сказать.

— Это мог быть несчастный случай, — осторожно проговорил сержант. — Скажем, кто-то из деревенских ребятишек играл с луком...

Услышав шум подъезжающей машины, он поспешил вниз, на ходу бросив:

— Это врач.

Луиза и миссис Крессвелл поспешили за ним. Однако сержант ошибся. Молодой человек, со смущенным и нерешительным видом переминавшийся на пороге, ни в коем случае не походил на врача.

— Простите, могу я узнать... Мисс Гриншо здесь

живет? — увидев их, спросил он приятным и показавшимся Луизе странно знакомым голосом.

— Так точно, сэр, а вы, собственно, кто ей будете? — выступил вперед сержант.

— Вообще-то я ей племянник, — ответил молодой человек. — Флетчер. Нат Флетчер.

— Ах вот как... Прошу прощения... Я не знал...

— Да что такое? — испуганно спросил Флетчер.

— Произошел... а... несчастный случай: ваша тетя... — начал было сержант, но его перебил истеричный голос миссис Крессвелл, в котором не осталось и следа обычной изысканности:

— Прикончили вашу тетю, вот что! Прикончили!

III

Инспектор Велш оперся локтями о стол и обвел взглядом четверых собравшихся. Был вечер того же дня. Инспектор заехал к Вестам, чтобы уточнить показания Луизы Оксли.

— Вы уверены, что слышали именно эти слова: *«... он... в меня... из лука... помогите...»?*

Луиза кивнула.

— А который был час?

— Я как раз взглянула на часы. Было где-то минут двадцать пять первого.

— А у вас точные часы?

— Библиотечные показывали то же время.

Инспектор повернулся к Реймонду Весту.

— Насколько мне известно, сэр, примерно неделю назад вы и мистер Хорас Биндлер засвидетельствовали подлинность завещания мисс Гриншо?

Реймонд вкратце изложил обстоятельства их визита в «Причуду Гриншо».

— Ваши показания могут сыграть важную роль, — заметил Велш. — Значит, мисс Гриншо сказала, что составила завещание в пользу своей экономки и поэтому больше не собирается выплачивать ей жалованье, так?

— Да, это ее слова.

— А как вы думаете, миссис Крессвелл об этом знала?

— Несомненно. Когда мисс Гриншо в ее присутствии упомянула о том, что лицо, в пользу которого составлено завещание, не может быть свидетелем при его подписании, миссис Крессвелл ясно дала понять, что понимает, о чем идет речь. Более того, мисс Гриншо говорила мне, что они с миссис Крессвелл давно уже все это обсудили.

— Таким образом, у миссис Крессвелл были все

основания считать себя лицом заинтересованным. Вполне достаточный мотив для убийства, и она была бы главным подозреваемым, если бы не два обстоятельства: во-первых, она, как и миссис Оксли, была заперта в своей комнате, а, во-вторых, по словам покойной, в нее стрелял *мужчина...*

– *Она действительно была заперта?*

— О да. Сержант Кейли выпустил ее. Там солидный старинный замок с огромным ключом. Ключ находился в замке, и ни повернуть его изнутри, ни открыть дверь как-нибудь иначе было решительно невозможно. Миссис Крессвелл была заперта в своей комнате и не могла оттуда выйти — приходится принимать это за установленный факт. К тому же в ее комнате не нашли ни стрел, ни лука. И потом, мисс Гриншо практически не могла быть убита выстрелом из того окна: помешал бы угол дома. Нет, миссис Крессвелл определенно здесь ни при чем.

Он немного помолчал и спросил:

— Скажите, как вам показалось: у мисс Гриншо была склонность к розыгрышам?

Мисс Марпл бросила на него проницательный взгляд.

— Значит, завещание было составлено все-таки

не в пользу миссис Крессвелл? — спросила она.

Инспектор Велш посмотрел на нее с явным удивлением.

— Вы поразительно догадливы, мадам, — сказал он. — Нет, она там даже не упоминается.

— Ну, совершенно в духе мистера Нейсмита, — заметила мисс Марпл, кивая головой. — Избавила себя от необходимости выплачивать миссис Крессвелл жалованье, сказав, что сделала ее своей наследницей, а сама тем временем завещала деньги кому-то другому. Помнишь, Реймонд, ты говорил, она все хихикала, пряча завещание в *«Тайну леди Одли»?* Ну еще бы! У нее были все основания собой гордиться.

— Очень, кстати, удачно, что мы заранее знали, где искать завещание, — сказал инспектор. — В противном случае пришлось бы порядком повозиться.

— Викторианское чувство юмора, — пробормотал Реймонд Вест.

— Значит, на самом деле она оставила все племяннику? — спросила Луиза.

Инспектор Велш покачал головой.

— Она не оставила Нату Флетчеру ни пенни. Я, конечно, человек в ваших краях новый и могу ошибаться, но, по слухам, в свое время обе сестры

Гриншо были неравнодушны к некоему учителю верховой езды, но, естественно, чувства одной из них остались без ответа. Так что деньги она завещала не племяннику... — Инспектор устало потер подбородок: — Она оставила их Альфреду.

— Садовнику? — удивленно переспросила Джоан.

— Да, миссис Вест, садовнику. Альфреду Поллоку.

— Но почему? — вскричала Луиза.

Мисс Марпл кашлянула и пробормотала:

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, по, так сказать, *семейным причинам.*

— Вот именно, — согласился инспектор. — Похоже, в деревне ни для кого не секрет, что дед Альфреда, Томас Поллок, был внебрачным сыном старого Гриншо.

— Ну, конечно! — осенило Луизу. — А я-то все гадала, откуда такое сходство.

— Вероятно, мисс Гриншо полагала, — сказала мисс Марпл, — что Альфред Поллок гордится этим домом и, возможно, даже мечтал в нем жить. В то время как ее племяннику он, скорее всего, ни к чему, и он постарался бы как можно скорее от него избавиться. Он ведь актер, да? И в какой пьесе сейчас играет?

«Ну вот, теперь старушка уведет разговор в сторону», — подумал инспектор Велш, однако вежливо ответил:

— Насколько мне известно, мадам, весь сезон будут идти пьесы Джеймса Барри.

— Барри, — задумчиво повторила она.

— Ну да, Джеймс Барри. Который еще написал *«Что знает каждая женщина»*, — подтвердил инспектор и тут же покраснел. — Сам-то я не большой любитель театра, но моя жена на прошлой неделе смотрела и осталась очень довольна.

— Да, у него попадаются премилые вещицы, — заметила мисс Марпл, — хотя, признаться, когда я со своим старым другом генералом Истерли смотрела *«Маленькую Мэри»*, то просто не знала, куда глаза девать.

Мисс Марпл сокрушенно покачала головой.

Велш, с *«Маленькой Мэри»* незнакомый, недоуменно смотрел на мисс Марпл.

— Во времена моей юности, инспектор, — с достоинством пояснила та, — уже самое слово *«желудок»* считалось неприличным...

Инспектор совсем перестал что-нибудь понимать. Мисс Марпл же неспешно продолжала:

— Больше всего мне у него нравится *«Восхитительный Крайтон»* и *«Мэри Роуз»*. Совершенно

очаровательная вещица. Помню, я даже плакала. А вот *«Кволити Стрит»* оставила меня совершенно равнодушной. *Ну и конечно, «Поцелуй для Золушки».*

На этом перечисление кончилось, и инспектор Велш с облегчением вернулся к занимавшему его вопросу.

— Неясно только, знал ли Альфред Поллок об этом завещании. Говорила ему об этом мисс Гриншо или нет? Видите ли, это довольно важно, поскольку в Борхэме есть клуб стрелков из лука, и *Альфред Поллок является его членом.* Причем одним из лучших.

— Но это же все объясняет! — вскричал Реймонд. — В том числе и то, каким образом обе женщины оказались заперты. Уж Альфред-то прекрасно знал, где они могут находиться.

Взглянув на него, инспектор меланхолически ответил:

— У него есть алиби.

— А мне казалось, алиби всегда подозрительны.

— Вы говорите как писатель, — сказал инспектор Велш.

— Господь с вами! В жизни не писал детективных романов! — возмутился Реймонд Вест.

— Так или иначе, приходится считаться с фактами, — тяжело вздохнул инспектор, — алиби у него есть. На данный момент у нас есть трое подозреваемых, — продолжил он. — Все трое находились поблизости от места преступления примерно в момент его совершения, и все трое, как ни странно, не имели ни малейшей возможности его совершить. Про экономку я уже говорил. Племянник, Нат Флетчер, как раз в это время заехал в гараж заправиться и уточнить дорогу. Что касается Альфреда Поллока, то, по крайней мере, шесть человек готовы присягнуть, что в двадцать минут первого он зашел в «Собаку и Утку» и просидел в углу, потягивая свое пиво, никак не меньше часа.

— Тщательно подготовленное алиби? — спросил Реймонд, выжидательно глядя на инспектора.

— Если так, — отозвался тот, — тогда просто блестяще подготовленное.

Наступила продолжительная пауза. Чтобы прервать тягостную тишину, Реймонд обратился к мисс Марпл, которая молча сидела в своем кресле с крайне задумчивым видом:

— Что скажете, тетя Джейн? Я, например, в совершеннейшем тупике. И Джоан, и Луиза,

и сержант, и инспектор тоже. Но вам-то, тетя Джейн, все ясно, не правда ли?

— Нет, дорогой мой, — ответила мисс Марпл, — *не все.* И вообще, Реймонд, убийство вовсе не повод для шуток. Тем более такое жестокое убийство. Очень хорошо продуманное и на редкость хладнокровно исполненное. *Неужели это так смешно, Реймонд?*

— Да нет, конечно, — смутился тот. — Не такой уж я бессердечный, как может показаться. Просто, если не относиться к некоторым вещам с юмором, жить не захочется.

— Что ж, возможно, это действительно в духе времени, — заметила мисс Марпл, — смеяться над войнами и похоронами. Беру свои слова обратно.

— Но ведь мы ее почти не знали, — заметила Джоан.

– *Совершенно верно*, душечка, — отозвалась мисс Марпл. — Причем мы с тобой не знали ее вообще. Луиза была знакома с ней всего два дня, а впечатление о ней Реймонда основывается всего лишь на одной встрече.

— Ну теперь-то, тетя, — попросил Реймонд, — вы поделитесь с нами своими соображениями? Вы не возражаете, инспектор?

— Конечно же не возражаю, — вежливо сказал

инспектор Велш.

— Что ж, — начала мисс Марпл, — насколько я понимаю, налицо три человека, у которых были причины — или им так казалось, что совершенно одно и то же, — совершить убийство, и столько же соображений, почему они никак не могли этого сделать. Экономка сидела взаперти у себя в комнате; кроме того, мисс Гриншо определенно утверждала, что в нее стрелял *мужчина.* Садовник во время совершения убийства находился в «Собаке и Утке». Племянник в это время был в гараже.

— Вы очень точно все обозначили, мадам, — заметил инспектор.

— И, поскольку кажется маловероятным, что это мог сделать кто-то со стороны, то к какому же выводу мы приходим?

— Как раз это инспектор и хотел бы знать, — вставил Реймонд.

— Мы так часто ошибаемся в своих суждениях, — мягко произнесла мисс Марпл. — Поэтому, раз уж мы не можем изменить местонахождение или передвижение подозреваемых, почему бы нам не попробовать изменить время совершения убийства?

— Вы хотите сказать, что и мои часы, и те, что

в библиотеке, показывали не правильное время? — спросила Луиза.

— Нет, дорогая, я вовсе не это имела в виду. Я хотела сказать, что убийство произошло не тогда, когда ты его увидела.

– *Но я видела все своими глазами!* — вскричала Луиза.

— Конечно, душечка, вопрос в том, *что именно ты видела.* Ты не задумывалась, почему тебя приняли на эту работу?

– *Что вы имеете в виду, тетя Джейн?*

— Разве тебе самой это не кажется странным, милая? Мисс Гриншо не любила тратить деньги и тем не менее охотно наняла тебя, да еще на таких выгодных условиях. Мне кажется, все было рассчитано заранее: поместить тебя в библиотеке, откуда ты через открытое окно сможешь точно зафиксировать время и место преступления и стать, таким образом, главным свидетелем. Совершенно незаинтересованным и потому полностью заслуживающим доверия.

— Не хотите же вы сказать, — спросила Луиза с недоверием, — что мисс Гриншо *спланировала* собственное убийство?

— Я только хочу сказать, дорогая, что ты плохо знала покойную. Ведь нет решительно никаких

оснований утверждать, что мисс Гриншо, которую видела ты, была той самой мисс Гриншо, с которой разговаривал Реймонд за несколько дней до этого. Да, да, я знаю, — продолжала мисс Марпл, предупреждая возражения Луизы, — она носила старомодное ситцевое платье, странную соломенную шляпу и у нее были неопрятные волосы. Она в точности соответствовала тому образу, который нарисовал Реймонд. Но ведь они примерно одного возраста, роста и комплекции. Я имею в виду экономку и мисс Гриншо.

— Но экономка толще! — вскричала Луиза. — И потом... видели бы вы ее бюст!

Мисс Марпл кашлянула.

— Э... душечка, сейчас такие времена... недавно я сама видела эти... гм... ну, эти... вы понимаете. Выставлены в витрине самым нескромным образом. *Просто подходи и выбирай какой тебе понравится.*

— Я что-то не понимаю, — запротестовал Реймонд.

— Я просто думаю, дорогой, что в течение тех двух дней, что Луиза там проработала, одна женщина вполне могла исполнять две роли. Ты сама говорила, Луиза, что почти не встречалась с экономкой, только когда она приносила тебе

кофе. Каждый ведь видел, как в театре актеры поочередно изображают совершенно различных персонажей с паузой в две-три минуты. Думаю, в нашем случае метаморфоза могла быть достигнута самым простым способом. Эта великолепная аристократическая прическа, например, могла быть самым обычным париком, который в любой момент легко можно снять.

— Господи, тетя Джейн! Так вы, значит, думаете, что, когда я пришла туда в первый раз, мисс Гриншо уже была мертва?

— Нет еще. Вероятно, она находилась под воздействием какого-нибудь наркотика. И, думаю, это еще не самое худшее, на что способна миссис Крессвелл. Она договорилась с тобой относительно работы, потом попросила тебя позвонить племяннику и пригласить его на ланч к определенному часу. Единственным, кто мог бы узнать *настоящую* мисс Гриншо, был Альфред, но, как ты помнишь, первые два дня шел дождь и она не выходила из дома. А Альфред почти и не бывал в доме из-за давней вражды с экономкой. Сегодня же утром, когда мисс Гриншо работала в саду, он подметал на центральной аллее. Кстати сказать, мне было бы интересно взглянуть, что она там навыпалывала.

— Так вы считаете, что убийца — миссис Крессвелл?

— Я думаю, что, принеся кофе, эта женщина заперла тебя и перенесла бесчувственную мисс Гриншо в гостиную. После этого она изменила внешность и отправилась пропалывать альпийские горки. В какой-то момент она закричала и, шатаясь, направилась к дому, сжимая стрелу, которая будто бы пронзила ей горло. Она нарочно сказала *«он стрелял»,* чтобы отвести подозрения от себя. Для этого же стала звать миссис Крессвелл, притворившись, что видит ее в окне. Затем, войдя в гостиную, опрокинула столик с сервизом и поднялась наверх. Надела парик и, высунувшись из окна, сообщила тебе, что тоже заперта.

– *Но она действительно была заперта,* — сказала Луиза.

— Я знаю. Вот тут-то и появляется полицейский.

— Какой полицейский?

— Вот именно — какой? Инспектор, не будете ли вы так любезны рассказать мне, *как и когда вы прибыли на место.*

Инспектор, казалось, пришел в сильное замешательство.

— В двадцать девять минут первого нам позвонила миссис Крессвелл, экономка мисс Гриншо, и заявила, что ее хозяйка убита. Сержант Кейли и я немедленно выехали на место происшествия и прибыли туда без двадцати пяти минут час. Мы обнаружили мертвую мисс Гриншо и двух женщин, запертых в своих комнатах.

— Ну вот, дорогая, — сказала Луизе мисс Марпл, — констебля, *которого ты видела,* в природе не существует. Но, поскольку — вы уж простите, инспектор, — у полицейского видишь только форму, никто, в том числе и Луиза, о нем больше не вспоминал.

— Но кто это был?

— Кто? Если бы вы видели *«Поцелуй для Золушки»,* то конечно бы знали, что главный герой там — полицейский. Так что форма у Ната Флетчера была под рукой. По дороге он завернул в гараж, обратив внимание механиков на время и обеспечив тем самым свое алиби: было двадцать пять минут первого. Затем, подъехав к дому, оставил машину за углом, быстро надел форму и сделал свое дело.

— Какое еще дело?

— Оставалось только запереть экономку снаружи и воткнуть стрелу в горло настоящей мисс

Гриншо. Лук для этого, как вы понимаете, вовсе не обязателен: это можно сделать и рукой.

— Вы хотите сказать, они сообщники?

— Подозреваю, что не только. Очень возможно, они мать и сын.

— Но сестра мисс Гриншо давно умерла.

— Зато ее муж жив. И, зная репутацию Флетчера-старшего, можно не сомневаться, что вскоре он женился снова. Кроме того, подозреваю, что ребенок от первого брака давно умер и этот так называемый племянник — сын его второй жены, то есть даже и не Гриншо. Ну вот, мать устроилась экономкой у мисс Гриншо и как следует изучила обстановку. Затем ее сын написал мисс Гриншо письмо, назвался ее племянником и предложил навестить ее. Не исключено, что при этом он пошутил насчет того, что может появиться в полицейской форме, а может, просто пригласил на спектакль. Так или иначе, мисс Гриншо каким-то образом догадалась, что он ей не родня, и отказалась его принять. Если бы она умерла, не оставив завещания, он автоматически становился бы ее наследником. Если бы они знали, что мисс Гриншо уже составила завещание в пользу Альфреда, ничего бы и не случилось, но она заставила экономку поверить, что сделала ее наследницей.

После этого ее участь была решена.

— Но почему стрела? — спросила Джоан. — Довольно странный выбор орудия преступления.

— Вовсе нет, милочка. Альфред — член стрелкового клуба, и подозрение тут же бы пало на него. То, что он отправился в пивную даже раньше обычного — в двадцать минут первого, — оказалось для них роковой случайностью.

Мисс Марпл покачала головой.

— Вообще-то мне это кажется возмутительным. Он всегда уходил раньше времени. Впервые вижу, чтобы лень спасала человеку жизнь. Какой урок он из этого вынесет?

Инспектор наконец обрел дар речи.

— Мадам, все ваши предположения будут самым тщательным образом рассмотрены и проверены...

IV

Мисс Марпл и Реймонд стояли на газоне возле альпийской горки и смотрели на садовую корзину, полную увядающих растений.

Мисс Марпл бормотала:

— Бурачок, камнеломка, подладанник, колокольчики... *Вот и доказательство.* Кто бы ни полол здесь утром, в растениях он не разбирался

совершенно. Сколько сорняков, столько же и цветов! Ну ладно, теперь я хоть больше *не сомневаюсь.* Спасибо, Реймонд, что проводил. Хотелось убедиться своими глазами.

Мисс Марпл со смешанным чувством рассматривала чудовищную громаду дома, когда за ее спиной кто-то кашлянул. Она обернулась. Стоявший поодаль красивый молодой человек, не отрываясь, смотрел на дом.

— Ну и домина! — сказал он. — Знаете, кое-кто считает, что по нынешним временам он чересчур велик, а по мне так в самый раз. Эх! Вот выиграть бы мне в тотализатор... Я бы построил точно такой же!

Альфред Поллок застенчиво улыбнулся и взъерошил себе волосы.

— Вы, наверное, и сами уже знаете. Это дом моего деда... и, по-моему, отличный дом, хоть все и называют его «Причудой Гриншо».

ПРИМЕЧАНИЯ

